

W. Brown

*Посвящается светлой памяти
Павла Павловича Демидова
князя Сан-Дonato
(к 170-летию со дня рождения)*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕМИДОВСКИЙ ФОНД

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ САН-ДОНАТО

*Княгиня Абамелек-Лазарева,
урожденная Демидова*

Москва
Издательский центр
«Концепт-Медиа»
2009

ББК 63.3(2) 47я43

УДК 947(059)

А 57

Составление, публикации, комментарии

Михаил Григорьевич Талалай

Редакционный совет:

Н.Г. Демидова, В.С. Мелентьев, М.А. Розанова,

Я.П. Рябов, М.Г. Талалай

В оформлении обложки использованы фотопортрет
и автограф М.П. Демидовой из частной коллекции

**Последняя из Сан-Дonato: Княгиня Абамелек-Лазарева,
урожденная Демидова.** — М.: Издательский центр «Концепт-
А 65 Медиа», 2009. — 192 с., с илл.

Основу книги составляют письма из эпистолярной части архива княгини Марии Павловны Абамелек-Лазаревой, урожденной Демидовой княжны Сан-Дonato, хранящиеся ныне в Демидовском фонде Исторического архива Провинции Флоренции. На русском языке публикуются впервые. Большинство писем касается судеб эмиграции «первой волны» в странах Европы, особенно в Италии. Приведены документы, повествующие об истории строительства русской православной церкви во Флоренции и жизни патронируемого княгиней церковного хора. Рассказано о самой М.П. Абамелек-Лазаревой, судьбе ее флорентийского архива, освещены генеалогия княгини и этапы жизни ее мужа, князя С.С. Абамелек-Лазарева.

Издание адресовано всем, кому дорога российская история.

УДК 947(059)
ББК 63.3(2) 47я43

Охраняется Законом РФ об авторском праве

Некоммерческое издание

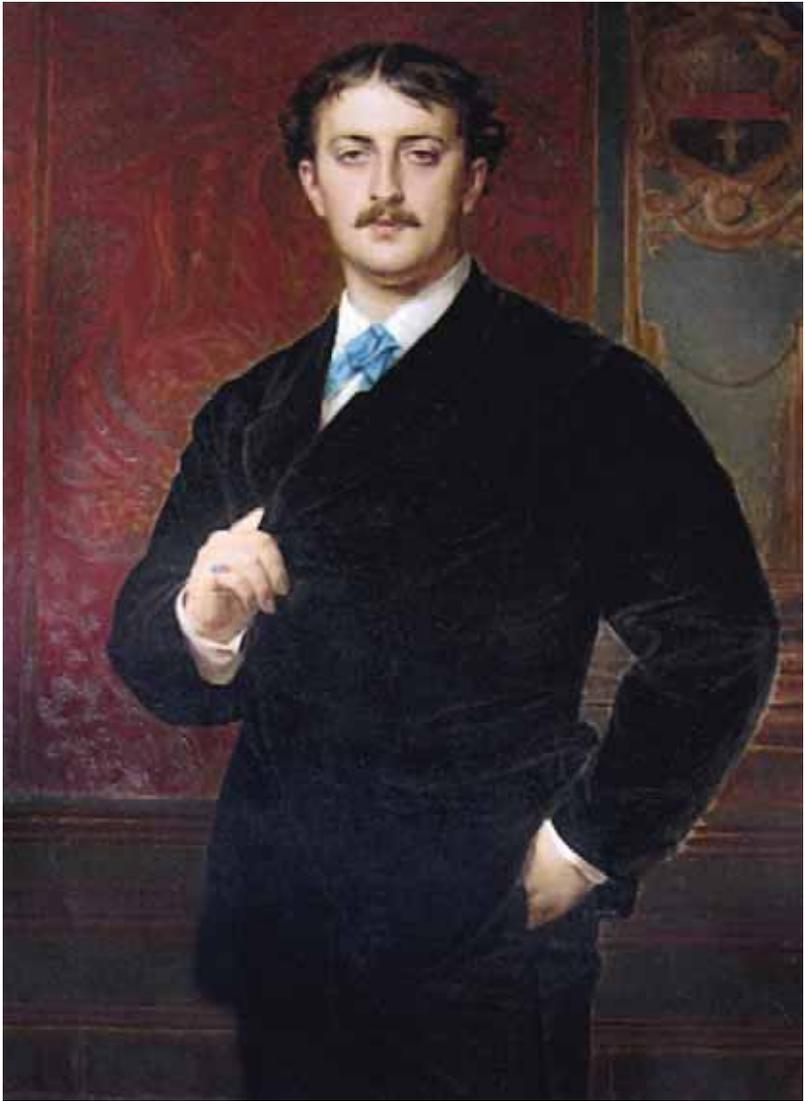
© Международный Демидовский Фонд, 2009

© М.Г. Талалай, составление, публикации,
комментарии, 2009

© Оформление. Издательский центр
«Концепт-Медиа», 2009

Княгиня Мария Павловна (Moina) Абамелек-Лазарева, урожденная
Демидова княжна Сан-Донато (1877–1955).
Фотография 1898 г. (?). Публикуется впервые.
Собрание А. Тиссо-Демидова (Лондон)

Павел Павлович Демидов князь Сан-Донато (1839–1885).
*Неизвестный итальянский художник. Холст, масло. Фрагмент.
Уменьшенная копия с портрета работы А.А. Харламова. Флоренция,
1880-е гг. Публикуется впервые. Собрание А. Карагеоргиевича (Париж)*

Елена Петровна Демидова княгиня Сан-Дonato,
урожденная княжна Трубецкая (1853–1917).

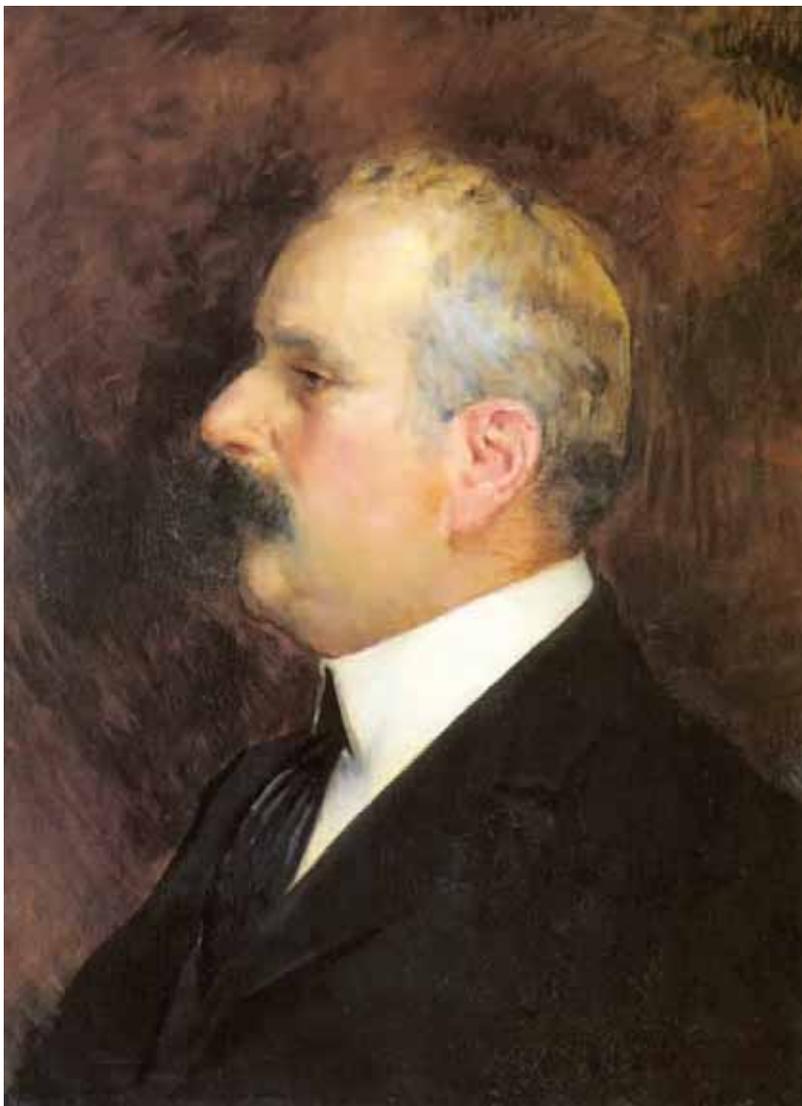
*Портрет работы художника А.А. Харламова. Холст, масло, 1884 г.
Один из лотов (№312) под названием «Дама в охотничьем
костюме» аукциона Сотби (Нью-Йорк, апрель 2007 г.).*

На торги портрет поступил из частной коллекции во Флоренции.

*Есть сведения, что муж княгини, П.П. Демидов князь Сан-Дonato,
заказал уменьшенную копию этого портрета, которая была
выполнена неизвестным итальянским художником.*

До 1969 г. копия находилась на вилле Демидовых Пратолино.

*В настоящее время находится в собрании А. Карагеоргиевича
(Париж).*

Князь Семен Семенович Абамелек-Лазарев (1857–1916).
Портрет работы художника А.В. Исупова.
Холст, масло, начало XX в.
Из альбома: «Villa Abamelek» / Изд-е О. Адамишиной. Рим, 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>Н.Г. Демидова</i>)	13
<i>М.Г. Талалай</i> (Неаполь) Мария Демидовф, она же Абамелек-Лазарева	17
<i>Симонетта Мерендони</i> (Флоренция) Русское наследство из Пратолино	32
<i>Ренато Ризалити</i> (Пистойя) Переписка М.П. Демидовой с русской эмиграцией в Европе	40

ПИСЬМА

(публикация *М.Г. Талалая*)

1. Н.Н. Лохов (Флоренция)	47
2. И. Кистяковский (Париж)	50
3. Неизвестный корреспондент (Флоренция)	55
4. М. Потоцкая (Москва)	58
5. Князь Н.А. Карагеоргиевич (Париж)	60
6. А.С. Семенов (Валаам)	65
7. Игумен Харитон (Валаам)	67
8. Барон П. Корф (Бетель)	69
9. Генерал Е. Миллер (Париж)	71
10. Князь Н. Вадбильский (Белград)	73
11. Митрополит Евлогий (Георгиевский) (Париж) ...	75
12. Князь Н.Д. Жевахов (Бари)	78
13. о. Сергей Ноаров (Бари)	84
14. Ф.М. Галка (Рим)	86
15. О.А. Белосельская (Ленинград)	87

16. Н.Х. Флерова (Давос-Плац)	88
17. А.П. Марков (Рим)	91
18. Сергей ? (Москва)	94
19. о. Иоанн Турский (Салоники)	95
20. И. Суханов (Париж)	96
21. Д. Наричцано (Флоренция)	98
22. П. Кромалицкий (Рим)	99
23. И.В. Варданов (Флоренция)	101
24. О. Старкова (Рим)	103
25. Баронесса О. Мейендорф (София)	105
26. Поручик Дмитриев (Рим)	106
27. иеромонах Нестор (Афон)	111
28. Е. Лохвицкая (Париж)	112
29. М.И. Диев (Рим)	114
30. о. Николай Ухтомский (Шипка)	116
31. Р.А. Иваницкий-Ингило (Рим)	117
32. А. Бибилова (Ницца)	119
33. Б. Шишинторов (Рим)	120
34. Ксения ? (Югославия)	122
35. Е. Воронцова (Рим)	123
36. Ф. Кич (Ницца)	125
37. Е. Букколини (Рим)	127
38. о. Иоанн Лелюхин (Мерано)	128
39. Е.А. Демидова (Эпинэ-Сен)	130
40. Князь М.К. Горчаков (Нёйи-сюр-Сен)	131
41. Архимандрит Симеон (Рим)	136
42. А. Татищев (Париж)	137
43. А. Мясоедов (Рим)	139
44. Игумен Алексей (Кириевский) (Мурмелон)	143
45. М. Федоров (Париж)	145

46. К.И. Кучум (Рим)	147
47. В. Поклитарь (Флоренция)	148
48. Г. Иванов (Флоренция)	150
49. Барон Дандес (Рим)	151
50. Н. Посохов (Турин)	153
51. Князь П.Ф. Долгорукий (Эдинбург)	154
52. о. Владимир Любимов (Ницца)	155
53. Ю. Дондуков-Издаринов (Ней-Грюнвальд)	157

МЕМУАРЫ

<i>о. Владимир Левицкий</i> (Флоренция) «Главные жертвователи флорентийского храма» ...	159
<i>(предисловие и публикация М.Г. Талалая)</i>	
<i>А.К. Харкевич</i> (Флоренция) «Непрестанная покровительница нашего хора» ...	171
<i>(предисловие и публикация М.Г. Талалая)</i>	
Генеалогия княгини М.П. Абамелек-Лазаревой	
Из послужного списка кн. С.С. Абамелек-Лазарева	
<i>(публикация М.Г. Талалая)</i>	
Библиография	

ПРЕДИСЛОВИЕ

*М*ного сказано и написано о представителях знаменитого российского рода горнопромышленников и меценатов Демидовых, которые два века служили на благо Отечества. Но среди них были люди, не заявившие о себе громко, однако достойные всяческого внимания. Судьба их интересна уже тем, что они жили и любили рядом с известными деятелями русской культуры и православного духовенства и оставили о себе добрую память, к сожалению, не в России, а в Италии, где сберегли и продолжили семейные традиции благотворительности.

Героиня этой книги – княгиня Мария Павловна Абамелек-Лазарева, урожденная Демидова княжна Сан-Донато, дочь действительного статского советника, егермейстера, киевского городского головы и единаличного владельца Нижнетагильского горного округа на Урале Павла Павловича Демидова князя Сан-Донато. Мать ее, Елена Петровна, происходившая из княжеского рода Трубецких, была дочерью предводителя петербургского дворянства Петра Никитича Трубецкого и его жены Елизаветы Эсперовны, урожденной княгини Белосельской-Белозерской. От своей бабушки, Авроры Карловны Шернваль-Демидовой-Карамзиной, поэтической музы Е. Баратынского, П. Вяземского, В. Жуковского, она унаследовала ослепительную красоту, став, по отзывам современников, «очаровательнейшей женщиной своего времени».

Мария Павловна – представительница четвертого поколения «флорентийских» Демидовых, так называемой «сан-донатской» ветви демидовского рода, еще с начала XIX в. избравших своим местожительством Италию. Она родилась во Флоренции на фамильной вилле Демидовых в предместье Сан-Донато, детство и юность провела в Киеве и в Италии, а выйдя замуж за кня-

зя Семена Семеновича Абамелек-Лазарева, часто жила то в Риме на его вилле «Абамелек», то в Петербурге, то в имении Демидовых Пратолино близ Флоренции, которое получила от матери в качестве приданого. После кончины мужа и революции 1917 года она навсегда поселилась в Италии.

Итальянцы хорошо знают и почитают княгиню Марию за ее широкую, в стиле семейных демидовских традиций, благотворительную деятельность, поддержку русской православной церкви во Флоренции, в Риме, находящемуся в Бари Свято-Никольскому подворью, за помощь русским эмигрантским организациям и многочисленным частным лицам, выброшенным из России революционным вихрем на чужбину.

Скончалась Мария Павловна Демидова в июле 1955 года в Пратолино и там же была похоронена. Имение, более известное как «Villa Demidoff», она завещала своему племяннику, сыну сестры Авроры, югославскому принцу Павлу Карагеоргиевичу, который в 1969 году продал имущество виллы при посредничестве аукционного дома «Сотби»; сама же вилла была приобретена в собственность провинцией Флоренции.

Без хозяина остался лишь обширный архив княгини. Ему была уготовлена печальная участь, не подоспей в Пратолино специалисты из Архива провинции Флоренции. Благодаря самоотверженным усилиям экспертов сохранившуюся на вилле часть архива собрали и перевезли во Флоренцию, где документы и письма были разобраны, систематизированы, обработаны и подготовлены к печати. Результатом их долгой и кропотливой работы стало издание в 2000 году книги «L'archivio della principessa Demidova. Lettere e documenti [Архив княгини Демидовой. Письма и документы]», содержащей переведенные на итальянский язык документы и переписку княгини М.П. Абамелек-Лазаревой, которую в Италии до сих пор называют Демидовой.

Вышедшая во Флоренции книга была адресована преимущественно итальянскому читателю, что сделало ее недоступной большинству наших соотечественников, пожалуй, кроме избранного круга русских исследователей, в том числе и составителя настоящего издания М.Г. Талалая, которые знали об архи-

ве Марии Демидовой и в течение ряда лет работали с его материалами.

Значительную часть архива составляют письма на русском языке, касающиеся судеб эмиграции «первой волны» в Италии, где оказалась и аристократия, и бывшие дипломаты, и духовенство, и военные, и творческая элита, и тысячи простых людей, бежавших от большевистского режима. Наибольший интерес представляют письма, в которых, как в зеркале, отразились история жизни изгнанников из России, их чаяния, нужды, боль и отчаяние загнанных в тупик людей, воспоминания о прежних доблестях, надежда на возвращение на родину. Многие из них благодаря поддержке княгини смогли выжить, не умереть от голода и даже получить работу.

Именно поэтому Международный Демидовский Фонд счел необходимым опубликовать письма, адресованные Марии Павловне и ее секретарю Ф.М. Галке, отдельной книгой на языке оригинала, т.е. на русском, с тем, чтобы помочь русскоязычному читателю больше узнать о корреспондентах княгини, их жизни на чужбине, чаяниях и проблемах, снабдив их примечаниями и комментариями, чего было практически лишено итальянское издание.

С этой целью по предложению Фонда и при содействии заведующей Историческим архивом провинции Флоренции госпожи Симонетты Мерендони живущим в Италии русским исследователем М.Г. Талалаем были отобраны, снабжены комментариями и подготовлены к публикации наиболее важные письма из эпистолярной части архива Марии Демидовой.

В настоящем издании корпус публикуемых писем предврен статьями М.Г. Талалая «Мария Демидов, она же Аба-мелек-Лазарева», С. Мерендони «Русское наследство из Пратолино» в переводе с итальянского М.Г. Талалая и бывшего профессора Флорентийского университета, историка Р. Ризалити «Переписка М.П. Демидовой с русской эмиграцией в Европе». К письмам также присовокуплены отрывки из «Журнала о сооружении русской православной церкви во Флоренции», написанного протоиереем Владимиром Левицким, и дневников

регента церковного хора А.К. Харкевича, полученные М.Г. Талалаем из архива церкви и частного архива Г.С. Дозмаровой-Харкевич.

При подготовке комментариев к письмам и сборе материалов большую помощь составителю издания оказали: Антонелла Гайано (Флоренция), Патриция Деотто (Милан), Джино Келацци (Флоренция), Антуан Нивьер (Париж), Паоло Пьери-Нерли, Энрико Сестини, Джованни Вальдрэ (все трое из Флоренции). Всем им – глубокая признательность за сотрудничество, как и С. Мерендони, без доброжелательной помощи которой опубликование писем было бы невозможно.

Особая благодарность адресуется владельцам частных собраний и зарубежным потомкам рода Демидовых, предоставивших Демидовскому Фонду редкие фотоматериалы. Низкий поклон им за понимание, щедрость и благородство души.

Публикация предлагаемой вниманию читателей книги, плода сотрудничества российских и итальянских ученых, целиком лежит в русле инициатив Международного Демидовского Фонда, поставившего своей целью стереть пыль забвения с памяти о величайших русских предпринимателях, меценатах и благотворителях Демидовых. Кроме того, Фонд рад был вернуть отечественной истории еще одно блестящее имя из демидовской плеяды, сохранившее верность фамильным традициям благотворительности и служения людям «Не словами, а делами». Можно надеяться, что настоящее издание не только поможет узнать, какую память оставила нам Мария Павловна Демидова княжна Сан-Донато – последняя представительница рода Демидовых в Италии, но и получить представление о жизни в эмиграции наших соотечественников.

Н.Г. Демидова
Ответственный секретарь
Международного Демидовского Фонда

М.Г. Талалай

МАРИЯ ДЭМИДОФФ,
ОНА ЖЕ АБАМЕЛЕК-ЛАЗАРЕВА

Наша героиня полнокровно жила в двух культурах, русской и итальянской (следует упомянуть и ее культуру французскую – в первую очередь, лингвистическую и литературную – неперемнную для элиты той эпохи).

И, как двуликий Янус, княгиня Мария Павловна выступает в двух разных мирах под разными фамилиями.

В культуре русской, как и положено, она носит фамилию мужа, и известна как **княгиня Абамелек-Лазарева**. Собственно, после ее брака в 1897 г. с князем Семеном Семеновичем это и есть ее официальная фамилия, под которой она фигурирует в многочисленных юридических документах, в публикуемой нами корреспонденции и др.

Однако в культуре итальянской до конца своей долгой жизни и посмертно она прославлена под фамилией девичьей – Демидова, точнее **Démidoff** с ударением на первый слог. Да и не могло быть иначе во Флоренции, где есть Piazza Niccola Demidoff, есть памятник, поставленный в честь Николая Никитича Демидова, а главное – есть пригородная вилла Дэмидофф¹, где жила и скончалась княгиня.

Некоторая двусмысленность возникла и вокруг ее титула. Княгиня, *principessa*, – да, но лишь по мужу, князю С.С. Абамелек-Лазареву. Ее княжеский титул Сан-Дonato в России официально не был признан: отец Марии, единственный из «тосканских» князей Сан-Дonato, добился такового признания,

¹ В конце прошлого века в итальянской печати была пушена «утка», что российское правительство якобы претендует на виллу Демидофф, и обеспокоенные местные власти в срочном порядке ее переименовали в «виллу Пратолино», однако бытует, конечно, историческое название.

но оно было сделано исключительно для него, без передачи детям. Для итальянцев же, признававших сан-донатский титул, она могла быть только княжной Демидовой, то есть *principessa*, но вовсе не княгиней Демидовой.

Между тем в местную историю она вошла под именем *principessa Maria Demidoff*. И да будет так. Она, в действительности, была княгиней, пусть только с 1897 г., после замужества, и она, в действительности, была Демидовой, пусть только до 1897 года.

Княгиня Мария Павловна стала последней из «рода Сан-Дonato», и ее смерть закрыла собой целую эпоху². Откуда же появились «итальянские» потомки тульских кузнецов и уральских горнозаводчиков?

Получившие из рук тосканских владык княжеский титул, подтвержденный и при объединенном королевстве, Демидовы не могли не поразить воображение жителей Апеннинского полуострова. Сказочное богатство, меценатство, благотворительность, страстные увлечения коллекционированием, наполеомания, взлеты и падения – все это внесло огромный вклад в сотворение европейского мифа о «русских принцах» (в итальянском языке слово *principe* обозначает и князь, и принц), щедрых, артистичных и слегка сумасбродных.

Об этом написано немало, и биографии изначальных Демидовых-флорентийцев хорошо изучены³. Закончилась же демидовская эпопея в Италии с кончиной нашей героини, биография которой лишь теперь составляется из разного рода фрагментов, мемуарных обрывков, писем из архивов и т.д. Так уж рассудила

² Формально последней в этом поколении стала ее сестра Елена, в замужестве Павлова (†1959), пережившая Марию на четыре года; кроме того, их брат Анатолий имел потомство, однако именно Мария, будучи владелицей виллы Демидовых, воспринималась во Флоренции как последняя Демидова; подробнее о сан-донатской линии см. *М. Талалай* Генеалогия Демидовых князей Сан-Дonato (по зарубежным источникам) // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 3. М., 2003. С. 115–119.

³ См. хронологический список аннотированных публикаций: *Талалай М.Г., Павловский Н.Г.* Демидовы, князья Сан-Дonato. Иностранная библиография. Екатеринбург: Демидовский институт, 2005.

история, что именно княгиня Мария Павловна стала верной хранительницей родовых преданий, последней хозяйкой «дворянского гнезда».

Первым же «флорентийцем» из «сан-донатской линии» был Николай Никитич Демидов (1773–1828), в 1815 году уехавший на Запад, вроде бы по состоянию здоровья, на лечение, однако в действительности, по современной терминологии – на «постоянное место жительства», т.е. в неясную эмиграцию без утраты подданства и владений. Первые годы Николай Никитич жил в Париже, а затем навсегда поселился в Италии, сначала в Риме, затем под Пизой, на курорте Баньи-ди-Лукка, и, наконец, с 1824 года, во Флоренции.

В тосканской столице он и его потомки зажили с царским размахом: достаточно сказать, что их усадьбу Сан-Дonato прозвали «*seconda reggia*» – вторым государевым дворцом (первым был дворец Великого герцога). Вообще в Тоскане не трудно вообразить особый демидовский маршрут, куда войдет и остров Эльба с его наполеоновским музеем, и Баньи-ди-Лукка с бальнеологическим комплексом *ospedale Demidoff*, и Пратолино с его роскошной виллой, и *Piazza Demidoff* в самой Флоренции с демидовским монументом, и кафедральный собор Санта Мария дель Фьоре с геральдическим уральским кайлом на фасаде, и многое, многое другое.

Согласно флорентийским легендам, усадьба в Сан-Донато-ин-Польвероза была куплена Николаем Никитичем исключительно по одной причине: преследуемый бессонницей, он, случайно оказавшись в убогой гостинице монастыря св. Доната, впервые после многих лет обрел тут сон и с той первой безмятежной ночи поставил целью купить у иноков их обитель. Монахи поначалу, в 1825 году, уступили лишь скромный клочок земли, не желая отдавать инога, но Демидов якобы возвел перед ними такую высокую каменную стену, что насельникам спустя два года пришлось продать аббатство и уйти восвояси⁴. Такова легенда, толкующая причину обоснования русского богача

⁴ См. Сан-Донато. Хроника [перевод с фр. анонимной рукописи] // Русский архив, 1903, кн. 2, № 8. С. 585–586.

в таком удаленном и заболоченном месте. Существует и рациональное разъяснение: врачи советовали слабограждому пациенту жить в месте равнинном и влажном.

Так или иначе, Николай Никитич стал лихорадочно отстраивать Сан-Дonato – возводить виллу, конюшни, театр и прочее. Увидеть окончательное воплощение своих затей он, впрочем, не успел.

В руках его сыновей, Павла (1798–1840) и Анатолия (1813–1870), усадьба превратилась в одну из самых фантастических резиденций Европы, полную произведений искусства, с двумя церквями (католической и православной), с оранжереей и зверинцем. Особенно постарался на этом поприще после смерти брата Павла деятельный и расточительный Анатолий Николаевич, заведший в Сан-Дonato даже шелковую фабрику. Честолюбивый молодой человек и своим браком решил поразить современников, предложив руку принцессе Матильде Бонапарт де Монфор (1820–1904), дочери вестфальского короля Жерома, младшего брата Наполеона, скромно жившего изгнанником во Флоренции. Неукротимый нрав Анатолия (в то время он уже был князем Сан-Дonato) привел, согласно флорентийским преданиям, к скандальному поступку: на одном из сан-донатских балов он в порыве ревности дал пощечину супруге, которая на следующее утро навсегда покинула Сан-Дonato. Согласно личному распоряжению Николая I, ставшего на сторону принцессы Матильды, Анатолий был вынужден платить ей громадное годовое содержание: он был унижен и оскорблен. Свою колоссальную энергию (и средства) Анатолий обратил на меценатство, благотворительность, путешествия и страстное коллекционирование предметов искусства. В итоге, несмотря на сказочное богатство, денежные затруднения коснулись и князя Сан-Дonato, вынужденного в 1858 году устроить продажу части своей художественной коллекции. Флоренция и Тоскана тем временем вошли в состав объединенной Италии, и князь, верный прежнему государю – Великому герцогу Тосканскому, предпочел покинуть усадьбу, угаснув в одиночестве в Париже.

Наследником бездетного Анатолия был объявлен 30-летний племянник Павел Павлович Демидов (1839–1885). Говорили, что внешне он походил на свою мать, баронессу Аврору Карловну Шернваль фон Валлен (1808–1902)⁵. Он привез в Италию свою обожаемую супругу Марию Елимовну, урожденную княжну Мещерскую (1844–1868). Красавица-княжна была предметом страсти цесаревича Александра, будущего императора Александра III, и по этой причине удалена из Петербурга в Париж, где ей и устроили брак с П.П. Демидовым⁶. Увы, она скончалась при родах первенца, названного в честь деда Елимом, и первые месяцы безутешный супруг отказывался даже видеть своего сына.

Новой хозяйкой флорентийской резиденции стала затем княжна Елена Петровна Трубецкая (1853–1917), оставившая по себе добрую память и родившая князю Павлу шестерых детей, в том числе и Марию, прозванную домашними Мойной⁷. Елена Петровна происходила из обеспеченной аристократической семьи: ее отец, Петр Никитич Трубецкой, был предводителем петербургского дворянства, мать, Елизавета Эсперовна, происходила из княжеского рода Белосельских-Белозерских.

Мария родилась в Сан-Донато 22 января 1877 г. и была крещена там же 30 января того же года⁸. Ее крестным отцом стал сам император Александр II, впрочем, на таинстве крещения в домовый Никольской церкви не присутствовавший (о нем записано в метрике – «заочно»).

Первые годы Мойны прошли в счастливой обстановке – между Италией и Россией, преимущественно в Киеве, где ее отец был избран городским головой. Когда ей было три года, отец, по неясным причинам, пустил с молотка всю сан-донатскую

⁵ В первом браке Демидова, во втором – Карамзина. В 2006 г. в Финляндии, в городском музее Эспоо (Espoo), прошла посвященная ей выставка под названием «Аврора Карамзина и подмостки власти».

⁶ См. *Клейнмихель М.* Из потонувшего мира. Берлин [б.г.]. С. 53.

⁷ Другие дети: Никита (1872–1874), Аврора (1873–1904), Анатолий (1874–1943), Павел (1879–1909), Елена (1884–1959).

⁸ Архив русской православной церкви во Флоренции (даты даны по ст. ст.).

собственность, движимую и недвижимую: часть денег передали флорентийским сиротам, еще одна часть пошла на сооружение фасада собора Санта Мария дель Фьоре, где в память об этом помещен родовой герб Павла с уральским кайлом и девизом на латыни «Не словами, а делами».

Молниеносная и малоприбыльная распродажа Сан-Дonato породила множество толков. Может быть, Павла мучили печальные воспоминания о первой супруге Марии? Или же, напротив, его новая жена не хотела обитать во дворце, где витала тень ее предшественницы, горячо любимой Павлом? (по преданиям, во дворце существовал особый чулан с вещами Марии, и князь часто удалялся туда предаваться своему горю⁹). Следует заметить, что связи Павла с Италией не были глубокими: он вел государственные и семейные дела в России, много путешествовал, часто жил в Париже. Кроме того, местность Сан-Дonato, в действительности, была малопривлекательной и, похоже, была дорога семейству в основном как «княжеский удел». Павел был раздражен и проектом прокладки близ Сан-Дonato новой дороги на Прато. В 1872 году он купил у наследников последнего Великого князя Тосканского (Леопольда II Лотарингского) намного более милую и удобную резиденцию Пратолино на Болонской дороге.

Сан-Дonato уходило в прошлое, оставив Марии лишь княжеский титул. В XX веке историческая вилла попала в зону новой застройки, и теперь от нее остались лишь деградировавшие фрагменты.

Пратолино, переименованное в «Виллу Демидофф», имело здоровый климат и чудный парк со строениями ее самых известных владельцев – тосканских правителей Медичи (хотя их преемники Лотаринги разобрали главную постройку – собственно медицейскую виллу). Именно в этом ренессансном обрамлении и доведется провести большую часть своей долгой жизни Марии Павловне¹⁰. Расположенная на мягких тосканских

⁹ См. Сан-Дonato. Хроника... С. 590

¹⁰ См. *Талалай М.* Вилла Демидофф. Итальянский музей, памятник русской культуры // Русская мысль, № 4033, 9 мая 1994. С. 17.

холмах, на высоте около 400 м над уровнем моря, вилла появилась в 1569 году как резиденция Бьянки Капелло, фаворитки Франческо I Медичи. Тосканский государь привлек к ее устройству лучших мастеров той эпохи – Буонталенти и Джамболонью (последний изваял гигантский скульптурный образ «Апеннино», символ Апеннинских гор, ставший и символом Виллы Демидовф).

У Павла Павловича, владевшего Нижнетагильским горным округом, было намерение «репатриироваться», и он предпринял к этому ряд серьезных шагов. О возвращении в Россию заговорили еще в 1880 году, когда во время аукционной продажи сандонатского имущества князь неожиданно отбыл с семейством в Петербург. Вероятно, отец Марии считал Пратолино чем-то вроде летней дачи: он не пожелал возводить здесь новую виллу, а удовлетворился перестройкой для жилья Пажеского корпуса. Вход в парк украсили два герба – Демидовых и Трубецких. О корнях итальянской ветви семейства всем должна была напоминать (сохранившаяся до сих пор) копия памятника Н.Н. Демидову работы Лоренцо Бартолини (на ней изображены Николай Никитич и его сын Анатолий).

Между тем ранняя смерть Павла Павловича в 1885 году, в 46-летнем возрасте, оборвала его планы касательно нового дачного гнезда.

Девочке было всего семь лет, когда она потеряла отца, и ее воспитанием занялась мать, Елена Петровна, которая любила Италию и продолжала жить на два дома, на две страны. Вместе с детьми она перемещалась между Петербургом и Флоренцией, как и многие другие ее соотечественники. В элитарной русской колонии во Флоренции Елена Петровна стала играть главную роль, которая впоследствии перешла, как бы по наследству, к дочери Марии.

Марию, вместе с другими детьми, обучали домашние учителя, и она получила отменное европейское образование. Красавица и одна из самых богатых невест России, она, естественно, пользовалась повышенным вниманием женихов, в том числе и иностранных. Однако девушку больше привлекала блестящая

петербургская жизнь, вне сомнения, более яркая, чем в тогдашней Флоренции, почившей на лаврах Ренессанса (переставшей, к тому же, быть столицей, пусть и маленького, Тосканского государства).

Первая помолвка Марии была неудачной. В 1897 году в Петербурге публично было объявлено о женитьбе офицера-гусара Олсуфьева на Демидовой княжне Сан-Дonato, «внучке княгини Елизаветы Эсперовны Трубецкой. Свадьба <...> будет отпразднована с подобающим торжеством и помпой в присутствии весьма многочисленного и обширного круга знакомых обеих аристократических фамилий»¹¹.

Однако по неизвестной причине «помпезная» свадьба Олсуфьева и Демидовой не состоялась. Этот неприятный эпизод был спрятан в тайники семейной памяти и более никогда и нигде не обсуждался.

Между тем в том же году, буквально через несколько месяцев после расстроившейся свадьбы, газеты назвали имя нового жениха Марии – князя Семена Семеновича Абамелек-Лазарева. Жениху было сорок лет, невесте – двадцать один.

Князь Семен Семенович к тому моменту уже получил придворный чин шталмейстера, совершил ряд важных научных и природоведческих открытий, опубликовал книги, много путешествовал, являя собой зрелого и успешного мужчину, к тому же сказочно богатого¹². Свадьба прошла в Гельсингфорсе: это и недалеко от Петербурга, но одновременно и достаточно далеко для приезда «весьма обширного круга знакомых», что, очевидно, и было нужно, дабы «забыть» неудачную помолвку Марии с Олсуфьевым.

Молодоженов разъединяли двадцать лет и разный жизненный опыт, объединяло – равное положение в обществе, богатство, знатность, а также любовь к Италии. У князя было собствен-

¹¹ «Петербургская газета», 14 янв. 1897.

¹² Подробнее о нем см. ниже, в главе «Из послужного списка кн. С.С. Абамелек-Лазарева», а также в: *Ипполитова Г., Гасперович В.* Владельцы «Виллы Абамелек». СПб.: Нестор-История, 2005.

ное имение в Риме, ставшее теперь знаменитой «Виллой Аба-мелек», где пара впоследствии жила продолжительное время.

Медовый месяц они провели в Пратолино, откуда молодая жена писала своей свекрови (по-французски): «Я собираюсь Вам сказать, дорогая мама, что я чувствую себя очень счастливой и прошу Бога, чтобы это спокойное счастье длилось всегда»¹³.

На следующий год после свадьбы князь Семен Семенович получил чин действительного статского советника, и в дальнейшем, продолжая служить по линии Министерства Народного Просвещения, получил за государственные заслуги немало наград (орден Св. Владимира двух ступеней, орден Св. Анны I степени и проч.).

Во Флоренции, в Пратолино, почти постоянно жила мать Марии, княгиня Елена, завещавшая в 1903 году дочери это имение. Похоже, что из всех своих детей Елена выделяла именно Марию – «Маришкет-шерри», как она ее прозывала. Об этом косвенно свидетельствует и ряд портретов девочки: известно, что Елена заказала флорентийскому скульптору Аммосу Кассиоли изваять бюст дочки¹⁴. Завещая виллу Пратолино Марии специальным актом, ее мать писала, что в Пратолино та «может вести спокойный образ жизни, будучи во всем свободной, но без права продавать виллу»¹⁵.

Зимние месяцы чета предпочитала проводить в блестящем Петербурге, в первые годы живя на Невском проспекте, близ Армянской церкви. Когда, согласно семейному завещанию, этот дом перешел в ведение армянского прихода, князь Семен купил и обустроил особняк на Миллионной улице № 22, стремясь при этом репродуцировать свое прежнее петербургское жилье. Не забывал он и Пратолино, где прошел его медовый месяц: один из залов его нового особняка получил в декор картину

¹³ *Итполитова Г., Гасперович В.* Владельцы... С. 29.

¹⁴ Мария Павловна подарила позднее этот бюст своему секретарю Федору Галке, в настоящее время он находится в частном собрании во Флоренции.

¹⁵ *Итполитова Г., Гасперович В.* Владельцы... С. 32.

с изображением «Апеннино» Джамболоньи; еще один такой же сюжет был помещен на римской вилле князя.

Мария в Петербурге увлекалась музыкой и танцем. В особняке на Миллионной для нее специально оборудовали так называемую «театральную комнату» с зеркалами, люстрами и особыми прожекторами. Серьезно музицировать она принялась еще до свадьбы, беря уроки у замечательного композитора М.А. Балакирева. Танцевальному искусству ее обучала жившая у них в доме профессиональная балерина Ольга Галка, сестра управляющего князя Федора Галки – впоследствии верного «мажордома» Марии Павловны.

В 1904 году в Риме Мария позирует Пьетро Канонике, восходящей звезде итальянской скульптуры. Сам Каноника считает, что это – один из его «лучших портретов», как он пишет в письме к княгине в 1953 году, спустя полвека после его создания. Она уступает просьбе престарелого ваятеля, который решил завещать свои работы городу Риму и просит хотя бы фотографию его ранней работы. Княгиня же с демидовской щедростью дарит ему прекрасный бюст, ныне попавший в галерею муниципалитета города Стрезы.

Княгиня не оставляет своим вниманием виллу Пратолино: она сооружает изысканный дом зрителя, приводит в порядок запущенный парк, проводит раскопки с целью выявления ренессансной лестницы на виллу и остатков многочисленных гротов (Грота Пана, Грота Славы и Грота реки Муньоне). Не раз реставрируется главная гордость парка – статуя «Апеннино».

За двадцать лет совместной жизни у Марии Павловны и Семена Семеновича выработался традиционный годовой цикл: полгода они проводили в России, полгода в Италии, перемежая эти периоды (в Италии – три месяца весной и осенью, в Петербурге – три месяца зимой, летом – в русских именах).

Когда вспыхнула первая мировая война, чета вернулась в Россию, щедро жертвуя Красному кресту, авиации, флоту. Неожиданно 19 сентября 1916 года Семен Семенович скончался в Кисловодске и был погребен в родовой усыпальнице в Петербурге. Весной 1917 года вдова уехала в Италию, воевавшую тогда на стороне России, и обратно уже не вернулась.

На родине к власти пришел строй, ненавидящий так называемых «бывших». Некоторое время княгиня питала иллюзии на падение власти, но после того, как даже правительство Муссолини признало СССР, она обратилась за подданством Италии и без затруднений получила его в 1925 году. Всю свою долгую жизнь, впрочем, она верила в то, что «большевизм будет искоренен»¹⁶.

В советской России демидовские сокровища были национализированы, однако сан-донатские князья за долгие годы своей жизни за пределами родины имели крупные капиталы в европейских банках. Как рантье Мария получала весьма крупные суммы из банков, более миллиона лир в год.

Княгиню Марию, по сути дела, трудно назвать эмигранткой: она сама никуда не уезжала, Италия была даже местом ее рождения – по современной терминологии ее можно было определить как «невозвращенца» – да и могла ли княгиня вернуться туда, где ее никто не ждал? В итоге, она стала вести образ жизни классической «принцессы в изгнании», не вмешиваясь особо в бурную эмигрантскую жизнь, но и не уклоняясь от поддержки попавших в беду соотечественников.

Ее состояние, хоть и пошатнулось, однако позволяло продолжать благотворительную деятельность, оказывая помощь не только русским эмигрантам. В память о покойном супруге она устроила Инвалидный дом для ветеранов первой мировой войны, пожертвовав итальянскому государству виллу «Ле Ромите» в Галуццо и единовременный взнос в 100 тысяч лир. По ее желанию это учреждение стало называться Casa nazionale di mutilati principe Simone Abamelek Lazarew (Национальный инвалидный дом имени князя Семена Абамелек-Лазарева)¹⁷.

¹⁶ Именно эту фразу, на французском, она употребила в письме к Наталье Бибиковой в Ниццу; см. *Signorini S. Pratolino: il giardino d'Europa nell'Archivio Demidoff [Сеньорини С. Пратолино: сад Европы в Архиве Демидовых]* // *Il giardino d'Europa. Pratolino come modello nella cultura europea [Сад Европы. Пратолино как модель в европейской культуре]*. P. 152.

¹⁷ Там же. P. 148.

По семейной традиции она помогала Демидовской школе-интернату (Pio Istituto Demidoff) во флорентийском квартале Сан-Николо.

Много сил у нее уходило на русскую церковь во Флоренции, старостой, а затем почетной попечительницей которой она была. Храму Мария Павловна помогала не только средствами – своего опытного и честного управляющего Федора Галку она упросила вести сложные экономические дела прихода. Не бывало случая, чтобы на призыв клира она не ответила щедрым пожертвованием, отдельно выплачивая 3.600 лир на содержание хора. В конце 1940-х годов на пожертвования княгини Абамелек-Лазаревой (и графини Родоканаки) в церковном саду возвели домик для настоятеля и причетника.

Список учреждений, которым она регулярно помогала, внушителен. В первую очередь, она оставалась преданным чадом Православной Церкви и жертвовала на нее: в частности, Св. Сергиевскому богословскому институту в Париже, иноческим обителям на Валааме (тогда в составе Финляндии) и на Афоне, пустыни близ военного кладбища в Мурмоне, Императорскому Православному Палестинскому обществу, курировавшему подворье в Бари. Часто она просила духовных лиц о заупокойных службах по усопшему супругу.

Не обделяла княгиня вниманием и «светские» институты – помощь от нее получали Красный Крест, бельгийский Комитет по помощи русским детям, Союз инвалидов и многие другие.

Ей писали сотни людей – знакомых и незнакомых, о чем свидетельствуют публикуемые нами письма. К сожалению, ответов княгини не сохранилось, но и по обращениям к ней мы можем косвенно судить о ее готовности прийти на помощь ближним. Конечно, попадались люди, злоупотреблявшие щедростью княгини, однако на страже ее интересов верно стоял секретарь Ф. Галка, фильтровавший просьбы и проверявший их обоснованность.

В бумагах княгини обнаружены годовые реестры пособий с внушительным списком фамилий, получавших – к праздникам, а то и ежемесячно – пожертвования от Марии Павловны.

Это были обнищавшие в эмиграции представители знатных родов – Олсуфьевы, Оболенские, Волконские, а также и неродовитые, но очень нуждавшиеся эмигранты.

Княгиня много читала и пользовалась книгохранилищем библиотеки Вьёссё, приобретя абонемент. Вообще она любила литературу и даже приобретала письма любимых авторов (Тургенева, в первую очередь). Известно, что она, при возможности, старалась спасти разнесенные по свету реликвии российской истории, покупая автографы Николая II, его супруги Александры Федоровны и других российских государственных деятелей¹⁸.

С началом второй мировой войны жизнь Марии Павловны радикально изменилась. Следуя призывам итальянского государства к автаркии – самодостаточности – Мария Павловна засеяла пшеницей свободные пространства на римской и флорентийской виллах. Вот что она пишет в 1941 г. по этому поводу брату Елиму в Афины: «Я решила заставить работать все луга и посеяла пшеницу – надо помочь правительству и производить недостающий хлеб для населения. Тоже я сделала и в Риме – все луга засеяны пшеницей – уверена, что мой возлюбленный супруг одобрил бы это решение, которое является и христианским долгом»¹⁹.

Однако и ей, обеспеченной аристократке, во время войны приходилось нелегко, и она признается брату: «Жизнь стала такой трудной, и нет надежды на ее улучшение. Даже мы, так называемые производители, не имеем никаких преимуществ: все строго учитывается и следует рациону – остальное надо сдавать в центральную заготовку. <...> Жизнь идет в непрерывной тревоге»²⁰.

Однако тревога психологическая сменилась более реальной опасностью. В 1943 году Пратолино заняли нацисты, разместившись в доме и переселив княгиню со слугами в хозяйственные постройки. Виллу бомбили англо-американские войска,

¹⁸ Нынешнее местонахождение писем и автографов неизвестно.

¹⁹ *Signorini S. Pratoilino...* P. 150

²⁰ Там же.

и погибших оккупантов хоронили прямо в саду виллы. В письме от 1946 г. в Афины к вдове брата она писала: «Пратолино было во время войны на передней линии. <...> Мой бедный парк очень пострадал от бомбардировок, тысячи деревьев сломаны и повалены, вилла тоже пострадала, стены, которые окружали парк, обрушились»²¹.

После войны Марии Павловне пришлось пережить тяжелый удар: принадлежавшая ей римская вилла «Абамелек» правительственным декретом была передана советской стороне. Переговоры о римской собственности шли еще в 1920-е годы, и Мария, в память «обожаемого Сени», была не прочь передать виллу – но не советскому государству, а художникам. Этого, однако, не случилось. В 1946 г. виллу экспроприировали, заплатив княгине почти символическую сумму, и передали ее СССР.

Скончалась бездетная княгиня, согласно метрическим книгам флорентийской церкви, 21 июля 1955 г., и 23 июля была погребена в Пратолино. На ее отпевание прибыло три священнослужителя: епископ Сильвестр (Харунс) из Ниццы, архимандрит Симеон (Нарбеков), личный духовник княгини, из Рима, и протоиерей Апполон Сморжевский из Милана. Флорентийская газета «La Nazione» в некрологе написала, что покойная «характеризовала собой старую Флоренцию и была одним из тех именитых иностранцев, которые провели во Флоренции столь значительную часть своей жизни, получив и гражданство, и право считаться итальянцами и флорентийцами. Эта строгая и горделивая синьора стала одним из главных благотворителей города»²².

Ее наследником и приемным сыном был князь Павел Карагеоргиевич, принц-регент Югославский (1893-1976), он же родной племянник Марии Павловны²³.

²¹ Там же.

²² La Nazione, 22 luglio 1955.

²³ См. О нем: *Balfour N. Mackay S. Paul of Yugoslavia, Britains Maligned Friend* [Бэлфур Н. Макей С. Павел Югославский, недобрый друг Британии]. London, 1980.

В 1969 году Павел Югославский выставляет Демидовскую виллу на аукционе Сотби, и с молотка уходит целый пласт русско-итальянской жизни, что позволило впоследствии укорять княгиню в отсутствии «патриотичности»²⁴. Однако могла ли Мария Павловна в 1955 году подарить Советскому Союзу свое фамильное достояние? О каких подарках могла идти речь, если советское государство силой отобрало у княгини ее римскую виллу со всем содержимым? Да и отобрало не для студентов-художников, как мечтал Семен Семенович Абамялек-Лазарев, а для чиновников МИДа...

На некоторое время над Пратолино опустилась вуаль забвения. Поменяв хозяев, вилла в 1980 году обрела новую жизнь, как общественный парк в составе собственности Провинции Флоренции. Образ Марии Павловны стал проявляться чаще – этому способствовала итальянская публикация ее архивов. О щедрой жертвовательнице часто вспоминали на конференции, посвященной 100-летию освящения Русской православной церкви. В 2005 году, ровно пятьдесят лет спустя после ее смерти, на могиле усопшей русский приход провел панихиду; отслужил ее о. Георгий Блатинский, русский священник, живущий в стенах, поставленных тщанием княгини Марии Павловны Абамялек-Лазаровой, в девичестве Демидовой княжны Сан-Донато.

²⁴ Отзвуки этого мнения см.: *Bočarov I., Glušakova Ju.* Una villa sulla via Vecchia bolognese // *Realtà sovietica*, 1973, 2, p. 51–59 [Бочаров И., Глушаклова Ю. Вилла на старой Болонской дороге]; см. также этих авторов: Вилла на старой Болонской дороге // *Русский клуб у фонтана Треви. Из итальянских разысканий*. М., 1979.

Симонетта Мерендони

РУССКОЕ НАСЛЕДСТВО ИЗ ПРАТОЛИНО

В 1986 г., когда я занималась Генеральным архивом Провинции Флоренции и Протокольным офисом (в жилищной формальной учреждении Исторического архива Провинции Флоренции¹), ассессор по культуре доктор А. Чамполини позвал меня в Пратолино, дабы упорядочить демидовский архив и перевести его в Палаццо Медичи-Риккарди². В тот момент администрация Провинции раздумала передавать эти бумаги в Государственный архив Флоренции, решив образовать у себя специальный Демидовский фонд (Fondo Demidoff).

Впервые прибыв в Пратолино вместе с моими сотрудниками К. Сеччи и А. Гайяно, я не представляла себе объем нашего будущего труда – долгого и кропотливого. В тот момент меня поразили две вещи: полный хаос и запущенность архива, доставшегося Провинции вместе с демидовской виллой (Villa Demidoff) в 1980 г.³, и необыкновенное очарование места, где природа удивительным образом сливалась с постройками и статуями.

¹ Итал.: Archivio Storico della Provincia di Firenze, в дальнейшем ASPF (*прим. пер.*)

² Памятник ренессансной архитектуры, резиденция администрации Провинции Флоренции (*прим. пер.*)

³ Вот что писал Марко Децци-Бардески: «Нельзя смотреть равнодушно на упадок и разрушение ансамбля, на повторяющиеся набеги вандалов, остающихся безнаказанными. Сейчас Пратолино – это ничейная земля: отсюда уносят геральдические щиты, фрагменты статуй и металлического декора, мраморные рельефы (расхищена даже часть Демидовского архива, оставшаяся на вилле в Пратолино, в особенности, бумаги, касающиеся ее управления в последние десятилетия)». См.: Il ritorno di Pan, a cura di M. Dezzi Bardeschi [Возвращение Пана, под ред. М. Децци-Бардески], Alinea, 1985; сб. исследований и проектов по реставрации демидовской виллы в Пратолино, № 3, из серии «Pratolino. Laboratorio di Meraviglie» [Пратолино. Лаборатория чудес], выпускавшейся Провинцией Флоренции.

ATTI DI NASCITA.

Numero 307

Demidoff Maria

Demidoff Maria di San Donato ha
 attestato quale figlio il Principe
 Giosa Georgievitch in costume reale
 in Pietroburgo il 27 aprile 1893.
 Residente in Parigi. Decretò della
 Corte di Appello di Firenze in data
 16-7-1902. Maria di San Donato
 si maritò nel Comune di Firenze
 Anno 1898. Parte 1.º. dove 13.
 n.º 217. Firenze 30.8.1892

L'anno milottoccentestantia delle _____ addì _____ di _____
 a ore _____ e minuti _____ nella Casa comunale
 Avanti di me Arcangelo Orsi Segretario delegato dal libe-
 ro con M. di Emilio Orsi Segretario delegato dal libe-
 rillaziale dello Stato Civile del Comune di Firenze
 è comparso Elena Soldovini di anni quaranta (sic) domicilia-
 ta in questa Città e quale mi ha dichiarato che alle ore _____ e
 minuti _____ del dì _____ del mese _____ nella casa posta in
 Via Cavour _____ al numero _____ della _____
 Elena Arcubetzkoi Presidente onorario del Comune. Partito
 Demidoff di San Donato, Appellato fidei-juramentum, che aveva
 o nato un bambino di sesso femminile che ora mi presenta, e a cui si dà _____ di
Maria

A quanto sopra e a questo atto sono stati presenti quali testimoni Arcangelo Orsi e il sig.
 Nicolò di anni quarantadue. Presente o Arcangelo Castaldi di anni
 quarantacinque. Imputato, entrambi residenti in questo Comune. Delle quali
 onorate mi sono accertato per mezzo del Medico fidei-juramentum
 sopra accennato. La dichiarante ha prodotto in un
 per averla nella famiglia, una qualche prescrizione apposta
 dall'arte sua nell'atto del parto in un luogo del comune
 della Signorissa Arcubetzkoi, che ora ha potuto de-
 minuziarla per averla assunta da _____ di _____
 sotto agli intercedimenti di _____ e _____
 _____ e _____ e _____ e _____
 Elena Soldovini Cav. Leopoldo Bernardi
 Arcangelo Castaldi Ufficiale
 Orsi

Свидетельство о рождении Марии Демидовой княжны Сан-Донато.
 (архив муниципалитета Флоренции)

Текст документа (перевод с итал. М.Г. Талалая):

«Акты рождения: № 307 1877 год, 7 февраля, в 2 часа и 20 минут пополудни, в До-
 ме Муниципалитета, передо мною, Арканджело Орси, делегированного синдиком
 чиновника мэрии Флоренции, предстала Елена Сольдини, 49 лет, повивальная баб-
 ка, проживающая в этом городе, заявившая, что в 3 часа и 30 минут пополудни
 третьего числа текущего месяца в доме по виа Пистойезе, номер 2, от княгини
 Елены Трубецкой, собственности, супруги князя Павла Демидова, собственника,
 российских граждан, проживающих в Санкт-Петербурге, родился ребенок
 женского пола, которому дано имя Мария. <...>

[надпись на полях] Демидовф Мария ди Сан-Донато усыновила князя Кара Георги-
 евича [sic], сына Арсения, родившегося в Петербурге 27 апреля 1893 года, прожива-
 ющего в Париже. <...> Флоренция, 30.8.1952»

Мария Павловна Демидова – Абамелек-Лазарева.
Фотография. Канны, 1897 г., вскоре после свадьбы. Частное собрание

Numa Blanc fils,

CANNES
AV-LES-BAINS

Мария Павловна Демидова – Абамелек-Лазарева.
Фотография. Канн, 1897 г., вскоре после свадьбы. Частное собрание

Княгиня Мария Павловна Абамелек-Лазарева.

Фотография. Санкт-Петербург, начало 1900-х гг. Частное собрание

Княгиня Мария Павловна Абамелек-Лазарева.
Фотография. Санкт-Петербург, начало 1900-х гг. Частное собрание

Княгиня Мария Павловна Абамелек-Лазарева в домашней обстановке.
Фотография. Санкт-Петербург, 1900-е гг.
Частное собрание

Княгиня Мария Павловна Абамелек-Лазарева
в театральном (?) костюме.
Фотография. Санкт-Петербург, начало 1900-х гг.
Частное собрание

Неизвестный художник. Акварельный портрет
Марии Демидовой княжны Сан-Донато.
Частное собрание (Париж)

Это последнее чувство не оставляло меня во время всей моей дальнейшей работы над демидовским архивом.

Теперь медицейская по происхождению вилла в Пратолино, почти вековая резиденция Демидовых, реставрирована Провинцией и вновь включена в культурное пространство за счет бережного сохранения произведений искусств и всевозможных инициатив – музыкальных и театральных постановок, разного рода концертов⁴.

Среди работ, произведенных под наблюдением Инспекции по охране природного и архитектурного достояния, упомянем, в первую очередь, реставрацию статуи Джамболоньи «Апеннино»⁵, бассейна с маской, грота купидона, вольера. Немало сил потрачено и на воссоздание интерьеров, убранства, мебели.

Вновь воссозданная красота Пратолино имеет и исторические характеристики, которые открываются нам при изучении архива его многолетней жительницы, княгини Марии Павловны. Архив этот, увы, имеет обширные лакуны, но даже и то, что нам досталось, позволяет хорошо представить последний, демидовский период Пратолино – период драматический, ибо драматическим был весь ушедший век.

...Огромная старинная вилла, перешедшая во владение Демидовых в 1872 г., стала собственностью Марии Павловны в 1903 г., когда ее мать, княгиня Елена Петровна, урожденная Трубецкая, составила нотариальный акт о полной и безусловной передаче Пратолино своей дочери⁶. В 1908 г. Мария Павловна

⁴ Об общей реставрации ансамбля см.: Pratinolo fra passato e presente, a cura di A. Belisario, L. Zangheri, P. Grassoni [Пратолино между прошлым и будущим, под ред. А. Белизаро, Л. Дзангери, П. Гроссоны]. Firenze: Alinea, 1999; брошюра № 6 из серии «Pratinolo. Laboratorio di Meraviglie» со статьями (без титулов): Л. Дзангери, о постройках в парке и их реставрации (с. 9–42); П. Гроссоны, о реставрации самого парка (с. 43–80); А. Белизаро, о культурных инициативах в Пратолино (с. 81–90) (*прим. пер.*)

⁵ Скульптурная аллегория Апеннинских гор; реставрации замечательной статуи посвящена отдельная публикация: Risveglio di un colosso. Il restauro dell'Apennino del Giambologna, a cura di A. Vezzosi [Пробуждение колосса. Реставрация «Апеннино» Джамболоньи, под ред. А. Веццози]. Firenze: Alinari, 1988 (*прим. пер.*)

⁶ ASPF, Fondo Demidoff, III, 64.

продала виллу своему мужу, князю С.С. Абамелек-Лазареву, за 270 тысяч лир, а в 1912 г. выкупила ее за ту же сумму⁷. Ее жизнь тогда протекала между Петербургом и двумя итальянскими резиденциями – флорентийской виллой «Демидофф» и римской виллой «Абамелек», собственностью супруга.

С 1916 г., после преждевременной смерти князя Семена Семеновича, вдова замкнулась в Пратолино в обществе четырех слуг, двух поваров и трех секретарей – Федора Галки, Херманна (Германна) Клауса и Вальбурги (Вальпурги) Крах. В 1925 г. бывшая российская подданная стала подданной Италии, согласно королевскому декрету от 13 декабря 1925 г. Официальным местом ее жительства стала считаться коммуна Вальи (Vaglia), где и был зарегистрирован декрет.

Мария Павловна бережно относилась к медицейскому Пратолино: она привела в порядок парк, восстановила старинный лестничный марш у южного фасада старинной виллы (архитектор Буонталенти), а в 1933 г. поручила реставрацию статуи Джамболоньи знаменитой флорентийской Студии поделочных камней.

Княгиня продолжала филантропическую деятельность, начатую ее матерью, которая, например, еще в 1905 г. пожертвовала коммуне Вальи участок земли для строительства муниципальной школы. Сама Мария Павловна учредила в 1919 г. Национальный дом для инвалидов войны имени князя Абамелек-Лазарева⁸, а в 1935 г. подарила больнице Пратолино принадлежавший ей акведук, построенный еще при Медичи. Ее помощь русским беженцам – большая отдельная тема, подробно документированная и публикуемыми письмами к ней.

Немалая собственность княгини требовала соответствующего внимания: большинство сохранившихся бумаг принадле-

⁷ ASPF, Fondo Demidoff, III, 70; в качестве разъяснения указано на «невозможность содержать виллу на свои средства, при желании однако ею пользоваться».

⁸ ASPF, Fondo Demidoff, ASPF, II, 2; согласно акту № 4433 от 20 февраля 1919 г. княгиня передала итальянскому государству виллу в Галлуццо для инвалидного дома («преимущественно для слепых»).

жит именно к этой сфере (при их перемещении в Архив Провинции соблюден изначальный порядок). В данной части Фонда отложились документы, связанные с интересным и запутанным вопросом по римской вилле «Абамелек».

Согласно завещанию князя от 1912 г., подтвержденному в 1913 г., после его смерти она должна была отойти к вдове, а после смерти последней — к Императорской Академии художеств или к Императорской Академии наук с условием учреждения Исторического института им. Абамелек-Лазарева. Советское правительство, действовавшее через обе, уже «советизированные» Академии, потребовало немедленной передачи якобы «унаследованной» ими собственности. Однако Гражданский суд Рима постановлением от 13 апреля 1929 г. и Апелляционный суд Рима постановлением от 9 ноября 1937 г. объявили вдову Марию Павловну единственной наследницей, так как советские Академии изменили свой юридический статус и не являлись правопреемниками Императорских. Военные события круто изменили судьбу виллы «Абамелек»: 14 августа 1944 г. ее заняли англо-американские войска, а 26 мая 1946 г. итальянские власти перевели ее в государственную собственность «ради общественной пользы». Княгиня пыталась было опротестовать это решение, но 18 апреля 1947 г. вышел новый государственный декрет (№ 387), согласно которому римскую виллу передали СССР (в ней разместили посольские советские учреждения).

После смерти княгини ее флорентийская вилла, как известно, перешла, согласно завещанию, к принцу Павлу (Карагеоргиевичу) Югославскому, а затем была продана Римскому Генеральному Обществу недвижимости. Общество, увы, небрежно отнеслось к демидовским бумагам: официально было даже заявлено, что «архива в Пратолино не существует, так как, если бы он и существовал, то являлся бы собственностью принца Карагеоргиевича, и следовательно, скорей всего, увезен»⁹.

⁹ Ответ Общества на запрос Государственной Инспекции по архивам (сентябрь 1980 г.).

Архив в Пратолино, тем не менее, существовал. Первым из исследователей его просмотрел флорентийский архитектор Луиджи Дзангери, приглашенный тем же самым Обществом для составления исторического очерка о Пратолино¹⁰. Увы, когда в 1980 г. в Пратолино пришли государственные архивисты, они уже не нашли многих документов, цитированных чуть ранее Дзангери. Однако надо было спасти то, что осталось.

В 1985 г. была составлена первая опись Фонда, находившегося тогда в т.н. маленькой вилле – «villetta». Ее авторы отметили плохое состояние сохранности бумаг, в первую очередь, переписки, – из-за влажности и грызунов. В несколько лучшем состоянии пребывали деловые бумаги, впрочем, сложенные (точнее, сброшенные) в крайнем беспорядке. В 1986–1987 гг. Фонд перевезли во флорентийский Палаццо Медичи-Риккардо, при этом все бумаги были разложены по нумерованным папкам, и началась работа по их систематизации. Сразу же возникло множество проблем, так как сохранившиеся фрагментарные документы в большинстве своем не имели никакой логической связи.

Первым шагом стало образование отдельного корпуса деловых бумаг (Inventario), затем начался собственно разбор документов, разделенных в конечном результате на 1025 дел¹¹. Составление описи, выявившее многие исторические сведения, проводилось на основе общей архивной программы «Isis» и специально составленной программы «Invde». В итоге образовано 753 дела (Fascicoli), максимально воссоздавших логику образования Фонда. Ради идентификации многих документов нам пришлось изучать историю семейства Демидовых во Флоренции, в частности, и в Италии вооб-

¹⁰ См. *Zangheri L.* Prato. Il giardino delle meraviglie [Дзангери Л. Пратолино. Сад чудес]. Firenze: Luigi Gonnelli & Figli, 1979 (прим. пер.)

¹¹ Подробнее о нашей работе см.: *Merendoni S.* Notizie sul Fondo Demidoff, ASPF nell'Archivio storico della Provincia di Firenze [Мерендони С. Сообщение о Фонде Демидовых в Историческом архиве Провинции Флоренции], р. 319–332 // *I Demidoff a Firenze e in Toscana*, a cura di *L. Tonini* [Демидовы во Флоренции и в Тоскане, под ред. Л. Тонини]. Firenze: Olschki, 1996.

ще путем исследований в различных государственных архивах и книгохранилищах.

В настоящее время Демидовский фонд разделен на два больших раздела: «**Inventario**» (деловая часть) и «**Carteggio**» (переписка).

В свою очередь, раздел «**Inventario**» имеет собственное деление по «сериям»:

№ I) «**Carteggio**» (переписка) – переписка управляющих виллой, относящаяся к 1917–1953 гг., в том числе полученные письма, черновики отправленных, корреспонденция с банками, гроссбухи (деловые документы на русском переведены нами на итальянский), всего 16 дел;

№ II) «**Affari di famiglia**» (семейные дела) – документы нотариального, экономического, юридического, филантропического характера, касающиеся непосредственно членов семьи Демидовых, в том числе завещания, дарения, акты о праве ношения княжеского титула, акт об открытии памятника Н.Н. Демидову во Флоренции (1871), акты об учреждении Демидовского института во Флоренции (1866) и Инвалидного дома в Галлуццо (1919), переписка с кладбищенскими администрациями, документы о перенесении праха княгини Елены Петровны Демидовой, урожденной Трубецкой, из Одессы во Флоренцию (1930), дело о покушении на жизнь князя С.С. Абамелек-Лазарева (1906)¹², всего 64 дела;

№ III) «**Proprietà**» (собственность) – документы, касающиеся недвижимости в Сан-Дonato, Пратолино, Кварто, Сант'Андреа-ин-Перкуссина, и, в особенности, виллы Сан-Мартино на Эльбе, преобразованной А.Н. Демидовым в Наполеоновский музей, римской виллы «Абамелек» (тяжба с советской стороной), а также фермы в Марцане (провинция Ареццо), собственности князя Елима Павловича, всего 135 дел;

¹² Близ Пистойи в автомобиль князя Семен Семеновича был брошен из окна дома тяжелый кусок черепицы; по мнению адвокатов, однако, покушение произошло не по личным мотивам, а, вероятно, вследствие «крайнего раздражения жителя дома из-за проезда автомобиля князя».

№ IV) «**Cause**» (судебные иски) – наилучшим образом сохранившиеся и упорядоченные документы, зачастую с пояснительными записками адвокатов, касающиеся имущественных споров, в первую очередь, с соседними владельцами, случаев незаконной охоты на землях Демидовых, а также долгих судебных тяжб по русскому православному подворью в Бари и по римской вилле «Абамелек», всего 73 дела;

№ V) «**Amministrazione di San Donato**» (управление Сан-Дonato) – малочисленные документы, связанные с предыдущей резиденцией Демидовых в имении Сан-Дonato, всего 5 дел;

№ VI) «**Amministrazione di Pratolino**» (управление Пратолино) – большой корпус документов по ведению огромного хозяйства в Пратолино, по уходу за строениями и за парком, контракты с рабочими, счета, всего 329 дел;

№ VII) «**Amministrazione di Villa Abamelek**» (управление виллой Абамелек) – серия, сформированная по типологии двух предыдущих, куда включены документы 1908–1955 гг., относящиеся к римской вилле «Абамелек», претензии на которую со стороны советской стороны были полностью удовлетворены в 1947 г., а также документы по другим малозначительным владениям княгини Марии Павловны в Риме, всего 104 дела.

№ VIII) «**Amministrazione di Pratolino e Roma**» (управление Пратолино и Римом) – серия, состоящая из ежегодных итоговых списков затрат по содержанию двух вилл (баланс каждого года заканчивался внушительным дефицитом), всего 28 дел;

№ IX) «**Pubblicazioni**» (публикации), – собраны брошюры, преимущественно по сельскохозяйственной тематике (1903–1921 гг.).

Второй раздел «**Carteggio**» имеет около 13 тыс. единиц хранения – писем, в основном, на трех языках (итальянском, французском и русском). Обширная корреспонденция княгини, которую она вела чаще всего через своего верного секретаря Ф.М. Галку, касалась множества тем – это и имущественные вопросы, и семейные дела, и помощь изгнанникам, и многое другое.

Огромную работу по обработке этих писем проделал профессор Флорентийского университета Ренато Ризалити¹³, осуществивший перевод наиболее интересных писем для нашего издания «La corrispondenza della principessa Demidova. Lettere e documenti» [Переписка княгини Демидовой. Письма и документы] (Firenze: Olschki, 2000).

Переведенная на итальянский язык и опубликованная на средства Провинции переписка княгини разделена нами по условным категориям:

- 1) вопросы собственности;
- 2) семейные дела;
- 3) переписка с духовенством;
- 4) переписка с эмигрантами.

Память о княгине Марии Павловне еще жива в Тоскане. Задача архивистов – прибавить к этой памяти документальные свидетельства о яркой и драматической исторической эпохе, принадлежащей одновременно и России, и Италии.

Перевод с итальянского М.Г. Талалая

¹³ Историк Ренато Ризалити часто обращался к демидовской теме; см. его публикации: Studi sui rapporti italo-russi [Исследования о итало-русских отношениях]. Pisa: Goliardica, 1972; Russia e Toscana nel Risorgimento [Россия и Тоскана в эпоху Рисорджименто]. Pistoia: Tellini, 1982; Russi a Firenze e Toscana [Русские во Флоренции и Тоскане]. Firenze: Brancato, 1992; L'attività politico-economica dei Demidoff in Toscana [Политико-экономическая деятельность Демидовых в Тоскане] // I Demidoff a Firenze e in Toscana... p. 33–50; Переписка М.П. Демидовой с русской эмиграцией в Европе // Культурное наследие эмиграции 1917–1940 гг. М., 1994. Кн. 2. С. 422–426; Княгиня М.П. Демидова в судьбах русской эмиграции // Россия и Италия. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX в. М: Наука. 2003. С. 39–45.

Ренато Ризалити

ПЕРЕПИСКА М. П. ДЕМИДОВОЙ С РУССКОЙ ЭМИГРАЦИЕЙ В ЕВРОПЕ

 Демидовых и в Италии, и в России даже сегодня распространяются самые фантастические сведения. В издательской ремарке к книге Э.А. Федорова «Каменный пояс» (Калуга, 1993), романе-трилогии, посвященном Демидовым, сообщается, что эта династия русских промышленников закончилась с Анатолием Демидовым (немогущим и развращенным роскошью). А ведь после Анатолия в Пратолино, под Флоренцией, несколько лет проживал его племянник Павел Демидов, а до кончины в 1955 г. жила его дочь Мария Павловна Демидова княжна Сан-Дonato, вышедшая замуж за князя Семена Семеновича Абамелек-Лазарева. В Италии, в не так давно опубликованной книге Д. Черветти «Золото Москвы» утверждалось, что Мария Павловна была балериной¹.

На самом деле Мария Павловна Демидова жила почти всю жизнь то в имении Пратолино, то на вилле покойного мужа (известной как вилла Абамелек) в Риме, и благодаря ее поддержке сотни русских эмигрантов в различных странах Европы смогли избавиться от нищенских условий жизни.

Мария Павловна оставила законным наследником племянника принца Павла Карагеоргиевича, регента Югославии с 1934 по 1940 г. (и претендента на трон Объединенного королевства Югославии). Принц, получив наследство, продал все достояние виллы Пратолино с аукциона при посредничестве «Сотби»: книги, мебель, картины. Сама вилла в Пратолино бы-

¹ *Cervetti D. Oro di Mosca. Milano, 1993. P. 76.*

ла приобретена провинцией Флоренции за один миллиард лир. Там в полном беспорядке была найдена часть переписки Демидовой, над которой мне довелось работать несколько лет для ее итальянского издания² (сейчас вся эта переписка находится в Историческом архиве провинции Флоренции).

Переписка включает сотни писем большей частью на русском языке, но также на французском, итальянском и других языках, и охватывает период с 1910-х по 1955 год, год смерти Марии Павловны. К сожалению, это – лишь часть обширной переписки, которая сохранялась в полном порядке вплоть до ее кончины, но затем была частично утрачена или взята неизвестными людьми.

Наряду с письмами на русском языке, поступившими из многих стран: от Греции до Югославии, от Финляндии до Германии, от Франции до Болгарии, сохранились черновики ответов этим корреспондентам, составленные администрацией княгини от ее имени также на русском языке. Имеются также многие документы, которые касались судебных процессов, относившихся к вилле Абамелек в Риме. Эту виллу князь С.С. Абамелек-Лазарев завещал Российской Академии художеств. Однако завещание князя было оспорено вдовой, которая не хотела, чтобы вилла попала в руки большевиков. Судебное дело продолжалось несколько лет с переменным успехом до тех пор, когда в 1944 г. во время оккупации Италии англо-американскими войсками вилла была конфискована по настоянию советского представителя при союзнической Контрольной комиссии. Сегодня эта вилла является официальной резиденцией российского посольства в Риме, унаследованной от советского посольства. Вилла представляет собой большой участок земли с парком, который находится почти в центре Рима; ее материальная ценность огромна.

Другая часть документов архива М.П. Демидовой – это судебные дела, относящиеся к православному подворью св. Николая в Бари, собственность которого требовали вернуть оба

² L'archivio della principessa Demidova. Lettere e documenti, a cura di S. Merendoni. Firenze, 2000. 422 p.

русских Палестинских общества: и бывшее императорское, и советское. В этих документах, как и в предыдущих, мы можем проследить интересы, которыми продолжали жить русские эмигранты: это привязанность к ценностям православия, желание, чтобы они сохранились в неприкосновенности и в неизменности, согласно древним традициям, и, наконец, стремление, чтобы святыни не попали в руки большевиков, так как иначе они могли быть расчленены и распроданы (надо признать, что завещание Абамелек-Лазаревым виллы в пользу Академии художеств отвечало не религиозным, а светским целям).

По поводу подворья святого Николая в Бари весьма важна переписка между Марией Павловной и князем Н.Д. Жеваховым. Эти письма имеют особый интерес для истории русской эмиграции в Европе, так как Жевахов был влиятельным лицом в русском церковном обществе. Протоиерей Георгий Шавельский в своих воспоминаниях называет его не только знаменитостью, но и персоной, которая бесцеремонно пользовалась гостеприимством других людей³. В письмах Жевахова к княгине, а они многочисленны, выявляются трудности поисков финансовых средств для подворья⁴. Князь, как и другие русские эмигранты, считал, что эта святыня, как уникальная свидетельница православия на Западе, во что бы то ни стало должна остаться в лоне русской эмиграции (вместе с тем, мы можем проследить и его личные интересы).

Большая часть переписки проходила с русскими эмигрантскими обществами; часть этих организаций находилась и в Италии, а не только в Германии, во Франции и в других странах, как это принято думать. В первую очередь речь идет о переписке с так называемым Русским собранием (*Circolo Russo*) в Риме.

³ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера в русской армии и флоте. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. С. 387; см. также *De Michelis C. Il principe Ževachov e i «Protocolli dei savi di Sion» in Italia // Studi storici, 1996. № 37 (3).*

⁴ Об истории русского подворья в Бари см. *Талалай М.Г.* Петроград и Барград // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 3. СПб., 1998. С. 120–129.

Эта организация русских эмигрантов при помощи других итальянских и иностранных учреждений в Италии (прежде всего при поддержке Ватикана) оказывала помощь многим беженцам из России. До нас дошли очень важные отчеты об их жизни, о тех противоречиях, которые постоянно раздирали русскую диаспору. Очень любопытны и отчеты о медицинской помощи, которая была оказана княгиней.

Среди документов сохранилось письмо от 6 июня 1932 г., которое доктор Г.Н. Евдокимов направил Ф.М. Галке, секретарю Демидовой. Это письмо весьма интересно, во-первых, потому, что оно освещает внутренние контрасты в Русском собрании между двумя группировками: «Первые стоят за продолжение деятельности Собрания в прежнем здании, уменьшая расходы до минимума, предлагают развернуть более широкую деятельность и вести ее на других основах. Другие (Гревениц, Мясоедов, отчасти Дан и его последователи) – хотят переселиться в другое здание, свертывая деятельность Собрания и даже закрыть столовую, если невозможно переселиться в другое здание». Однако, кроме организационной стороны дела, противоречие между двумя группировками происходило по идейным и политическим вопросам. Евдокимов продолжает: «Мясоедов всегда представлял себя ультрамонархистом и православным, играл тем, что было бы хорошо объединить и приход, и собрание воедино. Кроме того, он думает, что передача библиотеки в руки церкви будет служить делу воспитания. Я слышал, что княгиня Бярятинская сказала, что как только библиотека перейдет в их руки, они сразу же сделают чистку каталога, и все книги, которые не соответствуют их мировоззрению, будут изъяты из консультации. Представляете себе, что это означает! Только шовинистическая, обскурантистско-клерикальная литература! Конечно, эта библиотека долго не просуществует, но доброе дело умрет неотвратимо, и сотни обездоленных русских, с другой стороны, будут лишены возможности даже читать русскую сказку своим детям или читать в русской газете некоторые слова утешения и поощрения в их настоящей жизни». Собрание должно было также принять строгие меры

против Г.П. Забелло, бывшего императорского генерального консула в Риме, который высказался в пользу советской стороны по делу виллы Абамелек.

В Риме, кроме Русского собрания, существовали еще русская православная община⁵ и Русский Красный крест, которые в 1920–1930-х гг. развернули большую работу в пользу русских эмигрантов, которые во время мирового экономического кризиса страдали гораздо больше, чем сами итальянцы.

Существовали и другие русские эмигрантские учреждения, такие, например, как Союз инвалидов войны старого режима в Итальянском королевстве. Во Флоренции (Галуццо) был основан особый «Национальный дом для помощи инвалидам им. князя Абамелек-Лазарева», который содействовал многим русским ветеранам войны и их семьям и которому покровительствовала сама княгиня Мария Павловна. Деятельность дома освещалась на страницах не только эмигрантской, но и итальянской прессы⁶.

Другой важной организацией русских эмигрантов была «Русская колония в Тоскане»⁷. До нас дошли письма, которые ее председатель В.И. Ярцев направлял княгине. Он сетовал, что с приближением православной пасхи у «Русской колонии» нет средств, дабы достойно отметить этот великий праздник и оказать должное внимание всем почтенным членам колонии (письмо от 15 апреля 1932 г.). Если принять во внимание письма предыдущих лет, то мы можем найти обращения, вызванные еще более безнадежным положением беженцев.

Есть в архиве Марии Павловны письма довольно известных представителей русской эмиграции, например, искусствоведа П.П. Муратова, историка о. Иоанна Кологривова, генерала В.И. Ромейко-Гурко и др.

Приходили письма и из России, прежде всего от родственников княгини, которые остались на родине: от некоторых кня-

⁵ См. *Он же*. Православная русская церковь в Риме. Рим, 1994.

⁶ Например, «Giornale di Genova» от 12 авг. 1931 г.

⁷ См. о «Русской колонии в Тоскане»: *Талалай М.Г.* Организация русских эмигрантов во Флоренции (1917–1949) // Россия и Италия. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX в. М., 2003. С. 32–39.

зей Голицыных и от княжны Софии Абамелек-Лазаревой. Однако основная часть этой переписки – от эмигрировавших родственников и приятелей. Есть очень интересные письма ее сестры, написанные после убийства короля Югославии Александра II, с любопытной оценкой событий.

Многие из писем к М.П. Демидовой были отправлены православными священнослужителями: архимандритом Симеоном (Нарбековым) из Рима и митрополитом Евлогием (Георгиевским) из Парижа с собственноручными подписями. Очень интересны письма игумена Алексия (Киреевского – родственника знаменитого славянофила Ивана Вас. Киреевского), который устроил во Франции кладбище для русских воинов, павших на западном фронте во время первой мировой войны. Почитание погибших воинов – это ценность (наряду с моральной и материальной помощью инвалидам войны), которая не только не была забыта русской эмиграцией, но постоянно поддерживалась, будучи одним из проявлений ее культуры.

Перевод с итальянского Н.П. Комоловой

Ниже публикуются письма из эпистолярной части архива княгини Марии Павловны Абамелик-Лазаревой, урожденной Демидовой княжны Сан-Дonato. В основном это письма, адресованные княгине и хранящиеся ныне в Демидовском фонде Исторического архива Провинции Флоренции (письмо художника Николая Лохова получено из архива его внука Николо Круччани, живущего в Милане).

Благодаря любезности заведующей Историческим архивом, госпожи Симонетты Мерендони, публикатор получил возможность сделать ксерокопии наиболее важных писем и подготовить их для печати. Письма расположены в хронологическом порядке и имеют сквозную нумерацию (тот же хронологический принцип соблюден внутри серии писем одного корреспондента). При их публикации в ряде случаев опущены длинноты или же подробности интимного характера. Тексты старой орфографии, что было характерно для «первой» волны русской эмиграции, в настоящем издании даются в орфографии современной.

Любопытно, что княгиня неукоснительно вместе с ответом возвращала не адресованные ей лично письма, которые некоторые эмигранты для вящей убедительности присовокупляли к своим посланиям (просьбам).

При подготовке к печати текстов публикатор придерживался следующих текстологических положений:

- недописанные или пропущенные авторами слова заключаются в тексте писем в угловые скобки, при этом замена сокращенных слов полными специально не оговаривается; слова, подчеркнутые автором, выделяются курсивом;
- перевод и транслитерация иностранных слов, раскрытие аббревиатур дается в квадратных скобках;
- авторская дата ставится там и воспроизводится так, где и как написано у автора;
- авторская подпись дается прямым шрифтом на отдельной строке и в той форме, в какой она дана автором;
- после текста письма указывается документ Архива Провинции Флоренции, по которому оно публикуется, и место его хранения;
- пометы адресата и других лиц воспроизводятся только в примечаниях;
- сокращения даются в угловых скобках. *М.Т.*

ПИСЬМА

1

Н.Н. Лохов
(Флоренция)

28 декабря 1917 г.

Многоуважаемая княгиня!

Граф¹ сообщил мне Ваш ответ, переданный ему через Вашего секретаря. Из него мне стало очевидно, что произошло какое-то недоразумение, и для Вас не вполне ясна сущность моей просьбы.

Я очень сожалею, что мне не удалось показать Вам моих работ, рассказать Вам подробно о моем деле и в личной беседе изложить Вам просто и откровенно мою просьбу.

Во избежание каких бы то ни было недоразумений я решаюсь написать Вам о моем деле.

Уже семь лет я работаю исключительно для Московского Музея изящных искусств², создавая строго подобранную коллекцию из моих воспроизведений chef d'œuvre'ов [шедевров] старого итальянского искусства.

В Музее уже выставлен ряд моих больших вещей и девять последних моих работ находятся сейчас в моей студии. Весь огромный правительственный Музей создан на частные пожертвования, и я получал для моей задачи средства от

¹ Неустановленное лицо.

² Современный Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (Москва).

Вл. Вас. Якунчикова, а после его смерти я должен был их получать от его жены Марии Федоровны³.

Последние русские события уничтожили все. От Якунчиковой я получил 30 сентября телеграмму о полной невозможности пересылать мне из России деньги. Я оказался в безвыходном положении. Занятый всецело для Музея, имея в студии девять ценных вещей, я не в состоянии больше работать. <...>

Чтобы продолжить работу и существовать с семьей, единственный для меня выход – совершить заем под гарантию или залог моих больших работ, которые, по мнению авторитетов, оцениваются *minimum* в 100 тысяч лир.

Но, к сожалению, ценные картины – не дом, не земля, не драгоценности, их нельзя взять и просто заложить в банке. Для займа под залог моих работ надо... частное лицо. И это было бы возможно и даже легко, по словам директора *Uffizi* [Уффици] *Roggi* [Поджи], до нынешних русских событий, до armistizio⁴, но сейчас благодаря естественному враждебному отношению к России и русским, обращаться с моей просьбой к итальянцам почти безнадежно. Обращаться к русским? Но большинство их находится сейчас почти в таком же положении, как и я.

Вот почему у меня явилась мысль обратиться к Вам, княгиня⁵, обратиться с просьбой не о безвозвратной денежной помощи,

³ Владимир Васильевич Якунчиков (1855–1916), фабрикант, один из директоров правления торгово-промышленного товарищества «А. и В. Сапожниковы», создатель ценной библиотеки по искусству, меценат, субсидировал кустарно-вышивальные мастерские в Абрамцеве, один из устроителей отдела русского искусства на Всемирной выставке в Париже 1900 г.; Мария Федоровна Якунчикова, урожденная Мамонтова (1864–1951), художница, занималась возрождением русского прикладного искусства и организацией кустарной промышленности, руководила Абрамцевской кустарно-резничкой и вышивальной мастерской, в советское время основала в Тарусе «Артель вышивальщиц» (сообщено М.Б. Аксененко, заведующей отделом рукописей Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина).

⁴ *Armistizio* (итал.) – перемирие, в данном случае – сепаратный мир, заключенный правительством Ленина с Германией и вызвавший негодование союзников России по Антанте, в т.ч. Италии.

⁵ Княгиня М.П. Абамелек-Лазарева, будучи русской по происхождению, родилась и почти всегда жила в Италии, и поэтому, по мысли автора письма, была и не вполне «русской», и не вполне «итальянкой».

Князь Семен Семенович Абамелек-Лазарев в форме
шталмейстера двора Его Императорского Величества.
Фотография. Петербург, 1893 г.
Из книги: «Владельцы "Виллы Абамелек"». СПб., 2005 г.

Памятник князю С.С. Абамелек-Лазареву (скульптор Мартын Какосян), созданный и водруженный в 2003 г. на вилле его имени в Риме на средства Союза армян России.
Фотография М. Ведринской

Вилла «Абамелек». Дворец «Бельведере». В 1655 г. был известен как «вилла Торри», позднее как «вилла Феррони». С.С. Абамелек-Лазарев реставрировал дворец по проекту итальянского архитектора Винченцо Моральди.

Здесь и далее (кроме последней страницы этой вклейки) иллюстрации из альбома: «Villa Abamelek» / Изд-е О. Адамишиной. Рим, 1992 г.

Вилла «Абамелек». «Дворец муз» или театр «Жиро».
Возведен вместо старого обветшавшего здания по проекту архитектора Винченцо Моральди. Во «Дворце муз» четой Абамелек-Лазаревых устраивались приемы, концерты, балы, ставились балеты, в которых танцевала княгиня Мария.

Княгиня Мария Павловна Абамелек-Лазарева
в костюме Флоры.

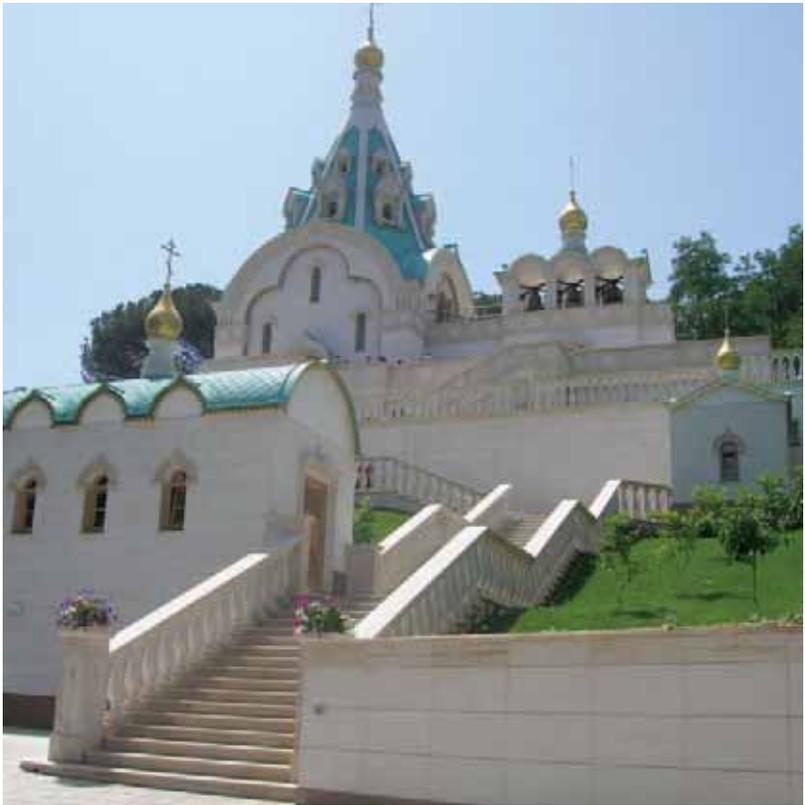
*Акварель итальянского художника Энрико Новелли
(псевдоним Ямбо). Рим, 1900 г.*

Вилла «Абамелек». Вестибюль «Дворца муз» с древнеримскими мозаиками, античными колоннами и мраморными бюстами римских императоров.

Вилла «Абамелек». «Дворец муз», зал Аполлона.

Храм во имя св. Екатерины Великомученицы (арх. А.Н. Оболенский)
на территории виллы «Абамелек», построенный в 2005–2009 гг.
Фотография М.Г. Талалая; сделана в день освящения храма, 24 мая 2009 г.

а о временной ссуде, займе до перевозки моих картин в Москву по окончании войны, когда я сейчас же мог бы возвратить Вам весь мой долг с глубокой благодарностью.

Граф говорил Вам о сумме в 20 тысяч лир, так как я имел в виду начать для Музея огромную фреску, которая потребовала больших затрат на технику. Но даже и в таком случае я не думаю получить всю сумму сразу, а по частям и хотя бы даже помесячно.

В зависимости от суммы, на которую я мог бы рассчитывать, я начал бы и соответствующую работу.

<без подписи>

от руки, черновик письма, архив Николо Круччани, внука автора (Милан)

Николай Николаевич Лохов (Псков 8.10.1872 – Флоренция 7.7.1948) начал свой жизненный путь как революционер, но затем отошел от политики⁶. Порыв идеалиста-народника изменить судьбы родины преобразовался в просветительскую идею создания в России галереи копий шедевров зарубежного искусства. Идея оказалась созвучной И.В. Цветаеву, в начале XX века устраивавшему новый музей на Волхонке. Начало копирования Лохова для Музея изящных искусств относится к 1910 г. В итоге мастер наметил для копирования огромный цикл – 70 шедевров итальянского искусства. В те годы мастер отправил в Россию восемь копий (они выставлялись в Москве, но их позднейшая судьба неизвестна), однако этому цветущему творческому периоду пришел неожиданный конец. В 1914 г. вспыхнула первая мировая война, затем – революция. Мастер остался без средств к существованию, и надо было искать новых заказчиков, новые способы существования (об этом и свидетельствует публикуемое письмо к Марии Павловне). В итоге копии Лохова были приобретены преимущественно американскими меценатами. «Русское сердце может лишь печалиться от сознания, что труд, задуманный для России, был

⁶ См. о художнике: *Левин Н.* Из рода купцов Лоховых // *Новости Пскова*, 26.4.1995. С. 5; *Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я.* Лохов Н.Н. // *Художники Русского Зарубежья. 1917–1939.* Биографический словарь. СПб, 1999; *Талалай М.Г.* Человек Возрождения // *Псков*, № 1, 2002. С. 149–157.

отвергнут родиной»⁷ – горькие слова одного мемуариста хорошо передают ту потерю, что понесла отечественная культура.

2

И. Кистяковский
(Париж)

Igor Kistiakovsky
Paris 12 марта 1925 г.

Ф.М. Галке,
во Флоренции

Глубокоуважаемый Федор Матвеевич,

Все время надеялся, что посету Вас во Флоренции. Но, по видимому, судьбе не угодна была моя поездка в Италию. Я приехал в Монте-Карло, чтобы ехать дальше, и застал сына больным. Мальчик проболел три недели, и, конечно, ни я, ни жена не могли уехать. Теперь он совсем поправился, и вчера, наконец, привезли его в Париж.

Вы дали прекрасный и вполне правильный совет Княгине относительно православной церкви в Риме. Конечно, прежде всего, необходимо рассмотреть ипотечные книги. Если земля и возведенные на ней постройки значатся на имя Российского правительства или Императорского посольства, дело будет представлять немало трудностей⁸. Ваш флорентийский адвокат,

⁷ *Климов Е.* Встречи // Новое русское слово. 20.3.1977, С. 3; эта статья в расширенном виде вошла в: *Климов Е.* Встречи в Петербурге, Риге, Русском зарубежье. Из воспоминаний художника. Рига, 1993. С. 62–66.

⁸ Для строительства русской церкви в Риме в 1915 г. сформировался строительный комитет, который возглавил кн. С.С. Абамелек-Лазарев. По протекции князя постройку поручили арх. Винченцо Моральди. При содействии Моральди комитет приобрел на имя Императорского посольства участок на набережной Тибра, близ Понте Маргерита. Тогда же, в 1915 г., русский клир в присутствии дипломатического корпуса торжественно заложил первый камень нового храма. Однако посольство, строившее храм, из российского превратилось в советское и, отсудив у прихода земельный участок с уже выведенным фундаментом церкви, продало его. Участок этот затем отошел к городским властям, проложившим тут автотрассу вдоль набережной Тибра.

приведший на справку случай с фиктивной покупкой, был совершенно прав. Наш Сенат также очень широко и последовательно боролся с фиктивными сделками. Последнее решение Сената было чрезвычайно ярким. Муж, продавая по доверенности имение жены, взял закладную на оставшуюся неоплаченной цену на свое личное имя. Правительствующий Сенат по иску жены признал эту закладную собственностью жены, т.е., таким образом, в согласии с фактическими обстоятельствами переписал крепостной акт на имя другого лица, в акте не означенного. Этот случай вполне аналогичный с сообщенным Вам флорентийским адвокатом.

В этих делах трудно доказывать. Конечно, если бы документы по сбору оставались в руках Княгини, было бы легче, но я боюсь, как и Вы, что они переданы в Посольство. Разработка фактической стороны дела потребует много труда и времени. Я позволяю Вам указать, что подобные сборы были всегда связаны с публикациями, рассылкой предложений о взносе и т.д. Весьма вероятно, что возможно будет найти эти проспекты сборов, из коих будет ясно видно, кто собирал, на какой предмет, т.е. будет ясно, что храм сооружен на средства частных лиц.

Вероятно, церковь и ныне управляется приходом. Таким образом, суть вопроса в крепостном праве на землю и здания. Приход есть юридическое лицо – институт постоянный, и, если он существовал и в момент постройки храма, то по этим или другим соображениям, покупая землю и воздвигая храм, сделал акт не на имя прихода, а на имя Российского правительства, то, несомненно, суд будет иметь все основания уничтожить крепостную запись, гласящую на имя Российского правительства или посольства по соображениям, которые ныне потеряли свою силу и свое значение.

Прошу засвидетельствовать княгине чувства моего глубокого уважения.

от руки, шифр dea516 (Fondo Demidoff, ASPF)

2 bis

IGOR KISTIakovsky
de l'Ancien Barreau de Moscou
16, RUE DE TÉHÉRAH
PARIS (VIIIE)
Tél.: laborde 11-37
Paris, le 6 января 1936 г.

Ф.М. Галке,
Пратолино

Дорогой Федор Матвеевич,

Получил ряд Ваших писем, и все Ваши пожелания выполнены.

Все тут признают, что Италия ведет себя прямо героически⁹. Ведь нужно признать, что французское общественное мнение всецело на стороне Италии. Здесь еще недавно с особым удовлетворением было отмечено запрещение Итальянского правительства получения лицами, проживающими в Италии, английских журналов.

Что касается дела Барийского Подворья, то дело это есть иск Русского Палестинского Общества к кн. Жевахову¹⁰. Для нас, адвокатов, нет никакой возможности произвести ту или иную ответственную работу по делу без ведома и согласия сторон. Если бы подобное вмешательство дало блестящие результаты, то, конечно, никакая сторона не стала бы протестовать, но, к сожалению, дела Барийского Подворья находятся не в блестящем положении. А посему, принимая во внимание слышанные мною отзывы о кн. Жевахове, я должен был быть в этом вопросе чрезвычайно осторожным. В настоящее время я в этом отношении со-

⁹ Имеется в виду война в Эфиопии, которую вела Италия в 1935–1936 гг.; этой колониальной войне пыталось противостоять британское правительство.

¹⁰ О кн. Н.Д. Жевахов и о судебной тяжбе вокруг подворья Императорского Православного Палестинского общества в Бари см. ниже, в примечаниях к собственным письмам Жевахова (№ 12).

вершенно спокоен, так как получил от Жевахова письмо, где он пишет по поводу написанной мною дополнительной компарсы¹¹: «она великолепна, и доводы ее абсолютно неотразимы».

Боюсь, что он в этом ошибается, но, во всяком случае, я полностью покрыт, и никаких претензий иметь не буду. В эмиграции приходится быть чрезвычайно осторожным. По свойственной мне тряпичности я никогда не отказываюсь помогать эмиграции, чем могу, но очень часто не только не видишь благодарности за оказанную помощь, но слышишь за спиной какую-нибудь ложь.

Но, кроме того, положение было чрезвычайно трудное. Как я Вам писал, компарсу по делу Бари я получил во время обеда. В своем письме Даванцати¹² писал: «In questo brevissimo periodo di tempo che corre tra la data di arrivo della presente e il giorno 27 corr. Elle dovrebbe compiere il miracolo di una lettura e dello esame delle difese e spedire direttamente all'indirizzo dell'avv. Comm. Raffaele Pasculli le sue osservazioni necessarii o utili a colloborare le ragioni difensive esposte dall'avv. Pasculli» [В этот кратчайший период времени, что идет между датой прибытия письма и 27-м числом Вам следует совершить чудо – прочитать, изучить защиту и отправить непосредственно на адрес адвоката командора Раффаэле Паскулли¹³ все свои необходимые или полезные замечания в духе сотрудничества с резонами защиты, представленными адвокатом Паскулли (*итал.*)].

¹¹ *Comparsa* (итал.) – письменное требование судящейся стороны во время гражданского процесса.

¹² Энрико Форже-Даванцати (Enrico Forges Davanzati) – римский адвокат (адрес конторы: Roma, via Ennio Quirino Visconti, № 99), которого часто привлекала к своим делам княгиня Мария Павловна. Он вел, в частности, ее тяжбу с советской стороной по делу виллы Абамелек в Риме. В Fondo Demidoff сохранилось копия двух писем И.А. Кистяковского к Э. Форже-Даванцати: эти копии парижский адвокат высылал в Праго для ознакомления княгине.

¹³ Раффаэле Паскулли (Raffaele Pasculli) – адвокат из Бари, нанятый кн. Жеваховым для ведения процесса против советской стороны, претендовавшей на подворье Императорского Православного Палестинского общества.

Так как я на следующий день хотел уехать в Амбуаз, и Евгений Павлович был так любезен, что остался у меня обедать, дабы закончить кое-какие срочные письма, то это спасло положение. Евгений Павлович имел возможность в течение пары часов прочитать компарсу и сделать мне устный перевод, а засим в течение, в сущности, ночи было продиктовано мною то дополнение, которое привело в такой восторг Жевахова. Но, когда к 12 часам следующего дня была готова и вторая редакция этого дополнения, то мне стало ясно, что, если ее пошлю непосредственно Даванцати, то, может быть, проведенная мною и Евгением Павловичем бессонная ночь окажется безрезультатной. Я всегда защищал Даванцати и Конте¹⁴ перед Княгиней. Но я должен признать, что обвинить их в быстроте и энергии исполнения – невозможно. На срочные и оплаченные телеграммы они отвечают через 2-3 дня. Таким же медлителем мог оказаться и Паскулли, которого я совершенно не знаю. Вот почему я предпочел послать свое добавление по трем адресам: непосредственно Паскулли, Даванцати и Жевахову. В результате я поступил правильно, так как имею благодарственное письмо от Паскулли и уведомление, что он имел возможность присланное мною дополнение использовать и представить в Палату дополнительную компарсу.

Княгиня предпочитает делать добрые дела совершенно похристиански – дабы правая рука не знала, что делает левая. Но в результате добрые дела благотворения никогда не остаются в тайне. Почему Княгиня недовольна, что кн. Жевахов знает о ее благотворительном пожертвовании 5.000 лир Барийскому Подворью в виде уплаты части гонорара Паскулли, мне не вполне ясно. Повторяю, что я в этом усматриваю только нежелание Княгини, чтобы говорили о ее добрых делах, а между тем Жевахов даже должен был это знать, ибо этой суммой уменьшается долг Барийского Подворья его адвокатам, а жизнь так сложилась, что представителем того же Барийского Подворья является Жевахов.

¹⁴ Джузеппе Конте (Giuseppe Conte) – римский адвокат, напарник Э. Форже-Даванцати.

Пожалуйста, не откажите засвидетельствовать Княгине чувства моего глубочайшего уважения и преданности.

*Искренне Ваш
Игорь Кистьяковский*

машинопись, за исключением выделенного курсивом, шифр 481 (Fondo Demidoff, ASPF)

Игорь А. Кистьяковский – парижский адвокат, ведший многие дела княгини М.П. Абамелек-Лазаревой. В Архиве Fondo Demidoff, ASPF также хранятся его письма: от 7 ноября 1930 г. (шифр dea209), от 17 июня 1932 г. (шифр 396), от 11 апреля 1935 г. (шифр 241), от 13 августа 1931 (шифр 3), от 24 мая 1935 г. (шифр 380), от 15 января 1936 (шифр De259). В них обсуждаются преимущественно запутанные дела римской виллы Абамелек и подворья в Бари.

3

*Неизвестный корреспондент
(Флоренция)*

Firenze, 5 Марта, 1925 г.

Ваше Сиятельство,
Княгиня Мария Павловна!

Чсть имею почтительнейше просить В<аше> С<иятельство> не отказать принять мою нижайшую сердечную благодарность за известие о Кн. И.С.¹⁵ Когда благополучно закончится дело Его С-ва, то это будет для меня истинной великой радостью, и я надеюсь, что В. С-ву Господь поможет довести это дело до благоприятного результата.

¹⁵ Возможно, князь Иван Сергеевич Мещерский, племянник кн. С.С. Абамелек-Лазарева.

По ознакомлении с полученной сегодня от В. С-ва историей церкви, составленной г. Забелло¹⁶, я нахожу, что земля, хотя и была куплена фиктивно на имя Посольства, но что покупка земли и начало постройки храма были совершены не на государственные, а на частные средства, данные Его С-м Кн. С.С. [Абамелек-Лазаревым] и г. Пасхаловым, а, после кончины Е.Д., В<аше> С<иятельство> изволили деньги, данные Князем, пожертвовать в память Е.Д. на сооружение храма, а также на частные пожертвования разных лиц. Что же касается того, что Министерством Иностранных дел была выдана лишь ссуда (как пишет в своем в своем мемориале г. Забелло «un allocazione» [ассигнование]) в 46.000 лир, которая, как всякая ссуда, и подлежала возврату. И я полагаю, что вышеупомянутая церковная земля и начатая постройка, как частная собственность, ни в коем случае юридически не подлежат выдаче большевикам и, в крайнем случае, если Итальянское правительство признает большевиков законными правопреемниками Императорского Российского правительства, то тогда может признать к возврату большевикам, полученную от МИД ссуду в 46.000 лир¹⁷.

Если бы стали указывать, что был дар на церковь Государя императора в 10.000 руб., то этот дар надлежит толковать не как государственную сумму, а как личное пожертвование Государя Императора, то есть как каждое частное пожертвование.

Думаю, что придется указывать, что земля была куплена фиктивно на имя Посольства, потому что церкви в Италии не имеют прав юридического лица.

Историю церкви, В.С., разрешите пока оставить у меня, т.к. она может понадобиться, если мне по этому вопросу придется разговаривать с г. Кистяковским.

¹⁶ Георгий Парменович Забелло (1863–1946) — действительный статский советник, последний императорский консул в Риме, с 1921 г. председатель приходского совета русской православной церкви в Риме.

¹⁷ Если, конечно, эта ссуда не была возвращена Министерству Иностранных Дел (*прим. корр.*).

Из полученной от В.С. статьи в газете «Эксцельсиор» от 23 февраля с.г. – «Красин говорит о русских долгах», я понимаю, что Красин¹⁸ заявляет, что если большевикам Франция даст заем, то большевики, не признавая юридически старые долги, которые Россия должна уплатить Франции, все же согласны будут удовлетворить частично требования французских держателей русских % бумаг, причем эти долги должны быть сокращены, во-первых, настолько насколько меньше стала территория России после отделения новообразовавшихся государств, входивших ранее в состав Российской империи, а во-вторых, должны быть уменьшены долги пропорционально тому, как упали вообще ценности и французский франк (французский франк упал против золотого приблизительно в 4 раза), да, кроме того, большевики хотят, чтобы Франция приняла на себя потери от убытков, понесенных большевиками от интервенций и блокады, в которых принимала участие и Франция. Одним словом, Красин и Преображенский¹⁹, видимо, хотят сделать такой расчет чисто жидовским, что, признав долги Франции, французам в лучшем случае заплатят очень немного, если не насчитают так, что французы даже должны будут доплатить большевикам.

Красин со своей компанией хотят в переговорах разными жидовскими уловками подловить Францию, и я очень опасаясь, чтобы французы не попались на советскую удочку и не выдали бы русских капиталов, находящихся во Франции; о последнем обстоятельстве нужно теперь очень зорко следить во Франции.

Я полагаю, что если большевики начнут оплачивать старые русские долги, то в первую очередь, наверное, будут производиться платежи по купонам от % бумаг, и хорошо бы тогда воспользоваться, чтобы суметь осторожно реализовать купоны от русских займов, которые заграничные банки не оплатили, а прислали В<ашему> С<иятельству>ву.

¹⁸ Леонид Борисович Красин (1870-1926) в 1925 г. был советским торгпредом во Франции (одновременно – наркомом внешней торговли).

¹⁹ Евгений Александрович Преображенский (1886-1937) – советский партийный деятель, с 1921 г. – на «хозработе».

Сегодня я получил из Парижа и отправил В. С-ву в Рим книгу Соколова «Убийство Царской Семьи»²⁰, но удивляюсь, что, несмотря на то, что мною «Вечернему Времени» определенно было написано, что книгу надлежит отправить В. С-ву и был точно указан римский адрес, книгу все-таки почему-то послали на мое имя.

Не откажите В.С-во принять мои и жены почтительнейшие пожелания доброго здоровья и всякого благополучия.

С совершенным почтением и неизменной преданностью.

Чсть имею быть Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою

от руки, шифр de503 (Fondo Demidoff, ASPF)

4

М. Потоцкая
(Москва)

Дорогая Мария Павловна!

Много лет прошло с тех пор, как я видела Вас в последний раз в Одессе, когда ехала в Египет, но и теперь перед моими глазами Вы такая же красавица. Конечно, Вы забыли меня, так как прошло много лет, но я была дружна с Вашими покойными родителями, а мой покойный муж был в хороших отношениях с Вашим покойным мужем Семеном Семеновичем. Тогда я была счастлива и не думала, что такие несчастья обрушатся на меня:

- 1) мой муж тяжело заболел и трагически умер, смерть его на меня так повлияла, что я нервно заболела (боязнь пространства);
- 2) единственный мой сын погиб в Гражданскую войну;
- 3) единственная внучка умерла от скарлатины 5-ти лет в шесть дней.

²⁰ Книга следователя Н.А. Соколова вышла именно в 1925 г.

Помимо того, я потеряла все, а самое главное – самых близких-дорогих, и вот исстрадавшаяся, измученная, тяжело и неизлечимо больная, живу и страдаю непосильно. У меня суставный ревматизм во всех костях, главное – повреждены руки – изуродованы. Средств никаких – ни пенсии, ни пособия ниоткуда не получаю, а все что было, все погибло. Комнаты своей не имею, а у кого живу, комната сырая и холодная, и то благодарю Бога, что имею угол.

Находясь в таком тяжелом и безвыходном положении, я и решила, дорогая Мария Павловна, обратиться к Вам с просьбой, зная, как Вы добры и отзывчивы к людям – прошу Вас, помогите мне, тяжело больной и измученной нравственно и физически старушке, а Бог всевышний пошлет Вам сил и здоровья на многие и многие годы. *Самая маленькая сумма будет для меня большим счастьем, я смогу питаться и купить лекарства в Торгсине, так как тех патентованных лекарств, которые мне нужны, в аптеках нет. Я только что соборовалась и причащалась, так как силы мои слабеют; было время, когда и я многим страждущим помогала и считала себя счастливой.*

Адрес Ваш я узнала от племянника покойного Вашего мужа, Мещерского, которого я знала, как и Вас, ребенком, и вот, узнав в каком я тяжелом и безвыходном положении, он посоветовал к Вам обратиться. Я думаю, что Вы не дадите мне погибнуть, я и раньше знала о Вашем добром сердце.

Я Вам уже писала несколько раз, но ответа не получала. Решила еще раз написать и просить Вашей доброй помощи. Господи, неужели на это я не получу от Вас. Быть может, Вы живете не в Пратолино, а в Англии или в Швейцарии. Я раньше помнила и знала, что Вы всегда жили в Пратолино. Прошу еще раз не откажите мне в помощи, и Бог не оставит Вас.

Прошу адресовать по нижеследующему адресу, т.к. я больна и в банк идти не могу, а это сестра милосердия, которая помогает мне и по своей доброте все мне делает.

Искренно уважающая и любящая Вас:
Marie Potocka

Москва: Садовая-Сухаревская ул., д. № 4, кв. № 5 – Серафиме Петровой.

[*притиска на обороте карандашом от руки*]

P.S. Простите, что написала *по-русски*, но эта сестра милос<сердия> не знает французского языка, а мне будьте добры писать *по-французски*. Еще раз прошу помочь – мне 8 февраля будет *70 лет*, жду с нетерпением от Вас дорогой весточки, да хранит Вас Бог.

М.П.

Письма и телеграмму шлите Петровой для *Потоцкой*, а деньги только на имя *Серафимы Петровой*, а то мне не получить.

без даты, машинопись, по новой орфографии, шифр № 319 (Fondo Demidoff, ASPF)

5

Князь Н.А. Карагеоргиевич
(Париж)

Многоуважаемый
Monsieur Галка!

Получил Ваше письмо в день нашего отъезда из Нью-Йорка, поэтому пишу Вам с некоторым опозданием.

Спасибо за пожелания в Новом году и в свою очередь желаю Вам всяческих благополучия во всех отношениях.

Хорошо, что у Шелюшко²¹ сохранились документы по наследству. О потерянных вещах, я думаю, лучше забыть. То, что было продано мной, а именно: чайный сервиз, никто у него не требует, но куда девалось все остальное – я думаю, что он мог

²¹ Андрей Иванович Шелюшко, доверенное лицо Елены Петровны Демидовой княгини Сан Донато, после революции остался в СССР и проживал в Киеве (Львовская ул., 45, кв. 2). Для получения от него документов по наследству дочь Елены Петровны, княгиня Мария Павловна, в 1931 г. обратилась к знаменитому русисту Этторе Ло Гатто, отправлявшемуся в тот момент в Советский Союз, выделив ему и средства (1.000 лир) на поездку из Москвы в Киев и обратно; см. в Fondo Demidoff письмо Ф.М. Галки к Этторе Ло Гатто от 21 ноября 1931 г., шифр № dea1354.

бы дать более точный ответ, а не отделяться общими фразами. Из своих вещей я ничего никогда не видел, ибо Шелюшко предпочитали пользоваться ими для себя. Мной был продан только серебряный чайный и умывальный сервиз, кольцо мне вернули, но это все не составляет десятой части того, что у меня было под их покровительством. Хорошо было бы получить от него все документы и духовную, кот<орую> я сделал на имя Надежды Ивановны Шелюшко под давлением госп<одина> Шелюшко, когда уезжал на войну.

Благодарю Вас очень за все хлопоты в этих запутанных делах.

Н. Карагеоргиевич.

[*надпись на конверте*] The New Colonial Nassau
Bahams

[*надпись на письме сверху карандашом*] пол<учено> 5/2. 29

от руки, шифр № dea302 (Fondo Demidoff, ASPF), послано с Багамских островов по пути в Париж

5 bis

29 мая 1931

Дорогая моя, родная Тетя Моина!

Прошу Тебя очень простить меня за это письмо, и, ради Бога, не пойми, моя любимая Тетя Моина, его как-нибудь не так. Мне очень трудно и тяжело Тебя просить меня выручить из моего тяжелого теперешнего положения, но безвыходность положения меня заставляет. Умоляю тебя, моя родная, меня понять и не осудить. Господи! времена такие тяжелые с всеобщей кризой²², что я попал жертвой, как многие.

Вот уже три месяца, что я бьюсь, как рыба об лед, и без всякого результата. Службу, работу какую-нибудь найти невозможно. Везде сокращают штаты персонала, ничего не продается, словом,

²² Имеется в виду кризис.

ничего не удастся. Одно время, до моей болезни, зарабатывал я, рисунками, очень хорошо до четырнадцати тысяч [франков] в месяц. Это продолжалось около года, и я, конечно, имел возможность держать маленький автомобиль и устроить себе студию-квартиру более комфортабельно. Затратил я на нее очень много денег. А на оставшуюся сумму я выдал векселя, которые закрыли мой счет в банке (пансион, который получаю ежемесячно от Dorothy) еще на семь месяцев. Там выходит тридцать пять тысяч. Зарабатывая, как зарабатывал, я мог это сделать и в то же время хорошо жить. Но вот теперь из-за кризиса всеобщего никаких доходов у меня больше нет. Конечно, это моя вина, но уверяю тебя, моя любимая Тетя Моина, я этого не мог предвидеть. Тогда я решил продать свой автомобиль и покрыть сумму, которую я должен в банк, и таким образом счет опять откроется. Но тут опять непредвиденное несчастье: автомобиль у меня украли, а он не был застрахован. Словом, я обезоружен всеми несчастьями, которые повалились на мою голову. Бьюсь я изо всех сил без всякого толка.

Больно мне Тебя просить, т.к. знаю, сколько у Тебя, моя родная, разных забот, но все же наберусь храбрости. Если бы Ты, дорогая Тетя Моина, могла бы мне одолжить эти тридцать пять тысяч, я бы мог открыть мой счет, и, если ты позволишь, я мог бы погашать свой долг в отношении Тебя по тысяче франков в месяц, пока времена тяжелые. Конечно, это погашение страшно долго: это выходит 3 года, но как только у меня дела с моими рисунками опять пошли бы, конечно, я бы мог погасить скорее. Вот это моя, если можно сказать, молитва к тебе, моя родная Тетя Моина, и опять умоляю тебя меня понять, верить и не осудить. Я все, все делаю, чтобы вынырнуть из моего прямо-таки ужасного положения, но ничего не удастся. Господи, Боже мой, неужели не увижу светлых дней!!

Павел Демидов²³ обещал меня познакомить с Картье и устроить службу. Хоть бы не осталось бы это его обещанием!! Тетя

²³ Павел Александрович Демидов (Киев 1869 – Ницца 1935) – шталмейстер Высочайшего Двора, сын Александра Павловича Демидова, последнего владельца Суксунских заводов, почетного попечителя Демидовского юридического лица в Ярославле (сообщено И. Грезиним).

Lelly²⁴ говорила мне, что он знает тоже Coty. Тоже было бы хорошо, если бы я мог быть ему представлен, т.к. Coty очень много делает и содействует авиации и летчикам.

Жду я Павла Демидова, как манны небесной. Он должен быть этим летом в Париже.

Обнимаю Тебя нежно, целую твои дорогие ручки и еще раз прошу тебя, моя любимая Тетя Моина, меня простить за просьбу, не осудив.

Всей душой любящий тебя твой племянник Коля.

P.S. Прости, что прибавляю, но я забыл сказать, что мой банк дал бы гарантию, что тысячу франков будут выплачены помещаю. Прости, моя родная, что я это говорю, но не дай Бог, со мной что-нибудь случится.

от руки, шифр dea1144 (Fondo Demidoff, ASPF)

5 tris

30 июня 1931

Моя дорогая Тетя Моина!

Не могу передать Тебе удар, который я получил с письмом твоего секретаря Mr. [мсье] Галки. Не потому, что ты не хочешь, вернее, что твой принцип не одалживать кому бы что ни было ни копейки. Господи, это вполне понятно, твоя воля. Не знаю, читала ли ты это письмо, в котором Mr. Галка ни с того ни с сего разоблачает меня во лжи. В жизни своей я не врал, не перевариваю ложь, и на тридцать седьмом году моей жизни не начну лгать. Очень горько было мне быть оскорбленным совершенно мне посторонним человеком за то, что я обратился к Тебе за помощью. Прошу простить меня, что я попросил меня выручить из тяжелого положения. Поверь мне, дорогая Тетя Моина, мне было очень тяжело это сделать, и я очень сожалею, что написал.

²⁴ Елена Анатольевна Демидова (1901–1970), в замужестве Жоффруа, дочь брата Марии Павловны Анатолия.

Не знаю, какие слухи доходят до тебя обо мне, но могу сказать, что могу смотреть всем без исключения прямо в глаза и ничем не компрометирую ни себя и никого своей жизнью. Что касается автомобиля, то он был куплен мной, и никогда Dorothy мне не дарила эту машину, которую у меня, к великому моему огорчению, украли, ни прежнюю мою маленькую машину. Что касается кризиса, хотя Мг. Галка пишет мне, что я ни коммерсант, ни промышленник и вообще у меня нет ничего, не знаю, почему он так решил, но я опять повторяю, что в прошлом году зарабатывал, рисуя модели и продавая эти рисунки до четырнадцати тысяч в месяц, но так как с коммерческим крахом магазин, для которого я работал, потерпел фолт²⁵, то совместно и моя работа закончилась, так что я считаю, что и меня очень коснулась настоящая безделица.

Прости меня, что я пишу тебе обо всем этом, но я не хочу, чтобы у тебя было неправильное понятие обо мне, так как я тебя, родная моя Тетя Моина, очень, очень люблю, и мне все происшедшее очень больно.

Спасибо большое тебе за пятьсот франков и прости, что не сразу ответил, но я, право, не мог прийти в себя от письма Мг. Галки.

Целую твои дорогие ручки.

Любящий тебя всей душой твой племянник Коля.

от руки, шифр dea1179 (Fondo Demidoff, ASPF)

Князь Николай Арсеньевич Карагеоргиевич (1895 – Париж 10.6.1933) – сын князя Арсения Карагеоргиевича, принца Югославского, и Авроры Павловны Демидовой княжны Сан-Донато. Жил в Париже, скончался в результате тяжелой травмы головы, полученной во время автомобильной аварии: в апреле 1933 г. в Пратолино пришло сообщение о том, что «племянник княгини князь Николай Карагеоргиевич <...> находится в госпитале в Париже» – см. шифр 1812 (Fondo Demidoff, ASPF).

²⁵ *Fault* (англ.) – крах.

6

А.С. Семенов
(Валаам)

Ваше Сиятельство,

добрейшая и досточтимая Княгиня Мария Павловна!

Шлю Вам низкий поклон и приношу глубокую благодарность от имени о. Игумена за Вашу жертву доброго усердия к нашей обители.

Имя блаженной памяти супруга Вашего, Князя Семена Семеновича [Абамелек-Лазарева], записано в заупокойный синодик навечно, в удостоверение чего прилагаю квитанцию²⁶.

Благодарю Вас и от себя за оказанную мне помощь, которую я переслал в Россию²⁷, в Царское Село, своей старушке жене, как более нуждающейся и при том больной – я же как-нибудь обойдусь.

Спаси Вас Господи и помилуй!

У нас в монастыре существует издавна хороший обычай, имеющий глубокий христианский смысл: в прощенное Воскресение пред Великим постом, после вечерни, вся братия в церкви просит друг у друга взаимно прощение, сначала о. Игумен просит прощения у братии, в чем он согрешил перед ими, кого обидел и делает всем земной поклон, а затем братия между собою со словами «прости меня Бога ради» ему отвечает: «меня прости, Бог простит».

²⁶ Квитанция от Спасо-Преображенского первоклассного Валаамского монастыря, с почерком А.С. Семенова, сохранилась в Fondo Demidoff, ASPF: «1928 года февраля 22-го дня в Валаамском монастыре от Княгини М.П. Абамелек-Лазаревой получено на поминовение 5 doll 75 cent / двести финс. мар., почему имя раба Божия Семена для вечного поминовения за упокой в храме Преподобных при совершении ежедневных ранних литургий, где имя сие поминается на проскомидии, эктении, у Престола Божия, и по литии.

В чем удостоверяется надлежащим подписем [sic] и приложением монастырской печати.
Настоятель, Игумен Павлин.»

²⁷ Валаамский архипелаг вместе с северным Приладожьем в 1918-1943 гг. входил в состав Финляндии.

С понедельника 1-ой недели Великого поста все предаются самому строгому посту и молитве, пища в 1-ые дни раз в день хлеб и квас, да и в последующие дни почти тоже самое и во весь Вел<икий> пост рыбы не полагается.

Я, следуя этому обычаю, также прошу и у Вас, Ваше Сиятельство, прощения, если в моих письмах чем-либо позволил невольно Вас оскорбить или обидеть.

В утешение Вашей скорби о потери Вами незабвенного и дорогого для Вас Семена Семеновича, привожу размышления одного святого инока, в которых как бы приоткрывается таинственная завеса загробного мира, где находится душа Вашего супруга:

«Умер дорогой спутник Вашей жизни! Не он умер – умерло тело, душа же его осталась жива, себя помнящая и весь окружающий мир узнающая. Душа умершего также живет, как и мы, только в другом образе бытия, гораздо лучше нашего. Как для путника, добре совершившего путь свой и радостно вошедшего в родной дом, становится ненужную его путевая ладья, так и для умершего в добре христианских упований, становится излишнею его земная оболочка – тело, которое возвращается земле. <...>»

Спаси и сохрани Вас Господь Бог на многие годы во всяком благополучии, здравии и долгоденствии.

С искренним к Вам, Ваше Сиятельство, уважением и душевной признательностью и благодарностью, остаюсь покорным слугою,

А. Семенов
Валаам
25 февраля 1928 г.

от руки, шифр № dea66 (Fondo Demidoff, ASPF)

Александр Сергеевич Семенов (1860-1935), работавший в канцелярии Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, в 1933 г., после смерти жены, оставшейся в СССР, принял монашеский постриг с именем Амвросий. О его смерти, наступившей 27 апреля 1935 г., сообщил княгине настоятель обители игумен Харитон (в письме от 15 мая

1935 г., которое публикуется ниже под № 7). В письме от 15 июня 1935 г. (шифр № 268, Fondo Demidoff, ASPF) игумен Харитон, в ответ на запрос княгини, сообщает, что Семенов «поступил в монастырь в возрасте 53 лет и последующие 20 лет трудился в поте лица в канцелярии, а также многие годы руководил Музеем древностей в монастыре».

Сохранились также последующие семь писем Александра Сергеевича Семенова – от 10 апреля 1929 г. (шифр № dea362), 16 января 1931 г. (№ dea989), 7 апреля 1931 г. (№ dea1082), 21/22 декабря 1931 (№ dea1411), 15 января 1932 (№ dea1467), 10 апреля 1933 (№ 334), 20 декабря 1933 (№ 342). Корреспондент княгини поздравляет ее с праздниками, благодарит за регулярно получаемые пожертвования, сообщает об экономической ситуации в Финляндии, о суровом монастырском быте, о смерти жены в Царском Селе (в 1931 г.), о тяжелой жизни в Советской России дочери и внуков.

7

Игумен Харитон
(Валаам)

Настоятель
Валаамского первоклассного
монастыря
31 Мая 1935 г.
г. Сердоболь, Выб<оргская> губ<ерния>

Ее Сиятельству,
Княгине М.П. Абамелек-Лазаревой

Милостивейшая Государыня, Княгиня Мария Павловна!

Имею честь почтительнейше сообщить Вам, что монах Амвросий, в миру Александр Сергеевич Семенов, пользовавшийся столь щедрой помощью Вашего Сиятельства, скончался 27 апреля, в канун Светлого праздника, и, таким образом, последнее письмо и чек получены им не были, а поступили ко мне, как к Настоятелю монастыря.

Не откажите в любезности сделать распоряжение – как будет угодно Вашему Сиятельству поступить с имеющимся у нас чеком.

В ожидании Вашего распоряжения, прошу Вас принять, Княгиня, уверение в моем совершенном уважении и преданности.

Игумен Харитон

машинопись, за исключением подписи, шифр 272 (Fondo Demidoff, ASPF)

7 bis

Настоятель
Валаамского первоклассного
монастыря
15 июня 1935 г.
г. Сердоболь, Выб<оргская> губ<ерния>

Ее Сиятельству,
Княгине М.П. Абамелек-Лазаревой

Милостивейшая Государыня, Княгиня Мария Павловна!

В ответ на письмо управляющего делами Вашего Сиятельства от 7 с<его> м<есяца> премного благодарю Вас, Княгиня, за пожертвование в пользу нашей обители и почтительнейше сообщаю: покойный Александр Сергеевич Семенов прибыл в монастырь 53-х лет и в течение 20-ти лет, состоя послушником, безвозмездно трудился в канцелярии монастыря, исполняя обязанности счетовода. Кроме того, много лет заведовал монастырским древлехранилищем.

Те и другие обязанности исполнял с присущей ему аккуратностью и старательностью, оставив по себе добрую память.

Два года назад, узнав о смерти жены, много скорбел, но, видя в этом волю Божию, принял постриг и при втором крещении был наречен монахом Амвросием. С тех пор стал подумывать о приближающемся конце своего земного пребывания и усердно готовился к уходу в лучший мир. Господь услышал его молитвы и послал ему безболезненную кончину.

Покойный говел еще и в страстную седмицу, приобщился св. Христовых Таин в великий четверг, накануне кончины был в хра-

ме Божиим и прикладывался к Святой Плащанице, а вечером заходил в мои покои и получил от келейника творожку, дабы достойно встретить Светлый праздник. В Страстную субботу почувствовал себя очень слабым, был перенесен в больницу, где доктор нашел у него сильно ослабленную деятельность сердца, явившуюся следствием преклонного возраста, и около 6-ти часов тихо почил.

Такая блаженная кончина заслужена им у Бога, и, так как к тому же погребен он был в третий день Св. Пасхи с крестным ходом и праздничным трезвоном, то мы верим, что Господь сподобил его войти в еще открытые врата Царствия небесного.

После покойного осталась круглой сиротой его единственная дочь, находящаяся в России, о которой покойный много заботился и помогал от щедрот Вашего Сиятельства.

Примите, глубокочтимейшая Княгиня, уверение в моем совершенном уважении и искреннейшей преданности.

*Призывая на Вас Божие благословение,
Ваш Богомолец
Игумен Харитон*

машинопись, за исключением выделенного курсивом, шифр 268 (Fondo Demidoff, ASPF)

8

Барон П. Корф
(Бетель)

Bethel b/Bielefeld
Kleines Hospiz 22.V.29.

Многоуважаемый
Федор Матвеевич!

Вот уже скоро два года, что Смоянку²⁸ нам вернули. Но Правительство ставит столько преград и делает так много за-

²⁸ Имение баронов Корфов в Восточной Польше.

труднений, что до сих пор мы не можем ни реализовать имение, ни даже пользоваться им. Рубка воспрещена, т.к. нет утвержденного Правительством плана, а составление такого стоит довольно дорого, и мне дали знать, что плана не утвердят, дабы мне сделать неприятность. Я старался продать частным лицам, но, несмотря на объявление в газете, никто не нашелся. Правительство тоже теперь будто бы более не желает купить имение. С другой стороны, Шишковский дольше ждать не желает и требует расчета! Я ему предложил 20.000 злотых, но на эту сумму он не согласен, считая, что стоимость Смолянки выше 200.000 злотых. Моя жена мне однажды писала, что Вы будто бы советовали мне задолжать Смолянку и этим путем освободиться от Шишковского, но с чего же я заплачу % долга? Мне дадут сравнительно маленькую сумму, из которой мне придется львиную долю заплатить Шишковскому, потом удержать еще и %, а потом все пойдет к черту! Я вижу, что был прав, когда говорил Вам в 1925 г., что мне невозможно согласиться на условия Шишковского, ибо я не в состоянии буду расплатиться с ним. Теперь я в ужасном положении. Я предвижу, что, прождав 2 года, он потеряет терпение, и имение будет продано за долги, и нам ничего не достанется. Дайте мне совет, что делать?! Я совсем измучился. Вот уже год, что уехал из Флоренции. Теперь хотел вернуться в Польшу, но они меня снова не впускают, отказали в визе. Одним словом, ставят мне капканы на каждом шагу. Если хотите ответить и дать мне совет, был бы Вам благодарен. Письмо Вы можете передать жене, она перешлет.

Ваш Бар<он> П. Корф

от руки, шифр dea409 (Fondo Demidoff, ASPF)

9

Генерал Е. Миллер
(Париж)

Милостивый Государь Александр Иванович.

После кончины в Бозе Почившего Великого князя Николая Николаевича²⁹ возник вопрос об изыскании средств для продолжения работы на спасение России, которая велась Генералом Кутеповым³⁰ под руководством Великого князя и продолжение которой завещано Его Императорским Высочеством предсмертным обращением к Русским людям.

Работа эта непрерывно продолжится, но для дальнейшего ведения ей необходимы средства, и именно с целью изыскания их в Париже учрежден на место прежней Особой Казны, с кончиною Великого князя прекратившей свое существование, Главный Комитет Фонда имени Великого князя Николая Николаевича, положение о котором при этом препровождается.

Изучая вопрос о ведении сборов в разных странах, Гл. Комитет не мог не остановить своего внимания на том, что проживающие во Флоренции наши соотечественники не принимают участия в сборах на Русское дело. В то же время Комитет, зная ряд лиц, проживающих в этой местности, не может ни в коей мере объяснить отсутствие сборов во Флоренции тем, что преследуемая этими сборами цель безразлична там нашим соотечественникам. Объясняется это, скорее всего, отсутствием организации сборов, и поэтому Главный Комитет постановил обратиться к Вам с просьбой взять труд организации таковых.

Опыт других стран показывает, что наиболее распространенной формой сбора является ежемесячное обложение изъявивших на то согласие (пусть поначалу даже немногих) лиц. В этом случае лицо, производящее сбор, выдает свои временные расписки, которые впоследствии заменяются квитанциями, выдаваемыми

²⁹ Великий князь Николай Николаевич (1856–1929), эмигрировал во Францию, скончался в Париже.

³⁰ В январе 1930 г. руководитель Русского Общевоинского Союза генерал А.П. Кутепов был похищен советскими разведчиками и казнен.

Главным Комитетом. Возможно также производство сбора по подписным листам и особым квитанционным книжкам Главного Комитета, но все это, конечно, зависит от местных условий и требований. Позвольте надеяться, что преследуемая Гл. Комитетом патриотическая цель встретит Ваше сочувствие, и что Вы поможете Комитету в его работе как организацией сборов среди русских, так и среди чинов председательствуемого Вами Объединения лейб-гвардии 1-го Стрелкового Его Величества полка.

Прошу Вас верить моему совершенному
уважению и преданности.
Искренне уважающий Вас
Е. Миллер
26 Марта 1929 г.

Полковнику Джулиани
Флоренция Via dell' Ulivo №1 р.р.

С подлинным верно
А. Джулиани
1 Апреля 1929 г.

от руки, шифр dea332 (Fondo Demidoff, ASPF)

Александр Иванович Джулиани (Жулиани) (С.-Петербург 27.11.1870 – Флоренция 31(18).3.1941), потомок выходцев из Италии, полковник лейб-гвардии 1-го Его Величества полка, участник Гражданской войны, эмигрировал в Италию вместе с женой Марией Александровной, урожденной Рахмановой (1871-1952), и с сыном Сергеем.

Генерал Е.К. Миллер продолжил руководство Русским Общевоинским Союзом после похищения советскими разведчиками в 1930 г. Кутепова. В сентябре 1937 г. был также похищен и даже вывезен в Москву, где содержался почти два года на Лубянке (под фамилией Иванов), после чего был расстрелян в 1939 г. по приговору «тройки» НКВД.

10

Князь Н. Вадбильский
(Белград)

Глубокоуважаемая Княгиня Мария Павловна!

Одна тысяча лир, посланная Вами через Д.В. Дена³¹, получена, роздана слепым, и расписки будут высланы Д.В. Дену по получении их из Отделов, где состоят слепые.

Пользуюсь случаем, чтобы принести Вам от Центрального Правления Союза и от слепых сердечную благодарность за Вашу непрестанную заботу о слепых инвалидах наших и щедрые поддержки им.

Два месяца тому назад прислал письмо из России слепой Гвоздецкий, который, благодаря только Вам, смог попасть на родину. Он пишет, что у родных ему хорошо, но, в общем, всем живется плохо; при переезде через границу его обобрали, да еще пригрозили тюрьмой. Очень благодарит Вас за помощь и Центральное Правление за содействие.

Прошу Вас, глубокоуважаемая Княгиня, принять выражения наших глубоких и искренних чувств уважения, преданности и благодарности.

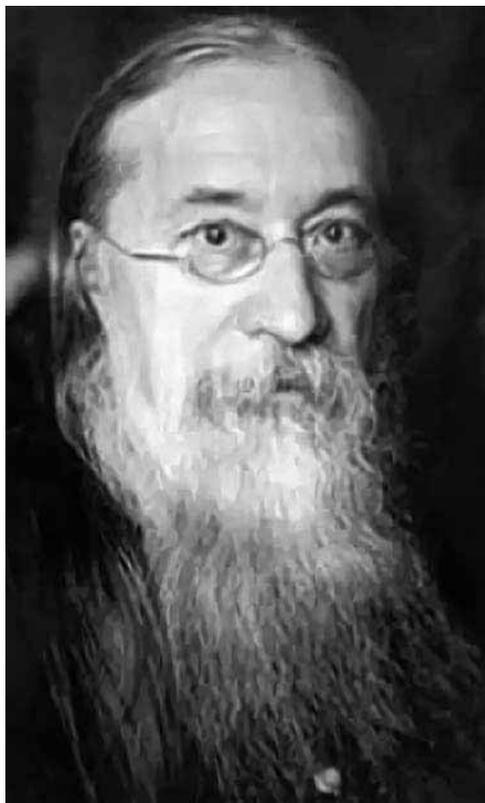
6 Мая 1929 года, г. Белград.

Князь Николай Вадбильский
Председатель Союза Русских Военных
Инвалидов в Королевстве С.Х.С.

машинопись, за исключением выделенного курсивом, шифр dea389
(Fondo Demidoff, ASPF)

В Архиве Fondo Demidoff, ASPF хранится еще одно письмо от князя Н. Вадбильского, также из Белграда, от 26 апреля 1932 г. (шифр dea1509), где автор сообщает, что на средства княгини Марии Павловны устроен один инвалид, полковник князь Накашидзе, а также передает ей о намерении назвать ее именем один из залов в Доме инвалидов Его Королевского Высочества Павла в Прчани.

³¹ Дмитрий Владимирович Ден (урочище Лагодеки, Кавказ 1874 — Рим 1937), флигель-адъютант, капитан первого ранга, во время Гражданской войны — представитель генералов Деникина и Врангеля в Италии.

Мсгр Елогіос
МИТРОПОЛИТЪ
Православныхъ Русскихъ Церквей
въ Западной Европѣ
—*—
MÉTROPOLITE-ARCHEVÊQUE
des Églises Orthodoxes Russes
en Europe Occidentale
—o—
12, Rue Daru, Paris

Митрополитъ Свѣтлѣ.

11

Митрополит Евлогий (Георгиевский)
(Париж)

МИТРОПОЛИТ
Православных Русских Церквей
в Западной Европе
MÉTROPOLITE-ARCHEVÊQUE
des Églises Orthodoxes Russes
en Europe Occidentale
12, Rue Daru, Paris

13 Декабря 1929 г.

Глубокоуважаемая княгиня
Мария Павловна,

В прошлом году Вы щедро отозвались на мой призыв и тем помогли существованию Православного Богословского Института.

Ныне в начале нового учебного года я должен вновь обратиться к русским верующим людям, ибо Институт является учебным заведением, содержащим своих студентов на полном иждивении и поэтому каждый год требующим постоянного бюджета.

В России в течение 1929 года особенно усилились антирелигиозная деятельность и пропаганда коммунизма, участились казни и аресты духовенства и мирян. Союз безбожников превратился в Союз воинствующих безбожников. Там борьба за народную душу не ослабевает, а усиливается.

Поэтому и мы не можем ослаблять наших усилий, как бы тяжелы они не были. Мы взяли на себя великую задачу – создать единственное ныне Высшее Богословское учебное заведение русской Церкви. Мы должны содержать его и далее.

По примеру прошлого года с 8 по 15 декабря мы будем производить сбор на Богословский Институт. Но, зная бедственное положение русской эмиграции, я должен особо обратиться к щедрости отдельных жертвователей.

Постоянная финансовая помощь из Англии и Америки обуславливается непрекращающейся поддержкой Института самими русскими. Сокращение суммы, собираемой среди русских, повлекло бы за собой и сокращение иностранной помощи, иными словами, закрытие Института. Наоборот, значительный сбор среди русских обеспечит иностранную помощь.

Я знаю, что Вы обременены многочисленными просьбами о пожертвованиях, срочных, насущных и необходимых, но, все же, имея в виду положение Церкви в России и наш долг перед нею, я обращаюсь к Вам с просьбой о поддержке единственного Светоча Православного Знания.

Принося Вам заранее глубокую благодарность, призываю на Вас благословение Божие.

Митрополит Евлогий

[*на полях по фр.*] отправить через Huskard 2000 франков

машинопись, за исключением выделенного курсивом, шифр dea587
(Fondo Demidoff, ASPF)

11 bis

МИТРОПОЛИТ
Православных Русских Церквей
в Западной Европе
MÉTROPOLITE-ARCHEVÊQUE
des Églises Orthodoxes Russes
en Europe Occidentale
12, Rue Daru, Paris

29 декабря 1935 г.

*Ваше Сиятельство,
Глубокоуважаемая Княгиня Мария Павловна!*

Позвольте мне снова обратиться к Вам с горячей просьбой поддержать Вашим пожертвованием существование нашей

единственной духовной школы – Православного Богословского Института.

Мне нет нужды указывать Вам на высокую полезность этого учреждения, чудесно выросшего на чужой земле, давшего нашей Церкви более пятидесяти достойнейших пастырей, продолжающего своей ученой работой славную традицию русской богословской мысли. Я хотел бы только засвидетельствовать, что вся жизнь, как профессоров, так и студентов Института, протекает в условиях действительно нищенских и что усилия, прилагаемые ими для осуществления многообразных и ответственных задач, стоящих перед Институтом, нельзя назвать иначе, как героическими.

В настоящее время Институт переживает особенно трудный период: некоторые источники наших доходов чрезвычайно сократились, и те усилия, которые мы делаем, чтобы восполнить этот недостаток, тонут в общей нужде и бедности. Мы несколько лет не покупаем книг, не производим ремонтов и только стремимся физически просуществовать, то есть прокормить профессоров и студентов.

И, несмотря на это, учебная жизнь Института протекает в высшей степени успешно, новые курсы сменяют окончивших, ученая работа бьет ключом...

Но для того, чтобы это дело продолжалось, необходимы усилия всех, кому дорого духовное просвещение, и я позволяю себе надеяться, что Вы примите во внимание как важность этого дела, так и исключительную тяжесть переживаемого времени, и внесете Ваш щедрый дар в оскудевающую сокровищницу Института, помня, что «доброхотного дателя любит Бог» (II Кор. IX, 7).

*Да благословит Вас Господь.
Глубоко уважающий Вас
Митрополит Евлогий*

[на полях] Отвечено 5/1, 36 [года], что Княгиня ничего не может пожертвовать, т.к. из Италии воспрещено отправлять деньги за границу.

машинопись, за исключением выделенного курсивом, шифр dea2058
(Fondo Demidoff, ASPF)

К письму от 29.12.1935 приложена отпечатанная листовка с древнерусской миниатюрой «Преподобный Сергей строит свою обитель» и текстом, призывающим к сбору пожертвований на Богословский Институт, и с адресом для их высылки: казначею Богословского Института Е. М. Киселевскому, Mr. Kisselevsky, 93, rue de Crimee – Paris 19.

Митрополит Евлогий (Георгиевский) – один из виднейших иерархов Русской Церкви в XX веке, устроитель Архиепископии русских православных церквей в лоне Константинопольского Патриархата с епархиальным центром в Париже, автор мемуаров «Путь моей жизни» (Париж, 1947).

В 1925 г. на подворье, выкупленном по его инициативе русскими эмигрантами, возник Св.-Сергиевский Богословский институт, где преподавали ведущие богословы Русского зарубежья (оо. Сергей Булгаков, Василий Зеньковский, Николай Афанасьев, Иоанн Мейендорф, Александр Шмеман, Георгий Флоровский и многие другие).

12

Князь Н.Д. Жевахов
(Бари)

Principe N.D. Gewakhov
Chiesa Russa, Carrassi
Bari (Italia)

Глубокоуважаемая
Княгиня Мария Павловна,

Не хотел я огорчать Вас недобрыми вестями из Бари, но, с болью сердца, очутившись в положении совершенно безвы-

ходном, вынужден это делать. А.К. Букналл³² оказалась совершенно неспособною ни вести сложное дело управления инвалидным приютом, ни подыскивать средства на его содержание и, в результате, в апреле прошлого года совершенно прекратила квартирные платежи, оставшись должной Барградскому Подворью свыше 10 т. лир. Другой квартирант, занимающий 2-ой и 3-ий этажи здания, не платит с октября прошлого года, и с ним у меня идет судебный процесс. Подворье, лишившись своего единственного дохода, может продержаться только 1-2 месяца. Возникает срочная надобность отыскать добрых людей, которые бы помогли Подворью продержаться, и мне советуют ехать в Милан, где много богатых русских. Но я боюсь ехать на риск, опасаясь затратить деньги на дорогу и, мучаясь в поисках выхода из положения, решаюсь просить Вас, глубокоуважаемая Княгиня Мария Павловна, пожертвовать хотя бы 1 т[тысячу] лир для того, чтобы я мог без ущерба для интересов Подворья съездить в Милан и повидаться там с русскими людьми. Может быть, кто-нибудь из них и откликнется на мои призывы. Очень, очень мне совестно просить Вас об этом и, конечно, я бы никогда этого не сделал, если бы не угроза Подворью, какое я охранять смог, какое обязан охранять, как бы тяжела не была моя миссия. Разрешите мне по пути в Милан заехать к Вам во Флоренцию и доложить Вам обо всем, что у нас делается.

Будьте хранимы Богом и благополучны, и верьте
всегда Вам преданному
Ник. Жевахов
13/26 Января 1927 г.

от руки, шифр 72 (Fondo Demidoff, ASPF)

³² Английская благотворительница А.К. Букналл, иначе Букналь (Bucknall), жившая в Бари, устроила в 1924 году в пустовавшем барийском подворье инвалидный дом для ветеранов Гражданской войны, куда поселила 15 беженцев-инвалидов. По финансовым причинам этот инвалидный дом просуществовал всего три года.

12 bis

Principe N.D. Gewakhow
Chiesa Russa, Carrassi
Bari (Italia)

Милостивый Государь
Федор Матвеевич,

В ответ на Ваше письмо от 6 декабря н.ст., сообщая, что я уже давно слышу здесь, в Бари, о том, что на смену меня явится из Флоренции какой-то новый управляющий Барградским Подворьем, но я никак не мог предполагать, что таким моим заместителем желаете стать Вы, как это, хотя и прикровенно, явствует из Вашего письма. Я не думаю, чтобы мог сказать Вам, что готов передать управление Подворьем «всякому», желающему спасти его, во-первых, потому, что передача управления Подворьем «в те или иные» руки зависит от г<осподина> председателя Православного Палестинского Общества [А.А. Ширинского-Шихматова], а во-вторых, потому, что передача такового управления «всякому, желающему спасти Подворье», явилась бы абсурдом. Говоря с Вами о способах спасения Подворья, я разумел сдачу его в наем каким-либо русским организациям, вроде Красного Креста, Православно-Миссионерского книгоиздательства, учебным заведениям и пр., ссылаясь на то, что сдача в наем Подворья итальянцам сама по себе свидетельствует о равнодушии русских людей к Подворью, могущих его использовать для широких русских нужд. Но, беседуя с Вами на эту тему, я отнюдь не уполномочивал Вас вести переговоры с митрополитом Евлогием, ибо, если бы я желал спасти Подворье с помощью жидовских или масонских средств, то не имел бы нужды прибегать к посредничеству митрополита Евлогия, а обратился бы к тем людям, от которых он получал средства на содержание его организаций. Жидо-масоны давно уже целятся на Подворье, и последнее не испытывало бы никакой нужды, если бы моя совесть и сознание долга перед Россией не препятствовали бы мне не только обращаться к ним за помощью, но даже принимать ее. Но доколе я имею страх Божий,

дотоле Подворье не принимало и не примет никакого пожертвования от этих людей и их единомышленников. И Ваше предложение я объясняю только Вашей полной неосведомленностью ни об источниках средств, находящихся в распоряжении митрополита Евлогия, ни о природе церковной распри, разделившей русских людей на сторонников митрополита Антония и митрополита Евлогия. Возможно, что Подворье накануне гибели, однако же оно предпочтет погибнуть, чем изменить долгу, совести и чести.

Ваше письмо препровождено в Совет Православного Палестинского Общества, и придет час, когда оно обличит Вас.

Уполномоченный Православного Палестинского
Общества в Италии
Кн. Н. Жевахов

Бари, 28 Ноября (11 Декабря) 1928 г.

P.S. Было бы полезнее и для Подворья, и для Вашей души, если бы Вы, бывая в Париже, повидались бы с Председателем Прав. Пал. Общества Князем А.А. Ширинским-Шихматовым, вместо того, чтобы обсуждать судьбы Подворья с митр. Евлогием.

[помета вверху] Пол<учено> 13/12.1928

машинопись, за исключением выделенного курсивом, шифр 78 (Fondo Demidoff, ASPF)

12 tris

Principe N.D. Gewakhow
Chiesa Russa, Carrassi
Bari (Italia)

Глубокоуважаемая Княгиня Мария Павловна,
Сознавая надвигающуюся гибель Барградского Подворья, не имеющего средств даже довести до конца судебный процесс

с большевиками, Ф.М. Галка прислал мне письмо с предложением передать Подворье в управление митрополита Евлогия, ссылаясь при этом, что и Вы находите такую передачу желательной. Это письмо дало мне ключ к разгадке многого для меня необъяснимого. Я знал, что не только большевики, но и жиды, и масоны с их прислужниками давно целятся завладеть Подворьем, но я не знал, чем были вызваны слухи о том, что *из Флоренции* должен явиться какой-то новый управляющий Подворьем, который якобы сменил меня; я не знал и того, почему Вы, так близко принимавшая участие к нуждам Подворья, изменили свое отношение к нему и оставили без ответа и письмо князя А.А. Ширинского-Шихматова, и мою телеграмму о помощи Подворью, посланные Вам в один из самых отчаянных моментов жизни Подворья.

Так как Ф.М. Галка в бытность свою в Бари сказал мне, что не решался даже докладывать Вам моих писем, до того они были тревожны, то я думал, что он не доложил Вам и моей телеграммы, а теперь из его письма я заключаю, что Вы предпочли бы, чтобы Подворье перешло в управление митрополита Евлогия.

Глубокоуважаемая Княгиня, я убежден, что Вас ввели в заблуждение и скрыли от Вас те тонкие интриги, какие на протяжении всех 8 лет моего управления Подворьем допускались злонамеренными людьми с единственной целью – удалить меня из Бари и завладеть Подворьем. Сначала эти люди пробовали подкупить меня, заманивая в разные места якобы за получением крупных пожертвований. Когда это не удалось, они же создали в самих стенах Подворья такие ужасные, кошмарные условия жизни, какие должны были бы заставить меня добровольно покинуть Подворье; когда же и этого они не достигли, тогда стали забрасывать меня всяческой клеветой и грязью с целью подорвать доверие ко мне и в конце концов добиться моего увольнения. Эту последнюю цель они отчасти достигли, ибо несомненно, что недоброжелательство ко мне лично стало отзываться и на уменьшении притока пожертвований. Но ведь дело не во мне, а в той конечной цели, какую преследуют эти люди, желая во что бы то ни стало завладеть Подворьем и сознавая, что для

этого нужно сперва удалить меня отсюда. Быть может даже бес-
сознательно, но орудием в руках этих людей является слабо-
вольный и слабохарактерный митрополит Евлогий, несомнен-
но, попавший в жидо-масонские сети. Митр. Евлогий давно уже
имел в виду завладеть Подворьем и с этой целью даже лично
приезжал в Бари, но, когда ему этого не удалось, тогда он бук-
вально разорил Подворье, *запретив какие-либо пожертвования
и церковные сборы в пользу Подворья, раньше существовавшего
на эти пожертвования.* Разве такое распоряжение достойно пра-
вославного иерарха, коему дорога Барградская святыня русско-
го народа? Разве, разоряя Подворье, митр. Евлогий не знал, что
помогал большевикам овладеть Подворьем, притом в тот самый
момент, когда Подворье вело судебный процесс с ними?! А те-
перь, желая взять Подворье в свое управление, разве митр.
Евлогий не свидетельствует о том, что имеет средства для его
спасения и НЕ ЖЕЛАЕТ их дать Подворью, прежде чем не ов-
ладеет им? Откуда же у него эти средства, если все русское бе-
женство за границу их не имеет, а имеют их только те, кто дал
их митр. Евлогию для его многотысячных организаций – еврей
Гинзбург, неправославное Содружество христианской молоде-
жи³², Дж. Мотт и др. *Но из этого источника Барградское Подво-
рье СВ. НИКОЛАЯ и не приняло бы никаких пожертвований и,
разумеется, предпочло бы погибнуть, но не пошло бы на ком-
промисс с совестью.*

[без даты и подписи]

машинопись (курсивом выделено подчеркивание); шифр 70
(Fondo Demidoff, ASPF)

Князь Николай Давидович Жевахов (Киев 1880 – Закарпатье
1946), один из участников строительства русского подворья в Бари,

³² Имеется в виду ИМКА, YMCA (Young Men Christian Association) – меж-
дународная Ассоциация христианской молодежи, занимающаяся разно-
го рода гуманитарными проектами.

в эмиграции – заведующий подворьем. Во время тяжб вокруг подворья занимал крайне экстремистскую позицию, будучи одержимым идеей жидо-масонского заговора, а в 1937 г. самочинно продал подворье городским властям Бари. См. о нем: Стрижев А. Князь Николай Давидович Жевахов (краткий биографический очерк) // Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода кн. Н. Д. Жевахова. М., 1993. С. 328–331; De Michelis C. Il principe Ževachov e i «Protocolli dei savi di Sion» in Italia // Studi storici, № 37 (3). 1996.

13

о. Сергей Ноаров
(Бари)

24 января ст. стилия

1929 г.

Бари, Italia

*Православный Храм Святителя Николая
Чудотворца в Бар-граде*

Ваше Сиятельство,

боголюбивая и добрая княгиня Мария!

Я, настоятель храма Св. Николая Чуд<отворца> в Бари, обращаюсь к Вашему Сиятельству с усердной просьбой: не откажите во Имя Божие помочь Св. Храму посильной лептой на *ежедневное* Богослужение. Два года с лишком, как я здесь, вспомоществуемый Божиею благодатию, ежедневно совершаю служение и принесение Бескровной Жертвы (поминается и Ваше, добрая княгиня Мария, св. имя и пок<ойного> князя Симеона [Абамелек-Лазарева]), а теперь мне Уполномоч. Прав<ославного> Пал<естинского> О-ва князем Николаем Давидовичем Жеваховым официально отказано давать средства на службу Божию по той причине, что жертв на Храм не поступает, а если и жертвуют, то на Подворье, т.е. на содержание Уполномоченного и служащих в Подворье; жертвы поступающие строго распределяются Уполномоченным так: если жертвователь пишет,

что жертвует на Св. Храм, то сия жертва записывается в книгу Храма, а если пишет лишь на Подворье и не догадывается помянуть Храм, то деньги идут на Подворье. Эти подробности необходимо знать каждому благочестивому почитателю Св. Николая Чуд., чтоб знал, куда направить жертву; и Ваши, добрая княгиня, щедрые жертвы пошли на Подворье, а частью на ведение дела с большевиками, оттягивающими Подворье.

С год уже как я единолично содержу храмовые расходы из моего скудного жалования; бывают и пожертвования, но очень мало и то лишь пред большими праздниками, напр<имер>, День Св. Николая, Рождество Христово и Св. Пасха.

Я познакомил Вас, добрая княгиня Мария, с постановкой дела в Подворье в настоящие тяжелые дни нашего русского бесправия и лишь вновь повторю свою горячую просьбу – помогите Св. Храму на богослужение, а Святитель Божий Николай Чудотворец в долгу не останется – воздаст благами земными и Небесными.

Подходит праздник Сретения Господня (в пятницу 2/15 февр.), а свечей в Храме [нет], если кто-либо добрый не пришлет свою жертву.

Да хранит Вас Господь молитвами Св. Николая Чудотворца.
Ваш усердный Богомолец
греш<ный> Протоиерей Сергей Ноаров

[*помета вверху письма*] По распоряжению Ея Сиятельства 16 февраля 1929 г. отправлено двести лир.

от руки, шифр № dea296 (Fondo Demidoff, ASPF)

Сергей Иванович Ноаров (село Знаменское, Костромская губерния, 1881 – Белград, после 1950) – протоиерей, из духовенства, участник Гражданской войны. После пребывания в Болгарии и Сербии уехал в Италию, где в 1926-1931 гг. служил настоятелем Св.-Николаевской церкви в Бари, затем переселился обратно в Сербию.

14

Ф.М. Галка
(Рим)

Рим, 2 Мая 1929

Глубокоуважаемая Нина Николаевна!

Ее Сиятельство, в свое время, просила Вас побеспокоится, принять на себя заботу по установке памятника на могилу Петра Александровича Пепеляева³⁴, и теперь Княгиня Мария Павловна поручила мне просить Вас не отказать сообщить Княгине, в каком положении этот вопрос, то есть уже удалось установить памятник на могилу Петра Александровича или пока нет еще.

Пользуясь случаем, жена и я просим Вас принять чувства нашего сердечного соболезнования в постигшем Вас тяжком горе – потери незабвенного Генерала Николая Федоровича.

Царствие Небесное Его Высокопревосходительству!

Не откажите также принять от жены и от меня поздравления с Светлым Праздником Рождества Христова с самыми наилучшими душевными пожеланиями.

С глубоким уважением и неизменной преданностью.

Подпись (Ф. Галка)

черновик от руки, шифр dea383 (Fondo Demidoff, ASPF); в верхнем правом углу листа – монограмма князя С.С. Абамелек-Лазарева с адресом его римской виллы.

Письмо от секретаря княгини к Н.Н. Ивановой-Луцевинной в Ниццу на Villa Aimè (rue 4 de Cessole). Сохранился и благодарственный ответ, шифр dea405 (Fondo Demidoff, ASPF), а также два других ее письма: от 6 февраля 1935 г. (шифр 97), где Н.Н. Иванова-

³⁴ П.А. Пепеляев (†1927) — потомственный почетный гражданин г. Одессы, являлся душеприказчиком князя С.С. Абамелек-Лазарева; княгиня Мария Павловна, оспорив его действия, вела против Пепеляева многолетний судебный процесс.

Луцевина сообщает, что им из-за отсутствия средств приходится съезжать с Villa Aimi, и от 20 ноября 1946 г., где она пишет о повреждениях надгробия П.А. Пепеляева на кладбище Кокад.

15

О.А. Белосельская
(Ленинград)

4 мая 1929 г.

Дорогая Моина!

Месяц тому назад писала тебе, прося помочь материально, так как нахожусь в крайне бедственном положении. Думаю, что ты не получила мое письмо и поэтому решила еще раз побеспокоить своей просьбой.

Я занимаюсь с маленьким мальчиком 8 лет. Бываю у него четыре часа, получаю 15 рублей в месяц и мне дают обед. Конечно, на эти деньги я не могу одеваться и поэтому хожу страшно ободранная. У меня всего одна юбка и две блузки. Сапоги совсем дырявые, а мне с мальчиком нужно каждый день гулять.

Кроме того, очень себя плохо чувствую. Постоянно болит голова, и всегда чувствую усталость. С 1 июня у меня урока не будет, так как мой ученик уезжает на дачу, и меня очень волнует, как я буду жить. Извини, что я тебя беспокою своей просьбой. Зная твое доброе сердце, я очень надеюсь, что ты мне не откажешь помочь материально.

Целую тебя крепко.

Ольга.

Мой адрес: Ленинград

14-ое почтовое отделение

Манежный переулок № 17, кв. 17

Ольге Александровне Белосельской

[надпись сверху красным карандашом]

Mme Olga Beloselsky.

Leningrad
Manejnyi Pereulok, 17, Kw. 17.

от руки, по старой орфографии, шифр № dea314 (Fondo Demidoff, ASPF)

16

Н.Х. Флерова
(Давос-Плац)

Parksanatorium
Davos-Platz
[Швейцария]

20 марта 1929 г.

Глубокоуважаемый
Федор Матвеевич,

Не писала Вам больше про картину, т.к. до сих пор ничего путного не могла добиться: знаю одно, что картина мне не возвращена.

По приезде жены госп. Муратова³⁵ в Риме не могла узнать ее адреса; когда узнали, она была на Капри... и только недавно могли вручить ей письмо, в котором я просила передать картину доверенному человеку. Мне сообщили, что она была очень сконфужена, уверяла, что картину вернут, что она не привезла ее с собой и что в тот же день она мне написала бы письмо. Письма я не получила до сих пор, и, вероятно, она ждет надлежащих инструкций от мужа. «Говорят», будто он заложил картину или продал, но я после его последнего письма, обидного, в котором он сообщает, что картина не продана, что ею никто не интересовался и что даже 500 франков за нее не предлагают, хочу картину обратно. Я нуждаюсь, но не могу позволить, чтобы хамили.

Не знаю, как лучше поступить: вероятно, с 20 апреля по 20 мая я поеду отдохнуть домой³⁶ и постараюсь за это время сгово-

³⁵ Екатерина Сергеевна, урожденная Урениус († 1965), в первом браке супруга литератора Бориса Александровича Грифцова.

³⁶ Н.Х. Флерова проживала постоянно в Риме, но периодически работала в швейцарском санатории компаньонкой некой больной дамы.

риться с женой, она правдивый человек. Если ничего не удастся, позвольте Вас потревожить снова. Так обидно! Г-н Муратов перебрался в Лондон, «говорят», в каком-то издательстве и хорошо устроился.

Я еще в Давосе, но измучилась и соскучилась: моей больной много лучше <...>.

[***]

Глубокоуважаемый Федор Матвеевич, относил первое письмо на почту, когда мне вручили письмо г-жи Муратовой с вложенным письмом ее мужа ко мне и другим деловым, которые я списываю:

20 декабря 1928 г. Мног<оуважаемая> Н[аталья] Х[ристоворвна], мне, к сожалению, не удалось получить Вашу картину и отправить ее Вам от Кат[ерины] Серг[еевны]. Чтобы Вам было ясно, как обстоит дело, я прошу Кат. Сер. показать Вам письмо ко мне А.А. Половцева, где говорится о Вашей картине. Вы увидите из него, что картина Ваша не продана и в продажу вообще не поступала. Но А.А. Половцев не желает выдать ее мне до тех пор, пока ему не будет уплачена сумма за перевозку других картин, отправленных вместе с Вашей картиной. Картины эти принадлежат моему бывшему компаньону г. Бобер... (не разобратъ – *помета Н. Флеровой*), который отказывается, в свою очередь, платить за перевозку А.А. Половцеву до тех пор, пока не продаст свои картины. Получается пока очень неприятное для меня положение: я не могу получить и выслать Вашу картину до того, пока не будет произведен расчет за пересылку других картин, посланных вместе с Вашей. Я категорически объяснялся с г. Боб..., который обещает мне произвести уплату в ближайшие два месяца. Вы понимаете, с другой стороны, что я не могу уплатить счет по порядочной сумме за перевозку, чтобы освободить Вашу картину, которая, к тому же, не стоит более 1–1,5 тыс. фр. Очень жаль, что Вы поверили всяким нелепым слухам и отказались от < предложения > Вашего прежнего хозяина продать картину за тысячу лир. Эту сумму я мог бы как-нибудь уплатить

Вам из своих средств, чтобы соблюсти свои обещания. Но теперь, раз Вы высказываете известное подозрение, я не могу этого сделать и предполагаю вернуть Вам злосчастную картину, хотя и уверен, что Вы не будете в состоянии продать ее в Италии даже за тысячу лир. Остается только ждать. Я, со своей стороны, приму все меры, чтобы ускорить дело, и могу Вас формально заверить, что Ваша картина будет храниться у Половцева, в продажу не поступит и, как только освободится, будет получена мною и Вам выслана.

(подпись)

Polovtsoff – 154 Boul.rd Haussmann – tél: Carnot 41-39. Paris.
20 дек. 1928.

Многоуважаемый Пав. Павл. [Муратов] – две картины: одна – копия с Тициана, а другая, изображающая дуб и приписываемая Сав. Рессо, были получены А.А. Половцевым и выкуплены с таможни вместе с другими картинами, высланными ему Вами из Италии в 1927 г. Они с тех пор хранятся у А.А. Половцева и в продажу не поступали. За выкуп этих картин из таможни А.А. Половцевым было уплачено 5.300 фр. и, кроме того, подлежит уплате французской казне 12-ти процентный сбор со всех полученных тогда картин. Уплата эта – за ответственностью А.А. Половцева, но ему не удалось проследить, была ли она произведена по тем картинам, которые были увезены от него. Поэтому лишь по уплате А.А. Половцеву означенной суммы в 5.300 фр., упомянутые две картины будут им выданы Вам. Прошу Вас, мн.... и подпись, Петров.

Как Вы видите, дела обстоят печально: я же и виновата во всем; но второе письмо точно написано «исключительно» для меня. Не знаете ли, подписавшийся «Петров» не бывший секретарь посольства в Риме? Тот папу знал и любил, и, может быть, помог бы? С женой Мур<атова> у меня хорошие отношения и я постараюсь еще что-нибудь узнать.

Примите мой сердечный привет и благодарность.

Н. Флерова

[*вверху письма перевернутой строкой*] Адрес Мур<атова>:
42 rue Barbet de Jouij – Paris – 7me.

два письма к Ф.М. Галке в одном конверте, от руки, шифр №№ 329 и 329 bis (Fondo Demidoff, ASPF)

Наталья Христофоровна Флерова (Рим 4.10.1883 – Рим 2.1.1948) – дочь протоиерея Христофора Флерова (Тверь 6.6.1846 – Рим 23.2.1927), второго священника русской церкви в Риме, командированного в Италию Св. Синодом в 1874 г. в сане диакона. На его могиле, на кладбище Тестаччо, плита с надписью: «Сия плита сооружена княгиней Марией Павловной Абамелек-Лазаревой своему любимому духовнику».

Эпизод, рассказанный в письме, свидетельствует о малоудачной карьере в качестве торговца картинами знаменитого искусствоведа Павла Павловича Муратова. В середине 1920-х гг. Муратов, находясь в Италии, основал совместно с Боберманом, тестем художника Григория Шильдяна, антикварную фирму, задачей которой был поиск произведений искусства в Италии и их сбыт в Париже. Шильдян рассказывает в своей автобиографии, что Боберман имел трения с Муратовым, и фирма, недолго просуществовав, закрылась (см. *Sciltian G. Mia avventura. Milano: Rizzoli, 1963*)³⁷.

17

А.П. Марков
(Рим)

8 июня 1931
Roma via d. Colon[n]ette
№ 27. Circolo Russo.
Alessandro Marcoff

Ваше Сиятельство!

Среди множества письменных обращений, которыми часто беспокоят Вас русские эмигранты, есть некоторые настолько

³⁷ Об этом занятии Муратова сообщает искусствовед И.Э. Грабарь в своем письме из Кёльна от 28 октября 1929 г.: «Муратов тоже на службе у сегодняшнего антиквара: ездит и покупает для него картины итальянцев. Сейчас он его командировал в Лондон на 4 месяца. Там делает самые интересные покупки. Немного он книжками заработал, только недавно выпустил книгу “Византийское искусство”» (*Грабарь И.Э. Письма 1917–1941. М., 1977. С. 200*).

обоснованные, что, быть может, Вам угодно будет обратиться и на этот раз Ваше благосклонное внимание.

Не будет преувеличением, что и в Италии всем известно, что Вам, многоуважаемая княгиня, подобно славным Вашим предкам, угодно уделять много времени и средств филантропической деятельности, что и снискало Вам восторженную благодарность многих обездоленных и глубокое уважение властей!

И посему настоящим обращением решаюсь просить Вашего внимания: я бывший гусарский офицер, инвалид нашей Гражданской войны, воспитанник Николаевского кавалер<ийского> училища и в свое время сделал все, что от меня зависело в защиту нашей великой родины. На чужбине среди отрицательных общих условий жизни невероятными усилиями воли мне удалось окончить драматическую и балетную школы, равно как музыкальный курс по классу пения.

На сценах больших европейских центров я составил себе имя как «la vedet[t]e [звезда (*фр.*)]» и в течение десятка лет изъездил Европу, поддерживая репутацию русского художественного театра.

Наступивший общий экономический кризис в Италии отразился более всего на театральном деле, и масса артистов даже очень большого калибра заставлена оставить Италию в поисках новых рынков, лучшим из которых является Америка. Переезд в Америку для меня сейчас невыполним, тогда как поездка в Польшу и прибалтийские государства безусловно дадут мне возможность собрать средства для того, чтобы в ближайшем будущем поехать в Америку. К тому же в Польше при личном моем присутствии мне удастся получить часть причитающегося мне наследства.

Здесь, в Риме, 3 года тому назад я выступал со своими концертами в Русском Собрании³⁸ в пользу русских беженцев без-

³⁸ Русское Собрание в Риме, учрежденное в 1920-х гг. под председательством князя С.Г. Романовского, герцога Лейхтенбергского, размещалось в здании-ателье Антонио Кановы на виа делле Колонnette № 27. Собрание содержало дешевую столовую, организовывало бесплатные врачебные консультации, лекции, концерты. В 1969 г. историческое здание было поставлено на ремонт, а Русское Собрание преобразовано в Ассоциацию им. Тоголя, позднее распущенную.

возмездно и, будучи артистом Римского Королевского театра, два раза имел честь выступать на дому у Великого князя Андрея Владимировича³⁹, равно как неоднократно выступал всегда безвозмездно у многих известных любителей русского искусства в лучших аристократических домах в Риме (кн. Волконские, бар. Гревениц, кн. Русполи, кн. Юсупов и др.).

За 13 лет я никогда не беспокоил русские общественные организации, наоборот, моя деятельность была направлена на их поддержку. Сегодня эти организации не имеют средств на оплату дороги и расходов по паспорту и визам и поэтому, по совету русских, знающих Вашу отзывчивость, я решился беспокоить Вас просьбой о ссуде. <...>

Заранее горячо признательный за все то, что Вам будет угодно сделать для меня, прошу верить в чувство моего глубочайшего уважения.

Александр Петрович
Марков

P.S. При сем решаюсь приложить осведомительный материал.

от руки, шифр dea1152 (Fondo Demidoff, ASPF), на листе с грифом: LES-MARKOFF FANTAISISTE RUSSE. Приложение (фотография и афиша) были возвращены корреспонденту, согласно помете сверху письма от 26.06.1931.

А.П. Марков выступал как артист-«фантазер» под именем Лемаркофф. В его амплу входило пение (тенор), виртуозная игра на балалайке, народные танцы. Артист сотрудничал с Королевским театром в Белграде, Королевским Оперным театром в Риме, с частной антрепризой «Masques Russes» [Русские маски].

³⁹ Великий князь Андрей Владимирович (1879–1956). Генерал-майор русской армии, внук Александра II. С 1919 г. — в эмиграции, где в 1921 году женился на известной русской балерине Матильде Кшесинской.

18

Сергей ?
(Москва)

20/8 31 г.

Дорогая Тетя!

Меня крайне удивило, что Вы, как сообщили мне от Кати, ничего не имеете от мамы и сестры, несмотря на то, что я лично переслал оба письма Вам к Вашему дню. В письмах подробно описано, что каждая делает.

Сестра моя находится все там же и работала летом на уборке сначала сена, а потом хлеба. Пишет, что работа эта ей мало знакома и непривычна, и она первое время очень уставала. Думаю, что теперь у нее скоро будет пора уборки корнеплодов. На работе она получает обед и очень скудное содержание.

Конечно, работает она не потому, что ей не хватает того, что я ей посылаю. Мама же работает сестрой милосердия, ну, мама – это совсем другое дело. Мама – фанатик своего дела, она им живет, это ее успокаивает, поднимает ее нервы. Пошла она работать сама, не в силах справиться со своим одиночеством, со своими мыслями. В основном одна – все безнадежно там, также и переезд ее что-то не предвидится. Заминка получилась тогда, когда она захотела ехать к сестре (моей).

Работает мама сейчас без выходных дней, т.е. 30 дней в месяц без дней отдыха, получая 1^{1/2} жалованья, что составляет 60 рублей. Несмотря на то, что у нас, вследствие крайней нужды в людях, обратное явление безработицы, все рабочие и служащие закреплены за учреждениями и предприятиями, ей предоставлено право покинуть работу тогда, когда она того пожелает, и, таким образом, это не может послужить задержкой к ее переезду.

Ввиду того, что продовольственные продукты в связи с близостью деревни у мамы дешевле, она посылает сестре посылки.

Брат мой сейчас находится на работе по своей зоологической специальности где-то вне Московского округа в лесу, где именно нужно, так как работа его сопряжена с переездами и пребывани-

ем зачастую вдали от населенных пунктов. К сентябрю он должен быть дома, так как предстоит его призыв в Красную Армию.

Надеюсь, что за это лето, которое у нас было хорошим, Вы подлечились и теперь чувствуете себя хорошо.

Поверьте, что я сделал все от меня зависящее, чтобы оба письма попали к Вам, но почта у нас часто недостаточно четко работает.

Целую Ваши ручки и благодарю за все-все.
Ваш племянник Сергей.

Очень был рад коротенькому сообщению о получении Вами письма.

от руки, шифр dea1242 (Fondo Demidoff, ASPF)

19

о. Иоанн Турский
(Салоники)

Ея Сиятельству,
Княгине Марии Павловне
Абамелек-Лазаревой

Ваше Сиятельство,
Княгиня Мария Павловна.

Имею честь сообщить Вашему Сиятельству в ответ на уважаемое письмо Ваше от 16 с<его> марта, что полковник Н.Л. Офросимов проживает в г. Салониках, в русском лагере с 4 декабря 1920 года⁴⁰. Работает в качестве чернорабочего-маляра на стройках в г. Салониках. Имеет семью (две дочери), находящуюся в России. Материальное положение – лишь заработок.

⁴⁰ Первые русские беженцы стали прибывать в Салоники с 1920 г. Для их размещения были выделены (сданы за низкую цену) бараки бывшего военного лагеря Антанты в городском районе Харилау. Место это стали называть «русским лагерем», и те эмигранты, которые не смогли приобрести более достойное жилье, оставались жить в этих бараках вплоть до 1960-х гг. Один из барачников русского лагеря был перестроен усилиями эмигрантов (при покровительстве автора письма) в церковь, сохранившуюся до сих пор.

При императорском правительстве в России состоял до 27 февраля 1917 года в распоряжении Председателя Совета Министров. Во время Гражданской войны служил в армии Генерала Врангеля, с какой и эвакуирован за границу.

Пользуясь настоящим случаем, почтительнейше прошу Вас принять уверения в моем искреннем и глубоком к Вам уважении и преданности.

Протоиерей И. Турский.

г. Салоники.
24 марта 1931 года.

от руки, шифр dea1057 (Fondo Demidoff, ASPF)

Священник Иоанн Николаевич Турский (с. Волковцы Роменского уезда Полтавской губ. ? – Афины 1956) – строитель русской церкви Святых Николая Чудотворца и Димитрия Солунского в Салониках (освящена в 1930 г.), первоначально служил при домово́й церкви Св. Димитрия Солунского при Русской лечебнице.

В Fondo Demidoff хранится второе письмо от о. Иоанна Турского из Салоник от 1 марта 1931 г. (шифр dea1038), где сообщается о получении от княгини 4.000 драхм в пользу русско-православной церкви в Салониках и о принятии обязанности ежегодно, 9 августа и 24 апреля, проводить панихиды на могиле «дяди, действительно-го тайного советника, сенатора, члена Государственного Совета Владимира Николаевича Охотникова».

20

И. Суханов
(Рим)

Рим,
2.VII.1931

Ваше Сиятельство,
Многоуважаемая Княгиня,

С крайним смущением беру на себя смелость беспокоить Вас настоящей просьбою, за которую прошу меня великодушно простить.

Князь Павел Павлович Демидов (*третий слева*) в окружении своих детей и их гувернеров. Дети князя (*слева направо*): Анатолий (р.1874), Елим (р.1868), Аврора (р.1873), Мария (р.1877).
Праголино. Фотография начала 1880-х гг.

Вилла Демидовых в Праголино, бывшая при Медичи Пажеским корпусом.
Архитектор Бернардо Буонталенти. Современная фотография

Парк Пратолино. Скульптура «Зевс».
Фотография конца XX в.

«Грот Муньоне» Джамболони, водруженный Демидовыми
в парке Пратолино.
Фотография. Из книги: «Pratolino tra passato e presente». Флоренция, 1999 г.

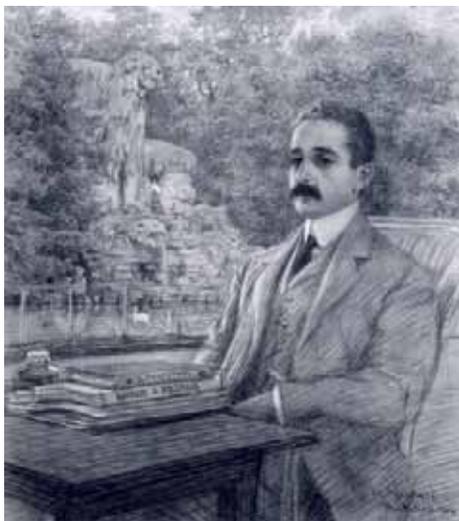

«Апеннино» – аллегория Апеннинского полуострова в парке Пратолино. Скульптор Джамболонья, 1597 г. Реставрирован на средства М.П. Демидовой-Абамелек-Лазаревой. Фотография, 1900 г.

Княгиня Мария Павловна Демидова — Абамелек-Лазарева.
Фотография 1898 г.(?). Собрание А. Тиссо-Демидова (Лондон)

Князь Семен Семенович
Абамелек-Лазарев.
Карандашный рисунок
А. Микели. Пратолино, 1904 г.
Публикуется впервые.
Собрание А. Тиссо-Демидова
(Лондон)

Княгиня Мария Павловна Абамелек-Лазарева (в центре)
среди своих служащих. Пратолино. 31 августа 1913 г.
Фотография. Из архива Дж. Вальдрэ (Флоренция)

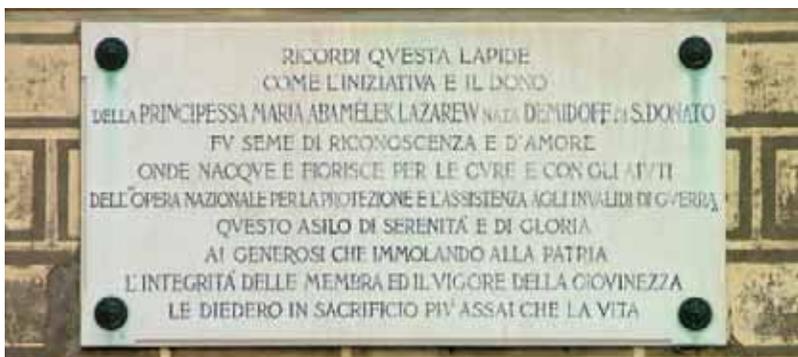
*П. Каноника. Скульптурный портрет княгини Марии Павловны
Абамелек-Лазаревой. Рим, 1904 г.
Экспонируется во Дворце Конгрессов г. Стреза.
Фотография М. Сосницкой*

Мария Павловна Демидова княжна Сан-Донато.
Фотография. Собрание А. Тиссо-Демидова (Лондон)

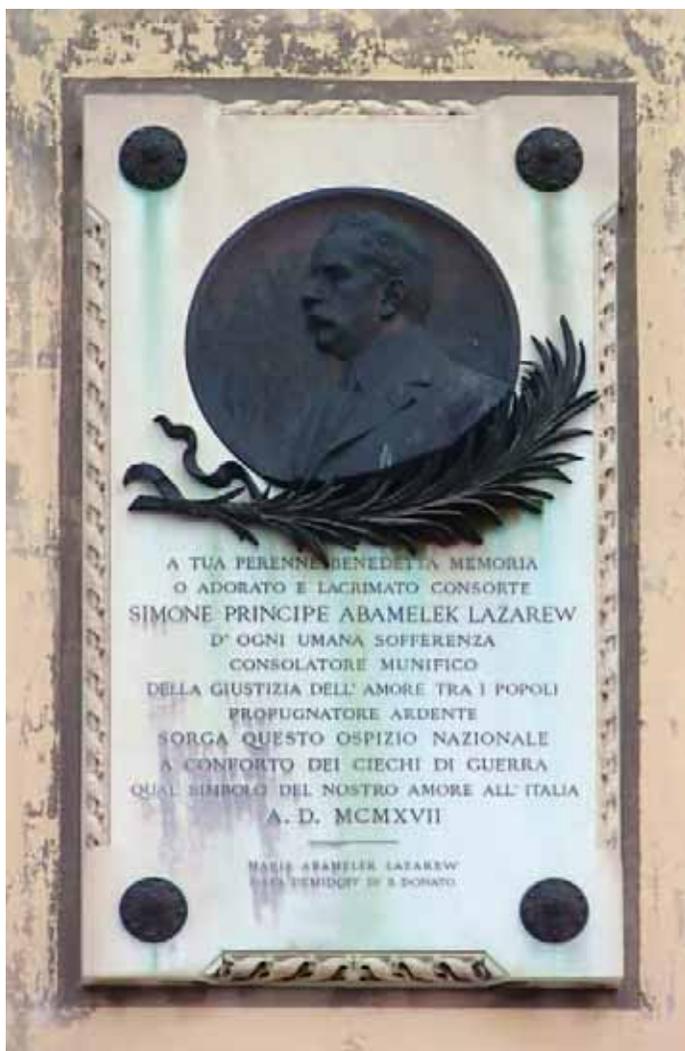
Здание Национального инвалидного дома имени князя С.С. Абамелек-Лазарева, учрежденного княгиней М.П. Демидовой – Абамелек-Лазаревой в Галуццо для ветеранов первой мировой войны. *Фотография Энрико Сестини (2001 г.)*

Памятная доска на стене Национального инвалидного дома имени князя С.С. Абамелек-Лазарева. *Фотография Энрико Сестини (2001 г.)*

Текст на доске:

«ПУСТЬ ЭТА ДОСКА НАПОМИНАЕТ / КАК ИНИЦИАТИВА И ДАР / КНЯГИНИ МАРИИ АБАМЕЛЕК-ЛАЗАРЕВОЙ, УРОЖДЕННОЙ ДЕМИДОВОЙ САН-ДОНАТО / ПОСЕЯЛА ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ И ЛЮБОВЬ / РОДИВШУЮ И РАСЦВЕТШУЮ ЗАБОТОЮ И ПОМОЩЬЮ / НАЦИОНАЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ДЛЯ ЗАЩИТЫ И ПОМОЩИ ИНВАЛИДАМ ВОЙНЫ / ЭТОТ ПРИЮТ ПОКОЯ И СЛАВЫ / ДЛЯ ТЕХ ЩЕДРЫХ, ЧТО ОТДАЛИ РОДИНЕ / СВОЕ ЗДОРОВЬЕ И БОДРОСТЬ ЮНОСТИ / ПОЖЕРТВОВАВ ЕЙ НЕ МЕНЬШЕ, ЧЕМ САМА ЖИЗНЬ»

Памятная доска в честь князя С.С. Абамелек-Лазарева, установленная княгиней Марией Павловной на стене Национального Инвалидного дома в 1917 г. Фотография 2001 г.

Текст на доске:

«ТВОЕЙ НЕЗАБВЕННОЙ И БЛАГОСЛОВЕННОЙ ПАМЯТИ /
О, ОБОЖАЕМЫЙ И ОПЛАКИВАЕМЫЙ СУПРУГ / КНЯЗЬ СЕМЕН
АБАМЕЛЕК-ЛАЗАРЕВ / ЛЮБОМУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ СТРАДАНИЮ /
ЩЕДРЫЙ УТЕШИТЕЛЬ / ПЫЛКИЙ БОРЕЦ / ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ
И ЛЮБОВЬ МЕЖДУ НАРОДАМИ / ПУСТЬ ВОЗНИКНЕТ ЭТОТ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРИЮТ / ДЛЯ ПОМОЩИ СЛЕПЫМ ВЕТЕРАНАМ /
КАК СИМВОЛ НАШЕЙ ЛЮБВИ К ИТАЛИИ / 1917 / МАРИЯ АБАМЕЛЕК-
ЛАЗАРЕВА / УРОЖДЕННАЯ ДЕМИДОВА САН-ДОНАТО»

Cens. 1936 - Sez. h-F. 73
SCHEDA INDIVIDUALE 98

Cartella Foglio

Cognome Demidoff di S. Donato
 Nome Ona Maria Paulovna Sesso F
 figlia di Princ. Demidoff di S. Donato Paolo Paulovic
 e della fr. Trubetskoi Elena Petrovna
 nata a Firenze
 il 22 gennaio (vecchio stile) / 4 febbraio (nuovo stile) } 1877 (atto n. 304)
 P.I. S...

Stato civile: Vedova

Nome del coniuge	Data matrim.	Vedova dal
<u>Principi Simeonovitch Abamelek Lazarev</u>		
<u>Simeonovitch Abamelek Lazarev</u>		<u>19. 9. 1916</u>

Professione o condizione: liberista

ABITAZIONI

1. Pratolino - Parco - Cens. 1936 n. 69
2. _____
3. _____
4. _____

Индивидуальная карточка переписи 1936 года
 (архив муниципалитета Вальи).

Текст документа (перевод с итал. М.Г. Талалая):

«**Фамилия:** Демидовф ди Сан-Донато. **Имя:** княгиня Мария Павловна. **Пол:** ж.
Родители: покойный князь Демидовф ди Сан-Донато Пауло Паулович
 и покойная Трубетцкая Елена Петровна. **Родилась:** Флоренция. 22 января (старый
 стиль), 4 февраля 1877, акт № 307. **Семейное положение:** вдова.
Имя супруга: князь Симоне Симеонович Абамелек-Лазарев. **Вдова с:** 19.9.1916.
Профессия или положение: обеспеченная. **Проживание:** Пратолино-парк. № 69.
Образование: высшее филологическое. **Дата первой переписи:** 1.7.1925.
 Выписана за смертью: 21 июля 1955»

L'anno millesettecentocinquantesimo del mese di luglio alle ore sedici e minuti quindici nella Casa Comunale.

Avanti di me Giglio Rovini, applicato ed Ufficiale dello Stato Civile del Comune di Valgia (1) delegato dal sindaco

(2) E' comparso Sardani Oreste di fu Pasquale di anni cinquantadue (2) impiegato residente in Firenze

(*)

I quali, alla presenza dei testimoni Baldi Luigi di fu Tommaso di anni quarantotto (3) guardia comunale residente in Valgia o Bacci Vanda di fu Gino di anni quarantatré (3) camerlinga residente in Valgia mi ha dichiarato quanto segue:

Il giorno ventesimo del mese di luglio dell'anno millesettecentocinquantesimo alle ore sei e minuti tre nella casa posta in Pratolino, Parco Demidoff, Numero 69 è morta

(4) Maria Demidoff di S. Donato dell'età di (5) cinque settantotto (6) residente in Valgia

(3) venutante che era nat. a in Firenze

da (7) fu Paolo (3) residente in _____ e da (8) fu Tranckhkoj Elena (3) residente in _____ e che era (9) vedova

(3) Simone Avamello Lazarevi

(10) Il presente atto viene letto agli intervenuti, i quali tutti, insieme con me, lo sottoscrivono:

Sardani Oreste Baldi Luigi Bacci Vanda

L'UFFICIALE DI STATO CIVILE
Giglio Rovini

Свидетельство о смерти Марии Павловны Демидовой (архив муниципалитета Вальи)

Текст документа (перевод с итал. М.Г. Талалая):

«В 1955 год 21 июля в 16 часов 15 минут в ратуше передо мною Джильо Ровини, государственным чиновником муниципалитета Вальи, уполномоченного мэра, явился Сардани Оreste, сын покойного Паскуале, 52 лет, служащий, житель Флоренции, который в присутствии свидетелей Луджи Бальди, сына покойного Томмазо, 48 лет, коммунального охранника, жителя Вальи, и Баччи Ванды, дочери покойного Джино, домохозяйки, жительницы Вальи, заявив: 21 июля 1955 года в 6 часов и 30 минут в доме Пратолино, Парк Демидовф, № 69, скончалась Мария Демидовф ди Сан-Донато, 78 лет, жительница Вальи, обеспеченная, родившаяся во Флоренции, дочь покойного Пауло и покойной Элены Трубецкой, вдова Симоне Абамелек-Лазарева [подписи]»

Принц Павел Карагеоргиевич (Югославский) с женой, греческой принцессой Ольгой, и ее матерью, великой княгиней Еленой Владимировной, внучкой императора Александра II.

Свадебная фотография, Белград, 1923 г.

На свадьбе Павла Карагеоргиевича с принцессой Ольгой присутствовала и М.П. Демидова – Абамелек-Лазарева.

На групповом снимке гостей она стоит рядом с королем Сербии Александром и королем Румынии Фердинандом.

SOTHEBY'S

of London s.r.l.

Catalogo dell'Arredamento della
VILLA DEMIDOFF
PRATOLINO presso **FIRENZE**
Venduto per Ordine di
S.A.R. IL PRINCIPE PAOLO
di **JUGOSLAVIA**

19, 22, 23 e 24 Aprile 1969
Catalogo in Italiano e Inglese
Catalogue in Italian and English

Обложка каталога Аукционного дома Сотби по распродаже произведений искусства и имущества виллы Пратолينو.
Лондон, 1969 г.

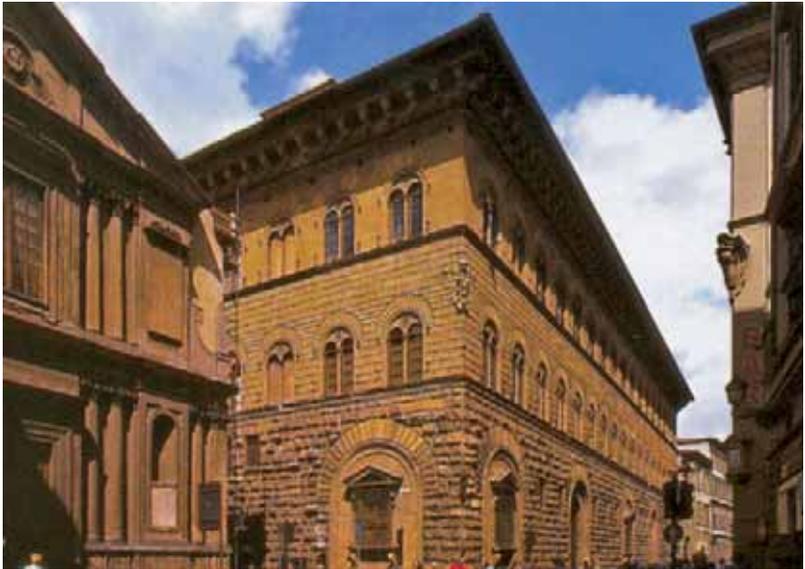
Вверху: вид коридора на вилле Праголино при жизни княгини Марии Павловны Демидовой – Абамелек-Лазаревой.

Внизу: вид того же коридора после аукционных торгов 1969 г. и реставрации виллы Провинцией Флоренции.
Фотографии 1955 и 2004 гг. Собрание А. Жербера-Демидова (Юзес, Франция)

*Вверху: салон на вилле Пратолино, как он выглядел до аукциона 1969 г.
Внизу: конференц-зал, созданный в салоне Провинции Флоренции
после покупки виллы и ее реставрации. Ныне здесь проводятся разного
рода культурные мероприятия.
Фотографии 1955 и 2004 гг. Собрание А. Жербера-Демидова
(Юзес, Франция)*

Флоренция. Палаццо Медичи-Риккарди. Здесь находится Исторический архив Провинции Флоренции, где хранятся письма и документы из архива княгини М.П. Демидовой – Абамелек-Лазаревой.

Я – русский, бывший офицер армии адм<ирала> Колчака. Принимал участие в борьбе с большевиками с самого начала белого сибирского движения до последнего момента его конца. Подвергался неоднократным тогда смертельным опасностям. Был ранен и контужен в голову, от чего еще до сих пор страдаю припадками страшной головной боли. В то время, как и многим соратникам, удалось выехать за границу, где, несмотря на мой вышесказанный недуг, всегда шел навстречу всякому труду, хотя бы и очень тяжелому. Так, например, в течение трех с лишним лет служил на судах английского флота в качестве кочегара и машиниста. Судьбой заброшенный в Италию 8 лет тому назад, не обращался ни к кому за помощью – сам устроился. Семь лет непрерывно служил шофером в одной американской семье. Никогда не стеснялся никакого честного труда, вследствие чего никогда не обращался как к частным лицам, так и к благотворительным организациям за помощью. Но теперь, ввиду переезда моих бывших хозяев-американцев в Америку, я остался без места и в течение 8 месяцев не смог нигде в Италии устроиться. Пришлось искать каких-либо возможностей в других странах. Так, путем переписки с русскими друзьями во Франции, мне удалось получить одно место в Париже, для которого требуется срочный выезд туда. <...>

Зная о Вашей глубокой гуманности и щедрости, решился прибегнуть к Вам с моей просьбой в оказании мне помощи или субсидии в 500 лир. Эта сумма даст мне возможность взять билет до Парижа и первое время прожить там. Работая в Париже, я смогу выплатить мой долг вместе с содержанием моей жены и маленькой дочери, остающихся в Риме. <...>

Прошу принять уверения в глубочайшем уважении и совершенной преданности,

Иван Суханов.

Ivan Soukhanoff
via Adda, 109 A
Roma

от руки, шифр dea1185 (Fondo Demidoff, ASPF)

21

Д. Наричцано
(Флоренция)

7 Luglio 1931
Anno IX
[7 июля 1931 г.,
9-й г. (фашистской эры)]
via dello Statuto, 8
Firenze

Княгиня,

я извиняюсь перед Вами за это мое письмо, но графиня Трианжи [Trianzi] мне посоветовала обратиться к Вам, так как в настоящее время не может прийти мне на помощь, имея мужа, дочь и сына серьезно больными. Я же не имею материальной возможности прийти к Вам лично.

В 1920 году русские большевики заняли Баку, где мой отец имел нефтяные промыслы, расстреляли его вместе с двумя братьями, офицерами в Николаевском Кавалерийском полку. Мать моя, урожденная княгиня Мария Радзивилл, умерла с горя. Осталась я одна и должна была бежать из Баку по дагестанским горам. Все и всех потеряла... Теперь живу, давая уроки французского языка; в 40 лет я взяла диплом в университете Гренобля.

Три месяца тому назад я заболела, так как у меня ангина пекторис, и потеряла все уроки. В настоящее время я без средств и не знаю, как проживу эти месяцы, так как работы нет никакой.

Священник Дон Мартини хотел поехать со мной в эти месяцы в Сан-Ремо, чтобы просить помощи у далеких родственников моего покойного мужа, которых я не знаю, так как они только два года назад возвратились из Англии в Италию. Но он заболел, как видите из прилагаемых писем, и приедет только в конце августа.

Прошу Вас, княгиня, будьте доброй и помогите мне. Могу Вас уверить, что я, когда заработаю, возвращу Вам.

Я уже много дней как не живу, т.е. не могу даже купить кусок хлеба, но мне так стыдно сказать это.

Если возможно увидеть Вас лично, напишите мне.

Надеюсь на Вашу доброту и благодарю Вас за нее от всего сердца.

Уважающая Вас
Диана Наризцано
(Diana Narizzano)
урожд. Калениченко

Надпись сверху письма рукой Ф.М. Галки:

Два письма священника Martini возвращены 10/7 1931 (Письма священника Martini были от 5/6 и 17/6 1931).

от руки, шифр dea1190 (Fondo Demidoff, ASPF)

22

П. Кромалицкий
(Рим)

20 Ноября 1931
Рим, v. Paolo-Emilio
№ 57, Int. 11,
Pietro Kro-Malitzky

Многоуважаемая Княгиня!

Да будет мне прощена моя смелость беспокоить Вас настоящим письмом. Несколько лет тому назад (1926) Вам угодно было оказать мне знаки Вашего внимания, как к полному инвалиду, израненному в боях, добровольцу Великой войны и Георгиевскому кавалеру, к тому же оба моих брата убиты в сражениях. Таким образом, мы со своей стороны сделали все, что нужно было сделать для защиты родины! Вот почему я надеюсь, что мне не будет отказано в поддержке материальной в эти годы тяжелой борьбы за существование. Лишенный правой руки и левой ноги и к тому же израненный, я, действительно, полный инвалид и влachu существование, о котором другим трудно себе дать представление!

Русский Союз инвалидов два раза оказался в коммерческом деле (Bar – Porta Pia) разоренным, не может выбраться из банкротства и не платит мне вот уж второй месяц ничего. Красный Крест оказался тоже без средств и отказался платить за скудный обед, выдаваемый группе около 20 человек, в том числе и мне.

Не хватает на хлеб тому, кто в свое время готов был отдать жизнь молодую свою! Мечты стать художником обращаются в дым, так как нет средств на краски; я не могу посещать Римскую Академию Художеств именно за недостатком красок.

Положение создавшееся дает мне право, молчавшему 5 лет, вновь обратиться к великодушию Вашему в уверенности, что все вышесказанное дает мне основание беспокоить Вас лично. Мера моих испытаний выше моих сил, и, не дрожавший пред ураганным огнем в Великую войну, я стою смущенный пред призраком голода! Знаю, что Вас многие беспокоят, как не сомневаюсь в безмерности Вашего великодушия к нам, все отдавшим за родину! Прошу верить чувствам глубокой благодарности за все, что Вам будет угодно сделать для меня.

Искренне преданный
Вам
Кро-Малицкий

P.S. Я верю, что мой призыв о помощи найдет отклик в Вашем сердце, так как не могу допустить мысли, что мне, полному инвалиду, предоставлено будет право умереть голодной смертью, а лучшие русские люди пройдут мимо, зная об этом факте!

К.-М.

от руки, шифр dea1353 (Fondo Demidoff, ASPF)

Княгиня обратилась в Русское Собрание в Риме с просьбой помочь корреспонденту, однако оттуда пришло письмо от Георгия Николаевича Евдокимова от 26 августа 1932 г. (шифр dea1570) с отказом, т.к. Кромалицкому из-за его поведения «запрещен вход

в Русское Собрание»; кроме того, он «замечен в общении с большевистскими агентами (Семеновым⁴¹)».

В Fondo Demidoff хранится еще одно письмо Кромалицкого к Ф.М. Галке от 25 июня 1935 г. из Рима, где корреспондент указывает на одобрительную оценку его творчества профессором Поки (Pochi) из Академии художеств и выражает желание поехать с выставкой во Францию, в связи с чем просит одолжить деньги, «не беспокоя особо княгиню».

23

И.В. Варданов
(Флоренция)

Firenze, 21.X.1932

Глубокоуважаемая княгиня!

Покорно прошу Ваше Сиятельство простить меня за то, что осмеливаюсь Вас беспокоить настоящим письмом, но крайне безвыходное положение, в котором я нахожусь в данный момент с женой и трехлетним ребенком, заставляет меня обратиться к Вам.

Я, бывший капитан Русской Армии, тифлисский армянин Иван Владимирович Варданов, после эвакуации проживал в Германии; последний год остался совершенно без работы благодаря общему кризису.

Не имея возможности больше существовать в Германии, я решил уехать с семьей в Грецию, в Салоники, как пункт более населенный армянами и где я имею право работать.

В 1921 году я поступил добровольцем в Армянский батальон Греческой Армии при покойном короле Константине, за что был принят в греческое подданство.

⁴¹ Вероятно, Михаил Николаевич Семенов (Москва 1873 – Неаполь 1952), литератор первоначально левых убеждений, обосновавшийся в Позитано еще до революции.

Но, к несчастью, у нас в дороге заболел ребенок, и мы принуждены были 20 дней прожить в Ливорно, на что ушли все наши деньги.

В надежде на помощь греческого консула мы кое-как добрались до Флоренции, но, увы, здешний консул ничем помочь мне не может.

Я обратился в местный русский комитет за помощью, и господин Струков⁴² был любезен и выдал мне 70 лир; я думал выехать один в Рим и хлопотать там в греческом посольстве о помощи, но после телефонного разговора с секретарем посольства выяснилось, что там тоже ничего получить не смогу.

И вот мы обречены тут на голод и нет никакой надежды получить возможность уехать дальше. Не осмеливаясь беспокоить Ваше Сиятельство лично, я умоляю Вас, ради нашего ребенка, помочь нам чем-нибудь, дабы я мог выбраться из Италии до Белграда, где есть русские учреждения.

Я надеюсь, что моя просьба найдет отклик в Вашем добром сердце, и Вы не дадите погибнуть семье офицера-армянина. С надеждой Вас глубоко благодарю.

Ваш покорный слуга
Ив. Влад. Варданов

Мой адрес:
Jean Wardan (Wardanow)
Hotel Imperia комната 15
Firenze
via S. Antonino 37 (tel. 27-141)

от руки, шифр dea1586 (Fondo Demidoff, ASPF)

⁴² Николай Федорович Струков (1862 — Флоренция 1944) — камер-юнкер, обосновался во Флоренции еще до революции, многолетний староста русской церкви.

24

О. Старкова
(Рим)

[Рим, 1932 г.]

Глубокоуважаемая княгиня,

Простите, Бога ради, за смелость, которую беру на себя писать Вам.

Я имею предложить Вам 2 старинные вышивки гладью, это есть платки, которыми связывали руки во время венчания молодым новобрачным, когда они ходили вокруг аналая. Работа эта ручная крепостных девушек, очень тонкая, на французском батисте. <...>

Глубокоуважаемая княгиня, если позволите, я напишу вкратце о нас. В 23 году мы, т.е. моя мама, муж и 2 сына (9 и 3 лет) бежали из России после расстрела моего отца, что грозило и моему мужу. Мы попали в Прагу (на границе были арестованы и обобраны большевиками). В Праге мой муж получил стипендию – как ученый – и за это читал лекции в университете. Мой муж был академик, профессор медицины в Москве, а в 18 году был приглашен в Киев в университет на кафедру анатомии. Он написал много научных трудов, имеет европейское имя.

Из Праги нам представилась возможность поехать в Рим, так как мужу было поручено устроить русских студентов на стипендии Римск<ого> универс<итета>. Потом муж получает приглашение из Рижского университета занять кафедру; мы же не могли поехать с ним, потому что сильно болела мама, а он все мечтал устроиться в Римском университете. И вот в 27 году умирает моя мама, не проходит и три месяца как совершенно неожиданно, в поезде, умирает муж – он ехал к нам на Рождество⁴³. Я осталась совершенно одна на свете с двумя детьми без пенсии, без средств.

⁴³ Арсений Викторович Старков скончался 19 декабря 1927 г. в возрасте 52-х лет, погребен на римском кладбище Тестаччо.

Прошло уже пять лет; мой старший сын окончил прошлой весной франц<узский> лицей Chateaubriand с mention bien⁴⁴, теперь он на медицинском факультете, дает уроки, но в настоящее время не имеет их. Младший, 14-ти лет, учится в Chateaubriand.

Я все время работала в Красн<ом> Кресте – industria russa [русская промышленность (*итал.*)] – вышивала, но вот 4 года почти, как болею <...>. Лечит меня докт. Евдокимов (док. рус. колонии). Нас поддерживает одна американка, но ее дела теперь пошатнулись, и она очень уменьшила свою стипендию.

Каждый день требует денег, а лекарства так дорого стоят.

Глубокоуважаемая княгиня, пишу я Вам все это, чтобы Вы имели о нас маленькое представление, мне так хотелось бы продать эти вещицы. Жизнь так трудна для всех, а в особенности для русск. беженцев, да еще для вдовы.

Не откажите, хорошая, добрая княгиня, мне покупкой моих вещей. А уж как я Вам буду благодарна – видит Бог.

Господи, как устала я мучиться и беспокоиться о завтрашнем дне. Как не станет меня, что будет с моими маленькими, они такие слабые, бледные. Им так нужно питаться.

Буду с нетерпением ждать Вашего ответа.

Мой адрес – Viale Regina Margherita, 306, int. 7. О. Старкова
Простите меня.

Искренне уваж. Вас,

[подпись]

от руки, шифр № 336 (Fondo Demidoff, ASPF)

⁴⁴ [лицей] имени Шатобриана с отметкой «хорошо» (*фр.*)

25

Баронесса О. Мейендорф
(София)

София
ул. Шипка 25
26 фев. / 10 марта 1932

Глубокоуважаемая Княгиня
Мария Павловна,

Вероятно, Вы меня не помните, хотя мы с Вами встречались в обществе в Петербурге; скорее, Вы помните моих двоюродных сестер Щербатову, Мальцеву и Апраксину. С мужем моим (Георгием Кондратьевичем) Вы встречались у дяди Бадаши Мейендорф⁴⁵, когда они жили на Сергиевской, и там бывал князь Голицын (с сухой рукой).

Слыша о Вашей отзывчивости, добром сердце и любви к Церкви, я беру на себя смелость обратиться к Вам со следующей просьбой.

Дело касается архимандрита Сергия, брата нашего епископа Серафима (в Болгарии)⁴⁶. Архимандрит Сергей с тех пор, как мы с мужем здесь, т.е. одиннадцать лет, наш духовный отец. И вообще архимандрит Сергей очень почитаем и любим, он духовный старец большей части наших прихожан. К сожалению, года два тому назад архимандрит Сергей заболел и в конце прошлого года подвергся серьезной операции. <...>

Поэтому я и обращаюсь к Вам, глубокоуважаемая Княгиня, не найдете ли Вы возможность по мере сил помочь материально архимандриту Сергию.

Вы спасете человека, который своими трудами принесет пользу будущей России. Отец Сергей является автором

⁴⁵ Барон Богдан (Феофил) Егорович Мейендорф (1838 – Москва 18.10.1919) – генерал от кавалерии, генерал-адъютант (был женат на графине Елене Павловне Шуваловой).

⁴⁶ Владыка Серафим, епископ Лубненский, с 1934 г. епископ Богучарский, по распоряжению Патриарха Тихона управлял русскими приходами в Болгарии, позднее вошел в юрисдикцию Русской Православной Церкви Заграницей, но с 1946 г. – в юрисдикции Московского Патриархата.

нескольких трудов, которые за отсутствием средств не могут быть напечатаны, обладает большой музыкальностью, а службы его всегда доставляют духовное наслаждение своей красотой.

Вы сделаете большое, доброе дело, если сможете помочь, и умоляю не отказать.

Прошу принять наш искренний привет, муж почтительно целует Вам руку.

Искренне уважающая Вас,
Баронесса Олимпиада Мейендорф
(Барятинская)

от руки, шифр dea1479 (Fondo Demidoff, ASPF)

Баронесса Олимпиада Александровна Мейендорф (род. 1874) – дочь генерала от инфантерии князя Александра Анатольевича Барятинского и княжны Ольги Дмитриевны Святополк-Мирской, супруга барона Георгия Кондратьевича Мейендорфа (см. *Genealogisches Handbuch des Adels*, Bd. 88. Limburg an der Lahn 1986. S. 341-344).

26

Поручик Дмитриев
(Рим)

Ея Сиятельству,
Княгине Абамелек-Лазаревой.

Ваше Сиятельство!

Я, как воспитанник Лазаревского института⁴⁷, Конной Артиллерии поручик Дмитриев, осмеливаюсь беспокоить Вас, Ваше Сиятельство, и прошу Вашего покровительства и защиты.

Не откажите, ради Бога, выслушать меня. Прodelав всю кампанию Великой войны, а также и Гражданской, будучи дважды

⁴⁷ Лазаревский институт восточных языков основан в Москве в 1815 г. Я.Л. Лазаревым, правнуком которого был князь С.С. Абамелек-Лазарев, попечитель института.

ранен, 2 года пробив в застенках Чека участник десантного отряда полковника Назарова⁴⁸, высаженного в июле месяце 1920 года из Крыма в глубокий тыл большевиков и целиком истребленного (из 1000 человек остались в живых только 6), я в 1921 году, вырвавшись из Бакинской Чеки, добрался до Константинополя, где Бог помог мне устроить свою жизнь. Но в 1924 году, пережив семейную драму, я поступил во Французский Иностраный Легион и был отправлен в Северную Африку. Пробыв там три года, из-за невыносимо тяжелых условий жизни, бесчеловечного отношения и ужасной среды, я бежал, был пойман французами и присужден еще на 5 лет службы. Теперь, пробив в Легионе в общей сложности 7 лет, с 1924 по 1931 год включительно, несмотря на грозящую опасность (за второй побег дают от 10 до 20 лет службы), я снова бежал. Господь мне помог вырваться из тяжелой неволи и, после трехмесячного скитания по Сахаре, на парусной лодке добраться до берегов Италии – до Генуи. <...>

Больной, усталый, совершенно раздетый, голодный, не зная более 3-х месяцев, что такое горячая пища, изредка питаюсь черным хлебом, а больше полентой⁴⁹, которую из сострадания давали добрые итальянцы, пешком я добрался до Флоренции, где обратился в Русскую церковь за помощью. Мне и здесь было отказано в этом. И когда, наконец, мне немного добрые люди помогли – а мне не хватало на билет 22 лиры – я обратился за ними к г. Струкову⁵⁰. Но он не нашел ничего лучшего, как повесить телефонную [трубку] и сказать, что он занят. И этот господин стоит во главе Русского Комитета! И, наконец, сторож-итальянец в Русской церкви посоветовал мне обратиться к «нашей княгине» <...>.

Я был бы так счастлив, если бы Вы, Ваше Сиятельство, оказали бы мне великую честь и радость – лично, если найдете возможность, принять и выслушать, взглянуть на меня. <...>

⁴⁸ Ф. Д. Назаров (1884–1930) пытался поднять восстание на Дону.

⁴⁹ *Polenta* (итал.) – кукурузная каша типа мамалыги.

⁵⁰ См. о нем в письме № 23, автор которого благодарит Струкова за помощь.

Верю, что скоро, скоро наши национальные знамена закольшутся над Россией, и орел наш русский, двуглавый, ныне замененный красной пентаграммой, звездой красной, вырвется на волю. Встанет Россия, вся как один человек от моря до моря, и свергнет власть дьявола единым порывом, единым духом. Я верю в свою Родину, и прошлое России стоит ярким примером! Все пережила Россия и вставала как Феникс из пепла еще сильнее и могущественнее!

Заживо схороненный в песках Сахары, вдали от милой Родины, я ни на минуту не забывал и никогда не забуду Россию.

И вот, Ваше Сиятельство, те стихи, которые я так ревниво берегу, которые написаны мною лично, я прилагаю при сем – прочтите, Ваше Сиятельство, и не осудите меня, что беспокою Вас в тяжкий час моей жизни.

Мне не к кому обратиться, а о Вас я слышал так много хорошего.

Я завтра утром, т.е. в понедельник, зайду к Вам, Ваше Сиятельство, за ответом.

Еще раз, ради Бога, простите и не судите меня строго – я такой несчастный и больной.

Примите мои уверения в моем совершенном к Вам почтении,
глубоко уважающий Вас,
Поручик Дмитриев.

Молитва Матери

Унылый ветер жизни зимней
Терзает душу – рвет покой,
Тяжелой лентой, душной, длинной,
Мне радость, счастье кроет пеленой.

Лишь ты, звезда высокая, далеко,
В безмерной неба глубине,
Куда нам всем лежит дорога,
Бросаешь капли мирры мне.

И в тихий час священной ночи
Мой взор прикован лишь к тебе,
С молитвой грешной – прямо в очи!
О, Мать моя! Мне пусто, страшно на земле.

О, Мать земли, О, Мать народов,
Пространства, времени, веков,
Небесных горних хороводов,
Спусти на землю свой покров!

Покрой землю своим покровом,
Страданья блудных исцели своих детей,
И лаской тихой, материнским зовом
Ты нас исправь и нас согрей.

Мы ждем Тебя, наш голубь ясный,
Ты к нам придешь, Ты к нам слетишь,
И в мир иной, в мир согласный,
Ты нас возьмешь и наши скорби утолишь.

К Тебе, заступница родная,
Скорбящих радость лишь одна,
О, Мать, О, Дева Пресвятая,
Тебе молюсь, вечерняя звезда!

Сахара, форт № 5, 1930 год.

России – Призыв!

Моя отчизна, Русь Святая,
Родная кровь, родная плоть,
К борьбе священной призывая,
Влагает в руки меч тебе Господь!
Так встань, народ поработанный!
Великий русский, весь народ!
В рабов коммуной превращенный,
За счастье Родины – вперед!

Одним порывом, мощным, сильным,
Задушим гадов омертвельх!
Так встань, страна моя родная,
За наше поле, лес родной,
Из рук винтовок не пуская,
Закрепим власть всю за собой!
В кострах спалим мы псов смердящих,
Колхозов гнет сметем навек,
Советов власть, Чеку грозящую
Раздавит русский человек!
Вперед, солдаты, дети Родины опальной,
Трубите марш коммуне погребальный.

Африка, 1929 год.

<...> Еще раз простите, Ваше Сиятельство, за то, что утруждаю Вас; не осудите бедного поэта своей несчастной Родины, кровью сердца и болью написавшего эти строки. Нет у меня большей любви, как к Родине: несчастной, истерзанной, всей облитой русской кровью!

Я так бы хотел лично прочесть Вам мои произведения, которые я никогда не печатал и не буду пока печатать. Я писал только одному Д. Мережковскому, которого ценю и люблю так же, как и Ф.М. Достоевского.

Хотелось бы сбросить с себя хоть немного горя, сесть к столу и писать много-много о Великой Страдалице России! Хотелось бы издать свою книгу – период своей жизни за 15 лет, с 1914 по 1930 год, но это невозможно, нельзя думать даже – нет куска хлеба и ночлега. Еще и еще раз простите, Ваше Сиятельство, за беспокойство.

Глубоко уважающий Вас
Поручик Дмитриев

27 марта 1932 г.

Рим

от руки, шифр dea1490bis (Fondo Demidoff, ASPF)

Иеросхимонах Нестор
(Афон)

Русская
Общежительная Обитель
Благовещения Пресвятой
Богородицы
на Афоне

Глубокочтимая наша благотворительница
и духовная во Христе сестрица Мавра!⁵¹

Благодать и мир Божий буди с Вами,
честь имеем известить Вас, сестрица Мавра, в том, что мы жерт-
ву Вашу Св<ятую> получили по переводу 550 драхм, – неизвес-
тно, какими Вы деньгами посылали нам. Выдали на почте гре-
ческими деньгами 550 драхм, да и узнать нам не по чему было,
потому что отрезного купона на почте почему-то нам не дали.

Адрес Ваш на почте на скорую руку списали и перевод об-
ратно забрали.

Сердечно благодарим Вас, наша сестрица Мавра, за Вашу ве-
ликую милость к нам, убогим насельникам Св. горы Афонской.

Молимся ко Господу о Вашем здравии и спасении и сродни-
ков Ваших, и яко же Вы помиловали нас, грешных престарелых
старичков, тако да помилует и Вас Господь в день праведного
Своего воздаяния во Царствии Небеснем. <...>

За сим, испрашивая на Вас благословение Божие и покрови-
тельство Царицы Небесной, честь имеем пребывать навсегда Ва-
шими смиренными богомольцами,
настоятель иеросхимонах Нестор с братиею.

Св. гора Афон, 21 апреля 1932 года

от руки, шифр dea1504 (Fondo Demidoff, ASPF), в верхнем правом углу
листа – «логотип» обители

⁵¹ Вероятно, имя Мавра поставлено вместо имени Мария по недоразуме-
нию: как пишет автор: «Адрес Ваш на почте на скорую руку списали».

Благовещенская обитель в Карее (афонской столице), приписанная к Хилендарскому (сербскому) монастырю, была заселена русскими монахами с 1863 г., но пришла в упадок во время имяславческих споров на Афоне, т.к. служила местопребыванием вождя имяславия иеромонаха Антония (Булатовича) и попала под карательные экономические санкции Св. Синода. Старец Нестор возглавлял обитель с 1917 г.

28

Е. Лохвицкая
(Париж)

28/VII 1932
Paris

Ваше Сиятельство,
Высокоуважаемая Мария Павловна!

Простите, что беспокою, но мне так хочется излить свою изболевшую душу, а Вы, как ангел, чуткая, добрая, поймете состояние жены и матери. Мне кажется, что это письмо будет последнее, больше писать мне не придется, и поэтому постараюсь написать толково и разборчиво, пишу урывками вот уже второй день.

В пятницу 26 июня я, как всегда, отправилась на свидание к своей дочери Тамаре. Старшая сестра говорит мне: хорошо, что пришли, мы хотели только что сообщить Вам, что Ваша дочь умерла. Я как стояла, так и опустилась на пол. Привели меня в чувство, взяла себя в руки, пошла в покойницу: лежит моя бедная девочка совершенно голая, какой-то дерюжкой покрытая – не могу писать, слезы текут. Оказывается, Тamarочка утром на рассвете нашла где-то бечеву, привязала к спинке кровати и удавилась. Не выдержала, бедная, она была такая красавица – и остаться без попа⁵².

⁵² Т.е. без церковного отпевания, которое не полагается самоубийцам.

В тот же день было вскрытие, а в воскресенье в счет города ее похоронили. Боже мой, если бы Вы видели – как котенка, в деревянном ящике положили на дрожки и отвезли за город на еврейское кладбище. Пока я туда трамваем доехала, меня не подождали и зарыли <в> общей яме, так и не дали с ней проститься. От мужа все скрыла, сказать ему – значит убить. Боже милостивый, как подумаю, что и мужа также будут хоронить, что не будет возможности заплатить за могилу, куда бы я могла прийти и поплакать. Все перевернулось. Теперь в среду должна буду уйти якобы к дочке, а вернувшись, лгать – это впервые в моей жизни – и еще охранять, чтобы кто-нибудь не проговорился. Доктор говорит, что муж не выдержит, если это узнает, а пока натура сильная, может встать на ноги и тогда это известие выдержит.

Наши офицеры говорят, что если муж умрет, то Союз инвалидов оплатит похороны, а Союз комбатантов даст знамена и музыку, а город на выплату даст могилу. Справлялась в мэрии нашего родисмана⁵³: на выплату дают родственникам чем-либо обеспеченным, а какое же мое обеспечение? 26 лет верой и правдой прослужил Царю и Отечеству и под конец на чужбине в сырую канаву, как арестанта какого-нибудь.

Сердце разрывается на части, я знаю, что роли своей не выдержу, рано или поздно муж узнает. Единственное спасение – увезти его и уехать в Бессарабию, нам даром предлагают на долгое время в Исмаильском уезде дом из 3 комнат, огород и сад фруктовый. Наш [знакомый] офицер теперь служит в румынской армии, он уроженец Бессарабии и по службе в Бухаресте живет, родных нет, зовет, чтобы мы хозяйничали. Одно время мы с мужем мечтали устроиться и прожить спокойно, хотели подкопить на дорогу, но Бог пока не хочет.

Извините, что разболталась, хотела послать Вам фотографию своей дочери, да боюсь быть навязчивой, и вообще не знаю, что со мной – выйду утром за молоком для мужа и иду, не зная куда, пока не вспомню, зачем шла.

⁵³ *Arrondissement* (фр.) – округ.

Родная наша заступница Княгиня, не осудите меня несчастную и не сердитесь на меня. Как люди жестоки. Молюсь Богу – не слышит Он мои молитвы, и спрашиваю – за что? Что сделали мы? Жили честно, не обманывали, ближним отказа не было, были верующие, чем прогневали Его? Какое проклятие на наши несчастные головы?

Спасибо Вам за все, дай Бог Вам счастья и здоровья, на всю жизнь Вам преданная и глубоко уважающая Вас, Ваше Сиятельство,

Елена Лохвицкая

от руки, шифр dea1529 (Fondo Demidoff, ASPF)

29

М.И. Диев
(Рим)

Ваше Сиятельство,
Милостивейшая княгиня!

Не могу выразить словами чувства благодарности и признательности за оказанную Вами помощь и потому до глубины души больно и прискорбно снова обращаться к Вам за таковою. Я мучаюсь сознанием, что Вы, хотя на минуту, можете допустить возможность злоупотребить Вашею добротой.

Ваше Сиятельство, Бог свидетель, что я не из таких, и если решаюсь снова просить Вас о помощи, то только после того, как зашел в тупик, из которого совершенно нет выхода. Дело в том, что до 29-го июня с<его> г<ода> я пел в русско-католической церкви Св. Лаврентия⁵⁴. Имея наличность работы, я женился на русской беженке. Она вдова и имеет 14-летнюю дочь

⁵⁴ Русская католическая церковь византийского обряда, основанная в Риме в 1910 г. (это был первый русский католический приход вне России), находилась у Форума Траяна, там, где в начале 1930-х гг. при муссолиниевской перепланировке столицы была пробита от площади Венеции к Колизею улица Императорских Форумов.

[Галину], которая в настоящее время обучается в Pensione Notre Dame de Sion [пансион Божией Матери Сионской] на средства Папы Римского. Таким образом, забота о девочке пока отпадает, и если бы моя работа продолжилась, то жить можно было бы кое-как. Но вот 29-го июня службы в нашей церкви прекратились, потому что дом, где помещалась церковь, сейчас разрушен. И вот я остался с женой без работы, без денег и без какой-либо помощи.

Ваше Сиятельство, когда сам не покушаешь, то, правда, тяжело, но когда видишь, как голодает женщина, да еще такая близкая и родная, как жена, то это уже мучительная пытка. Кроме того, подходит холодное время; жена молчит, не желая в конце расстраивать меня, но я отлично вижу, что у нее нет не только зимнего, но даже какого бы то ни было пальто. Видишь все это, и сердце кровью обливается, а помочь горю не имеешь возможности.

Удерживает от отчаяния только надежда на 15 октября. В этот день состоится освящение новой русско-католической церкви в Russicum, где, как мне уже обещано, я буду петь.

Ваше Сиятельство, отзовитесь еще раз на крик истерзанной души и помогите чем только сможете прожить нам до того дня, а я и жена будем вечно молиться о Вашем здоровье и долголетье, и да благословит Вас Бог!

Ваш покорный и преданный слуга

Михаил Диев

9-8-32

Roma, Salita Sant'Onofrio 62.

от руки, шифр dea1478 (Fondo Demidoff, ASPF)

Михаил Иванович Диев (1890 – Рим 22.11.1942) – выпускник Казанского ветеринарного института, поручик императорской армии, участник Гражданской войны. В 1921–1923 гг. находился в Египте, в 1923–1925 гг. в Болгарии, где входил в состав Кубанского хора. После гастролей с хором в Германии, Австрии, Венгрии, Скандинавии, с 1928 г. обосновался в Италии. В своем первом письме к княгине

М.П. Абамелек-Лазаревой из Рима в декабре 1931 г. просит о помощи (и рассказывает о концерте в Копенгагене перед императрицей Марией Федоровной и Великими княжнами Ксенией Александровной и Ольгой Александровной); на письме стоит помета: «по распоряжению Ее Сиятельства выслано 100 лир» (шифр dea1422bis). На вторичную просьбу княгиня послала запрос о корреспонденте своему доверенному лицу в Риме – Г.Н. Евдокимову, доктору Русской колонии, который сообщил, что жена Диева имеет постоянную работу в той же католической церкви восточного обряда и что «нельзя считать, что супруги Диевы особо нуждаются»; тем не менее, Евдокимов им «передал от имени княгини 50 лир» (шифр dea1604). М.П. Абамелек-Лазарева, однако, оказывала помощь семье Диевых и впоследствии, о чем свидетельствует письмо Диева из Рима от 28.9.1934, где он просит «не прекращать пособия на обеды» для него, жены и приемной дочери [«Галочки»] (шифр 166).

30

о. Николай Ухтомский
(Шипка)

24 августа/6 сентября 1932 г.
Русский Храм-Памятник
с. Шипка-Казапleshко
Болгария⁵⁵

Через меня, недостойного и грешного, обращается к Вашему щедрому и доброму сердцу Великий Угодник Божий Святитель Николай Чудотворец и призывает прийти на помощь Его Русской церкви в г. Бари, которой Вы иногда помогали.

Будучи этой зимой в Бари, я лично убедился в тяжелом материальном положении Барградского Подворья; ныне мне пишут из Бари отчаянные письма с мольбой о помощи и помощи *немедленной*.

⁵⁵ Храм-памятник в честь Рождества Христова построен в 1897–1902 гг. по проекту зодчих А.О. Томишко и А.Н. Померанцева; до 1934 г. входил в юрисдикцию Русской Православной Церкви за границей, позже перешел в состав Болгарской Православной Церкви.

Необходима сумма в пять тысяч (5.000) итальянских лир.

Здесь, на Балканах, мне трудно изыскать эти деньги, но Святитель Николай указал мне на Ваше имя, как бывшей благотворительницы подворья, и я немедленно написал Вам. Вы – в Италии, Вы скорее и легче всех можете помочь. Если сочтете нужным, поезжайте в Бари и лично можете убедиться в положении дел, но не допустите погибнуть великому русскому делу.

Святитель Николай за Ваше милосердие сторицей вознаграждает Вас и подает Вам душевное и телесное здравие и счастье сердечное.

Да хранит Вас Пречистая Божия Матьер по молитвам
Святителя Николая.

С искренней любовью к Вам о Христе священник Николай
Князь Ухтомский

от руки, шифр 185 (Fondo Demidoff, ASPF)

Протоиерей Николай Ухтомский (Казань 1881 – София 31.1.1960) происходил из княжеского рода. Участвовал в Гражданской войне, эмигрировал в Болгарию, принял сан в лоне Русской Православной Церкви за границей и опекал храм-памятник в Шипке до 1934 г., когда мемориал был отнят советским посольством и передан Болгарской Церкви. Позднее о. Николай Ухтомский перешел под омофор Московского Патриархата; см. некролог в «Журнале Московской Патриархии» (№ 4, 1960, с. 67).

31

Р.А. Иваницкий-Ингило
(Рим)

11 сентября 1932 года

Roma

Campro dei Fiori, 8

Ея Сиятельству,

Княгине Абамелик [sic]-Лазаревой

Ваше Сиятельство!

Прошение это пишет Вашему Сиятельству грузин из Тифлиса, проживающий в настоящее время в Риме (с 1928 года) и занимавший до лета текущего года должность регента при русской католической церкви Св. Лаврентия (S. Lorenzo ai Monti, ныне снесенной вследствие распланировки города). После взятия Тифлиса большевиками я был арестован и в продолжение 13 месяцев мучался в советских тюрьмах, сначала в Тифлисе, затем в Москве. При содействии ныне покойного германского посла, графа Брокдорф-Ранцау, мне в 1923 году удалось выехать в Германию без права возвращения на родину. В Грузии осталась жена с двумя сыновьями, причем старший сын 14-ти лет умер два года назад от систематического недоедания. Ввиду разрушения вышеназванной церкви богослужения будут совершаться при учреждении, известном под именем «Russicum»⁵⁶, ректор которого отказывается меня принимать по конфессиональным соображениям. Лишенный совершенно неожиданно места, я осмеливаюсь обратиться к Вашему Сиятельству с нижайшей просьбой – включить меня в число лиц, пользующихся в Русском Собрании (via delle Colonnate, 27) обедами от щедрот Вашего Сиятельства. Справки обо мне можно получить у настоятеля римской православной церкви архимандрита Симеона⁵⁷ и у заведующего столовой адмирала Л.Л. Иванова⁵⁸.

Вашего Сиятельства покорнейший слуга
Рафаил Александрович Иваницкий-Ингило,
кандидат юридических наук по первой степени
Импер. Московского Ун-та,
юрисконсульт Патриаршего Совета
Грузинской Православной Церкви

⁵⁶ Русская католическая семинария, известная как Коллегия «Руссикум», основана 15 августа 1929 г. Апостольской конституцией Папы Пия XI *Quam sigam* с целью подготовки клира для русских и украинских территорий.

⁵⁷ См. о нем письмо № 41.

⁵⁸ Леонид Леонтьевич Иванов (Волынская губ. 1875 – Рим 1940), контр-адмирал.

от руки, шифр dea1574 (Fondo Demidoff, ASPF)

Р.А. Иваницкий-Ингило (†1966, Франция) – протоиерей. Окончил Духовную семинарию в Тифлисе и юридический факультет Московского университета, занимался политической и общественной деятельностью. Министр в правительстве независимой Грузии (1918-1924), на поместном соборе Грузинской Православной Церкви был выдвинут кандидатом на кафедру патриарха-католикоса. В 1923 г. эмигрировал на Запад и поселился в Италии, был псаломщиком русской Св.-Николаевской церкви в Риме (1927-1947), состоял в юрисдикции Зарубежного Синода: диакон (1.11.1947), священник (2.11.1947), настоятель церкви в Мадриде (1947 – начало 1960-х гг.).

32

А. Бибикова
(Ницца)

8 октября [1934 г.]

Дорогая Tante cherie [милая Тетя (*фр.*)].

Вот уже неделя que je suis gardienne de Villa a Cimies [как я смотрительница Виллы в Симье (*фр.*)], за это я имею квартиру из двух комнат, освещение, газ и отопление, работы почти никакой: немного убрать сад и каждый день затопить печь для горячей воды, все это не трудно. Покуда маме это нравится, и что приятно – это то, что не нужно платить за квартиру. Хозяйка – богатая одинокая венгерка, прислуги не имеет, лишь на 4 часа в день приходит femme de ménage [«домашняя работница»], а днем Madame уходит, и я одна.

Из San Rémo были грустные известия, но теперь как будто немного лучше бедной Tantine⁵⁹, так это грустно, что и сказать не могу.

⁵⁹ Возможно, графиня Татьяна Олсуфьева, супруга графа Андрея Олсуфьева.

Имеете ли Вы известия из России, так давно что-то не слышно про них.

Как Вы себя чувствуете Tante cherie? Здоровы ли Вы?

Крепко Вас обнимаю, и всегда, всегда мы оба благодарим Вас за Вашу доброту. Мой муж и я целуем Ваши ручки.

Да хранит Вас Господь,
благодарная
Тасинька

Мой новый адрес:
Mme Bibikoff
Villa Ilona
5 Parc Liserb
Cimies – Nice

[*помета вверху*] Отвечено 11/X.1934

от руки, шифр 140 (Fondo Demidoff, ASPF)

33

Б. Шишинторов
(Рим)

Roma 11/IV/34/XII
ore 20

[*Рим, 11 апреля 1934 г., XII год фашисткой эры,
в 20 часов*]

Христос Воскресе!
Ваше Превосходительство!

Очень жалею, что Вы не застали меня дома (я только что ушел, когда Вы были у меня). Очень прошу Вас передать всем добрым людям, которые жертвуют деньги на билет, что я получил паспорт и уже его визировал в китайском посольстве. При первой возможности уезжаю в Шанхай, где мне уже обещана работа, а после, когда смогу взять мою семью в Шанхай,

уезжаю немедленно в Маньчжурию на противобольшевистский фронт в армию генерала Семенова, наход<ящегося> сейчас между Маньчж<урией> и Монголией. Военные операции, по сведениям, начнутся этой же весной. Ни в коем случае не могу оставаться в Италии, т.к. здесь обречен на всегдашний голод всей семьей ввиду непостоянства работы, а также, не имея итальянского подданства, не могу получить интеллигентного труда. Моя душа слита всегда с Россией, и я только и мечтаю, как бы скорей, по мере возможности, освободить ее от большевиков. На Дальнем Востоке имеется возможность освободить Сибирь от большевиков, и я, как офицер, считаю, что мое место там, где я могу быть полезным для дорогой Родины.

Не откажите передать содержание моего письма Ее Сиятельству кн. Марии Павловне Аабамелек-Лазаревой и кн. Волконскому (я его не мог лично видеть, т.к. он болен). Если не будет возможности собрать на весь билет, то я сам дорогой буду хлопотать о проезде до Шанхая. Я сейчас временно работаю на станции и уже смог выплатить около 500 лир моих личных долгов людям, которые меня поддержали зимой во время 5 месяцев безработицы. <...>

Прошу передать, что я денег не прошу, а очень прошу билет III кл<асса> до Шанхая и, если возможно, поддержать мою семью до ее отъезда ко мне в Шанхай. Не более как через 3 месяца, если все пойдет у меня хорошо, жена и мои дети будут у меня в Шанхае. Неужели Кр<асный> Крест с помощью добрых лиц не сможет дать хотя бы обедов на это время детям и жене. Если я останусь в Италии, то это погибель для всей моей семьи; всегда просить о помощи зимой и голодать с детьми и женой здесь – это тяжелая перспектива. Ведь уже 4-ый год голодаем зимой!

Есть возможность сейчас выйти из этого положения. Еще раз благодарю Вас и глубокоуважаемую княгиню Марию Павловну за ее внимание и помощь.

Поручик Б. Шишинторов.
Адрес: vicolo S. Onofrio 25. Roma.

от руки, шифр № 1 (Fondo Demidoff, ASPF)

В письме к княгине М.П. Аабмелек-Лазаревой от Анны Шинтиоровой от 22 мая 1934 г. сообщается (вместе с отчаянной просьбой о помощи), что ее муж покинул Италию и семью (четырёх детей и беременную жену), не оставив никаких средств к существованию: «дети голодают, в доме нет ни воды, ни электричества» (шифр № de466).

34

Ксения ?
(Югославия)

Дорогая, родная Моина!

Мы все придавлены страшным горем, и все русские оплакивают нашего любимого Рыцаря Короля [Александра]. Какая ужасная для нас потеря.

Мы с Мусей встречали в Земуну траурный поезд, это было ночью в 11 ч. Было невыразимо тяжело и грустно. Вся толпа, кот. собралась для этой встречи, плакала. Как это все ужасно! Сколько зла на земле. И мне, и Мусе, нам особенно тяжело. Мы столько пережили горя и вот опять эта смерть, которая нас так потрясла. Мой beau frère [добрый брат (*фр.*)] во время печальных церемоний был при Английской миссии и ему удалось только раз видеть Вашего племянника [князя Павла], кот. на всех производит сильное впечатление, да поможет ему Господь.

Как Вы поживаете, наша дорогая Моина, здоровы ли, все ли у Вас благополучно. Так были бы счастливы, если бы от Вас получили несколько слов.

Муса и я нежно Вас обнимаем и всегда, всегда благодарим Вас за Вашу помощь нам.

Да хранит Вас Господь,
Любящая и благодарная Вам
Ваша Ксения

[в конце письма поставлена дата другим почерком] 22 окт. 34
[помета на письме] Отвечено 2/XI 34.

От руки, шифр 172 (Fondo Demidoff, ASPF)

35

Е. Воронцова
(Рим)

Roma 29.9.1934
Via della Lupa 25, III

Оставшись все лето без единого урока [пения] и до октября без всякой надежды, не имея средств на публикации⁶⁰, я принуждена еще раз умолять добрую княгиню о помощи.

Принося глубоко сердечную благодарность за помощь прежних месяцев, я молю Провидение дать возможность Ее Сиятельству помочь мне еще немного.

Чувствую, что во имя правды и справедливости должна довести до сведения Ее Сиятельства, что ко мне в Русском Собрании относятся очень недоброжелательно (чтобы не сказать больше) только потому, что из лютеранства я перешла в католичество, и что князь Александр Михайлович⁶¹ изредка для меня выпрашивает небольшую помощь.

Дошло Общ<ество> Кр<асного> Креста⁶² в своей ко мне несправедливости до того, что лишило бесплатного обеда с 1-го сентября, зная, что я не зарабатываю ни гроша и живу этим скудным обедом 24 часа!

⁶⁰ Т.е. на объявления о преподавании пения.

⁶¹ Князь Александр Михайлович Волконский (Петербург 1866 – Рим 1934) – полковник императорского Генштаба и флигель-адъютант Николая II, а также автор ряда статей и брошюр, посвященных российской армии; в эмиграции принял католичество и стал священником. Его перу принадлежит обширный труд «Католичество и священное предание Востока» (Париж, 1933), где он теологически обосновывает возможность и необходимость соединения Западной и Восточной Церквей.

⁶² Эмигрантское благотворительное общество, обычно называвшееся Русским Красным Крестом в Риме, подчинялось Центральному управлению Женевского (Международного) Красного Креста.

Мой приход – S. Lorenzo in Lucina – дает мне боны⁶³ молока и хлеба, и этим я жива весь текущий месяц. К 1-му октября, если не заплачу за комнату, то я опять очутюсь [sic] на улице, как в прошлом году. Полиция меня тогда отправила в труппобную ночлежку. Только Вера спасла меня от самоубийства. Но теперь я в том же положении. Мужа убили в революцию 17-го года, и я без крова и пропитания.

Умоляю добрейшую княгиню меня не оставить, дать мне возможность заплатить <за> крышу над головой и дать одну или две публикации для приискания работы.

Глубоко благодарю, молю Бога о благополучии Ее Сиятельства и жду с замиранием сердца доброго ответа.

Евгения Воронцова

от руки, шифр № 324 (Fondo Demidoff, ASPF)

В архиве Fondo Demidoff находятся два других письма Е. Воронцовой: 1) от 6 декабря 1934 г., шифр № 322, отправленное из Рима, Grand Hotel del Quirinale (скорей всего, использована лишь фирменная бумага гостиницы), где она снова просит о помощи (очевидно, полученной в результате предыдущего письма), так как ей, как абсолютно глухой, предоставлена больничная койка, но без содержания; 2) от 4 февраля 1936 г., шифр № dea2299, из Рима, Via Firenze, 32, в котором автор описывает свои бедствия в эмиграции, подписавшись в конце «Евгения Воронцова, вдова барона de Borneman – Борнеман»⁶⁴.

Об авторе письма и ее муже известно следующее: «Борнеман, Андрей Александрович, инженер-технолог. Трубниковский пер., 19. Тел. 450-64. Борнеман, Евгения Павловна. Жена дворянина. Трубниковский пер., 19» (Вся Москва. 1917).

⁶³ Т.е. талоны на бесплатную выдачу (итал.: buono).

⁶⁴ Баронов Борнеман в Российской империи не существовало.

36

Ф. Кич
(Ницца)

27 июня 1935 г.

Глубокоуважаемая и дорогая княгиня Мария Павловна, сейчас получил, через любезное посредничество Ф.М. Галки, письмо с Вашим вопросом относительно моего здоровья и перевод на 500 фр. на улучшение моего лечения.

Не знаю, право, как выразить Вам всю глубину и силу моей благодарности и признательности за все, что Вы делаете для меня с такой неземной лаской, сердечностью, деликатностью и, правда, ангельской добротой. <...>

Ваши деньги, дорогая княгиня Мария Павловна, получил как раз в тот день и час, когда принес к себе в дом при церкви фотографию новоявленной у нас в Ниццком соборе иконы Николая Чудотворца.

Икона эта около 60 лет висела в часовне Наследника Цесаревича Николая Александровича, старшего брата Гос<ударя> Им<ператора> Александра III, скончавшегося в Ницце от туберкулеза, и совершенно почернела от времени и сырости.

9 мая, в день перенесения мощей Св. Николая, она начала постепенно обновляться и светлеть и сейчас представляет собою то, что видно на фотографии⁶⁵.

Беру на себя смелость послать Вам эту фотографию, которая в течение нескольких дней лежала на чудотворном образе. Такую же икону послал Леле, которая пребывает сегодня в Vichy.

Вчера к большому горю узнал о тяжелой болезни П.А. Демидова, с которым связан более чем 25-летней дружбой и служеб-

⁶⁵ Икона Св. Николая Чудотворца, пребывавшая у смертного одра Цесаревича Николая Александровича (1843–1865), первоначально находилась над входом в мемориальную часовню; в мае 1935 г. было обнаружено, что ее почти неразличимый рисунок и первоначальные краскиновились. В настоящее время чтимая икона помещена перед левой солею Св.-Николаевского собора в Ницце.

ными отношениями. Несчастного разбил паралич, отнялась вся правая сторона и язык, но умственные способности не затронуты. Его вчера перевезли из Драпа в Ниццкую русскую клинику д-ра Голузовского 10 av. St Laurent. При нем безотлучно жена и сын, а вчера приехала из Парижа дочь Элинька Оболенская. Посторонних к нему никого не пускают. Врачи говорят, что есть надежда на частичное выздоровление.

Не знаю, что лучше ему желать, ведь настоящее и будущее так беспросветно мрачно, а в особенности для калек, которые всем в тягость, что поневоле завидуешь тем, кто покончил свои земные счета.

Еще и еще раз от всей глубины души и беспредельно Вам преданного и благодарного сердца благодарю Вас за все, что Вы сделали и продолжаете делать для меня <...>.

Ф. Кич

от руки, шифр № 53 (Fondo Demidoff, ASPF)

В Архиве Fondo Demidoff, ASPF находятся еще три письма от Ф. Кича к Ф.М. Галке: 1) от 2 июля 1935 (шифр № 256); 2) 12 июля 1935 (шифр № 257); 3) 18 июля (шифр № 264). В них Ф. Кич сообщает: 1) о смерти Павла Александровича Демидова, наступившей в Ницце 28 июня 1935 г., и о его скромных, из-за материального положения, похоронах на кладбище Кокад; 2) о полученном от княгини Марии Павловны щедром предложении приехать на лечение во Флоренцию к специалисту по глазным болезням проф. Барделли, о хлопотах по получению Нансеновского паспорта и визы в Италию; 3) о выдаче визы в Италии, целиком оплаченной княгиней, и поездке во Флоренцию на лечение.

37

Е. Букколини
(Рим)

16/IV 35 г.

Многоуважаемая княгиня!

Простите за беспокойство, но мое безвыходное положение и крайняя нужда заставили меня обратиться к Вам за помощью. Ради Бога, добрая княгиня! Не откажите в помощи бедной сироте, какой я оказалась здесь, брошенной, одинокой, вдали от родины. Вначале у меня была кое-какая работа, а теперь ничего нет, и я осталась без комнаты, просто на улице.

Отец мой служил в имении Государя Ялта-Ливадия при Александре III, 25 лет был управляющим всеми виноделиями, и я там родилась. Папа мой был итальянец, а мама русская. Я иногда хожу в Circolo Russo [Русское Собрание] – если Вы хотите узнать что-либо обо мне, то можете спросить там. Что мне еще сказать Вам, уважаемая и добрая княгиня, Вы сами поймете меня.

Простите еще раз за беспокойство и не откажите в моей сердечной просьбе.

Мой адрес:

Circolo Russo, № 27, Via Colonnate. Per Buccolini.

Остаюсь уважающая Вас,
Екатерина Букколини

от руки, шифр № 293 (Fondo Demidoff, ASPF)

о. Иоанн Лелюхин
(Мерано)

5 ноября 1935 г.
Pensione Borodine.
Merano.

Глубокоуважаемый Федор Матвеевич!

Ровно две недели, как я живу в Меране в бывшем русском доме Бородиной⁶⁶. Теперь этот дом сдан властями в аренду одному немцу. Материальная сторона жизни при нем стала лучше, но зато никакими льготами прежнего времени (бесплатный для бедных пенсион, напр.) русские теперь не пользуются. Церковь при доме находится по-прежнему в распоряжении Митроп. Евлогия и в фактическом заведовании о. И. Куракина⁶⁷, настоятеля флорентийской церкви. В общем здесь жить хорошо, но дорого. Пенсион без чаю и сахару, прачки, ванны, доктора, лекарства и проч. стоит 650 лир в месяц. И все же – это один из самых дешевых пенсионеров в Меране. Еще одно неудобство: почти все жильцы – больные, и в их среде больше всего туберкулезных, которые к тому же не имеют средств обращаться к врачу. Дешевый врач здесь стоит 25 лир за визит. Вижу я, что на курортах можно жить только людям богатым. С Флоренцией я простился, как думаю, навсегда, а потому едва ли в этой жизни когда-нибудь увижусь с Вами или с Кн. Марией Павловной. Прошу Вас передать ей мою

⁶⁶ На капиталы, завещанные московской купчихой Н.И. Бородиной, в Альпах в 1897 г. был открыт санаторий, названный «Русским Домом» и предназначенный для малоимущих больных из России. Санаторий имел домовую церковь во имя Св. Николая Чудотворца, которую первоначально обслуживали монахи петербургской Александро-Невской лавры, приезжавшие на зимний (лечебный) сезон в Мерано (см. *Марабини Цеггелер Б., Талалай М.* Русская колония в Мерано. Bolzano, 1997).

⁶⁷ Отец Иоанн Куракин (князь Иван Анатольевич Куракин; Царское Село 1874 – Париж 1950) – камергер, член Государственной Думы 3-го созыва (1907–1913), шталмейстер, действительный тайный советник, министр финансов Белого правительства в Архангельске (1918–1919), эмигрировал во Францию (1920), священник (1931), незадолго до смерти пострижен в монашество и поставлен во епископа Мессинского.

благодарность за 10 лет ее заботы обо мне и ее благосклонного внимания ко мне.

Вас также благодарю за все хорошее прошлое, что видал я от Вас за тот же срок. Да не смущают всех Вас земные горести, человеческая злоба и клевета, и, вообще, неприятности жизни. Бог милостив к людям и в нужную минуту подает им помощь, ибо еще раньше прошения нашего знает нужды наши.

Всегда память о Вас будет мне приятна. Анастасии Григорьевне [Галке] мой прощальный привет.

С искренним уважением
Протоиерей Иоанн Лелюхин

от руки, шифр 423 (Fondo Demidoff, ASPF)

Протоиерей Иоанн (Иван) Захарьевич Лелюхин (Смоленск. губ. 30.1.1883 – Париж 2.5.1945,) – сын священника, окончил С.-Петербургскую Духовную академию со степенью кандидата богословия (1911), директор народных училищ Смоленской епархии, священник (1911), настоятель кафедрального собора Архангельска (12.1.1918), член епархиального совета Архангельской епархии (18.7.1918), эмигрировал в Англию (1920), член Карловацкого зарубежного церковного съезда (1921), настоятель Успенской церкви в Лондоне (1923–1926), настоятель Христо-Рождественского храма во Флоренции (1926–1935), одновременно обслуживал храм Христа-Спасителя в Сан-Ремо и домовую церковь в Мерано, вышел за штат по болезни (1935), настоятель церкви в Плеси-Робинсоне, в предместье Парижа (1936–1939), настоятель Св.-Серафимовской церкви в Париже (1939–1942).

В архиве Fondo Demidoff, ASPF хранятся и другие послания священника, обращенные исключительно к Ф.М. Галке: 1) от 17 января 1929 г. из Флоренции (шифр dea284), где он просил помочь бывшему офицеру К.П. Садикову, зарабатывавшему себе на пропитание пением в кинематографе; 2) от 18 марта 1935 г. из Флоренции (шифр dea2056), где он просил помочь отстранить от приходских дел А.К. Харкевича, «несущего всегда не мир, а вражду»⁶⁸; 3) от 7 февраля 1936 г. из Мерано

⁶⁸ О А.К. Харкевиче см. ниже, в разделе, где публикуются его мемуары. В них он пишет о «дружественных отношениях» между ним и о. Иоанном Лелюхиным, «воспитанниками той же С.-Петербургской Академии» (архив Г.С. Дозмаровой-Харкевич, Флоренция).

(шифр dea2096), где он сообщает о дороговизне жизни в Русском доме в Мерано и о безуспешных попытках переложить свое содержание на флорентийский приход, куда был назначен новый настоятель о. Иоанн Куракин; 4) 4 марта 1936 г. из Флоренции (шифр dea2107), где сообщает, что временно вернулся во Флоренцию, т.к., не имея более финансовой возможности жить в Мерано, собрался переехать во Францию, во Флоренцию же приехал за французской визой. В том же году священник обосновался в Плеси-Робинсоне, под Парижем.

39

Е.А. Демидова
(Эпинэ-Сен)

Epinau Seine
[Франция]
12.11.35

Дорогая моя Моина.

Я получила печальное письмо от Сандры Шуваловой относительно ее дочери Деи Ферзен, которая работать не может ввиду глухоты, а у нее на руках двое детей: две девочки 7 и 2 лет. У ее belle Mere [доброй матери (*фр.*)], которая ей помогала, вроде маленького пансиона, который хорошо шел, но теперь дела пансиона пошатнулись. Сандра, понятно, очень волнуется за дочь, которая лично имеет только 465 лир. Сама она не в состоянии помочь дочери, еле-еле сводя концы с концами. Очень тяжело мне тебя тревожить, но я решилась, зная твою безмерную доброту к ближним страждущим. С Сандрой у меня всегда были дружеские и очень теплые отношения. Ни годы, ни обстоятельства их не изменили, напротив того, зная меня в горе, больной, она показала и показывает глубокое участие и любовь, и тревогу за меня, и верную дружбу. Я это очень ценю, и это мне дорого. В горе познается искренность чувств и отношений. Прости меня, что я написала о тревоге Сандры, за себя говорить и просить или невозможно, или ужасно, за других, конечно, легче, но я прошу простить, что обратилась к Тебе, когда ты завалена заботами! <...>

Сандра бывает у меня, я ее искренне люблю, всегда прошу ее к завтраку. Прости меня, душка, за это письмо, прошу Тебя *so* *всем* сердцем!

<...>

Lelly

от руки, шифр 355 (Fondo Demidoff, ASPF)

Автор – Елена Анатольевна Демидова (1901–1970) – дочь Анатолия Павловича Демидова и Евгении Клементьевны Подменер, супруга Поля Жоффруа (1901–1991).

40

Князь М.К. Горчаков
(Нёйи-сюр-Сен)

марта 2 дня 1935 г.

Глубокоуважаемая Княгиня Мария Павловна!

В Париже уже много лет существует группа русских патриотов, которые поставили себе целью борьбу с большевиками.

Нам кажется, что наша работа была не бесплодна. Мы думаем, что именно наша работа во многом содействовала тому, что в данное время весь мир знает, что такое большевики и в каком ужасающем положении находится русский народ.

В данный момент самым угрожающим пунктом для советской власти является Дальний Восток, где всегда можно ожидать вооруженного столкновения Советов с Японией.

Нам необходимо точное наблюдение за теми событиями, которые происходят на Дальнем Востоке, и мы решили в этих целях командировать на Дальний Восток достойного члена нашей группы.

До настоящего времени нужные для нашей работы суммы мы собирали между собой. Временами довольно крупные суммы давал лично я. В настоящее время нам не удастся собрать

сумму для покрытия расходов командировки. Недостаёт ещё 8.000 франц. франков.

Зная Вас, позволю себе Вас беспокоить и обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой не отказать нам в необходимой сумме и тем самым содействовать выполнению нашего долга перед Родиной.

Ваш благосклонный ответ прошу адресовать мне по нижеуказанному адресу.

*Прошу принять уверения в искреннем уважении,
Князь М. Горчаков*

Prince M. Gortchacoff
42, rue du Bois de Boulogne
Neuilly Sur Seine
France

машинопись, за исключением выделенного курсивом, шифр № 285
(Fondo Demidoff, ASPF)

Князь М. Горчаков – автор брошюры «Итоги политики Митрополитов Сергия и Евлогия» (Париж, 1930).

40 bis

21 Декабря 1936
Hotel Cavour
Via Proconsolo Florence

Глубокоуважаемая
Княгиня Мария Павловна,

Помня Ваше милое отношение к моему покойному отцу, который Вас очень любил и ценил, беру на себя смелость беспокоить Вас покорнейшей просьбой не отказать принять меня и моего близкого друга Георгия Леонидовича Романова.

Находясь проездом на несколько дней во Флоренции, обращаюсь к Вам, чтобы переговорить о вопросах, могущих заинтере-

ресовать Вас, как преданную дочь Православной Церкви и истинно русского человека.

Целую Вашу руку и остаюсь искренне преданный и заранее благодарный

Князь Михаил Горчаков

[приложение]

*ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ
РУССКОГО КОМИТЕТА ПОМОЩИ ОЧАГАМ ПРАВОСЛАВИЯ*

I

Русский Комитет Помощи Очагам Православия имеет своей целью:

1) ознакомление русской эмиграции с современным положением русских православных центров за рубежом и пробуждение интереса к их жизни и судьбе;

2) установление молитвенного общения русских православных людей в эмигрантском рассеянии с этими центрами для взаимной духовно-нравственной поддержки и собирания духовных сил для противостояния безбожию и творимому им злу;

3) оказание материальной поддержки очагам православия;

4) содействие их церковно-просветительской работе.

ПРИМЕЧАНИЕ: Под очагами православия понимаются: русские православные монастыри, обители, подворья, миссии, приходы, школы, имеющие целью религиозное воспитание детей в духе православной церкви, православные организации мирян и группы православных людей, одиноко живущих среди иноверцев в различных странах.

II

Комитет осуществляет свою работу под покровительством Святейшего ВАРНАВЫ Патриарха Сербского⁶⁹ и под почетным председательством Великой Княгини КСЕНИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ⁷⁰.

⁶⁹ Патриарх Варнава (1880–1937) был известен своей помощью эмигрантам.

⁷⁰ Вел. кн. Ксения Александровна (1875–1960), сестра имп. Николая II.

III

Для достижения поставленной цели Комитет развивает следующие виды деятельности:

- 1) организует доклады и сообщения осведомительного характера;
- 2) издает соответствующую литературу;
- 3) содействует устройству общежитий и общин при центрах русского православия;
- 4) устраивает паломничества к русским православным монастырям и святыням;
- 5) ведет переписку с очагами православия;
- 6) собирает средства для оказания им материальной помощи;
- 7) содействует образованию местных комитетов помощи очагам православия в странах русского эмигрантского рассеяния.

ПРИМЕЧАНИЕ 1. Местные комитеты образуются в различных странах с благословления правящих иерархов и в развитии своей деятельности руководствуются настоящим положением.

ПРИМЕЧАНИЕ 2. Они согласуют свою деятельность с работой Русского Комитета Помощи Очагам Православия путем переписки и присылки представителей.

IV

Комитет состоит из семи членов, предложенных инициативной группой и утвержденных правящими архиереями Православной Русской Зарубежной Церкви той страны, где находится Комитет. В данный момент Комитет имеет свое местопребывание в Париже и развивает свою деятельность с благословления и при поддержке Митрополита ЕВЛОГИЯ и Архиепископа СЕРАФИМА⁷¹.

ПРИМЕЧАНИЕ: На место выбывших членов Комитет намечает новых лиц, каковые представляются на утверждения правящих архиереев.

⁷¹ Вначале викарный епископ, позднее митрополит Пражский, Серафим (Лукьянов; 1879–1959)

V

Почетными членами Комитета состоят все епископы Православной Русской Зарубежной Церкви, изъявившие на то свое согласие.

VI

Комитет избирает из своей среды председателя, секретаря и казначея, каковые лица образуют деловое бюро Комитета. Для ведения работы деловое бюро привлекает технических работников из лиц, желающих сотрудничать в деле помощи очагам православия.

VII

Средства Комитета <образуются> из пожертвований, сборов по церквям и проч. При наличии недвижимой собственности, таковая управляется на основании особого положения, выработанного Комитетом в каждом частном случае. Проверка денежной отчетности Комитета производится раз в год особой комиссией, образуемой Комитетом из лиц, не входящих в его состав, и утвержденной правящими архиереями.

ПРИМЕЧАНИЕ 1. Местные комитеты, употребляя свои средства в помощь очагам православия по своему усмотрению, представляют часть своих средств в распоряжение Русского Комитета Помощи Очагам Православия для более равномерного распределения всей помощи очагам православия.

ПРИМЕЧАНИЕ 2. Два раза в год местные комитеты представляют Русскому Комитету Помощи Очагам Православия свои финансовые сводки для согласования финансовых начинаний и распределения помощи очагам православия.

VIII

В случае прекращения деятельности Русского Комитета Помощи Очагам Православия все его средства поступают в распоряжения Святейшего ВАРНАВЫ патриарха Сербского для оказания помощи русским православным монастырям за рубежом.

от руки, приложение – машинопись, шифр № 285 (Fondo Demidoff, ASPF)

41

архимандрит Симеон (Нарбеков)
(Рим)

Roma

v. Palestro 71⁷²

9/22 сент. 35 г.

Многоуважаемый
Федор Матвеевич!

Не откажите передать Княгине, что, Бог даст, я приеду 2-го окт. в Pratolino, согласно ее желанию, для совершения Богослужения, если только что-либо экстренное и непредвиденное не удержит меня в Риме. Привезу с собой все необходимое и для литургии, и для панихиды. Приедет со мной и о. диакон⁷³. Но я хотел бы знать, будет ли он за псаломщика и певчего, или же Княгиня хочет, чтобы и он служил со мною, а петь будет кто-то из флорентийских псаломщиков. Это нужно знать, чтобы решить, привозить ли диаконское облачение и готовиться ли к совершению таинства самому о. диакону.

Облачение привезу легкое, белое. Заранее попрошу приготовить три стола, покрыть белым: один для престола, один для жертвенника и один маленький и низенький для панихидного креста, который будет привезен. На престол нужны два подсвечника с восковыми свечами, на жертвенник – один. Малые панихидные свечи я привезу. Уверен, что княгиня устроит все благолепно и красиво.

Обыкновенно я останавливаюсь в гостинице Milano, где Вы нас с диаконом и найдете. Во всяком случае, я еще раз напишу Вам, а пока жду ответа относительно о. диакона. Мне лично думается, что служение диаконское при совершении литургии в комнате благолепия не прибавит. Впрочем, Княгиня как хочет.

⁷² По этому адресу и ныне находится русская православная церковь Св. Николая Чудотворца.

⁷³ Андрей Арсеньевич Копецкий (Оренбург 1885 – Бари 1963) в 1914 г. был командирован в Рим в качестве диакона, с 1939 г. – священник и настоятель русской церкви в Бари.

Прошу Вас засвидетельствовать ей мое почтение.
Шлю привет Вам и Вашей супруге.

Ваш почитатель и слуга покорный
Архим. Симеон

от руки, шифр № 189 (Fondo Demidoff, ASPF)

Архимандрит Симеон (Нарбеков Сергей Григорьевич; Сергиев Посад 14.7.1884 – Рим 17.1.1969) – многолетний, с 1916 по 1963 г., настоятель русского православного прихода в Риме. Письмо к секретарю княгини Ф.М. Галке свидетельствует о его регулярных визитах в Пратолино с целью совершения панихиды по покойному супругу княгини, князю С.С. Абамелек-Лазареву, скончавшемуся в сентябре (19 сент. ст.ст. 1916 г.). Переписка о Симеоне с княгиней, вероятно, была обширной, т.к. он являлся ее духовником, однако в Fondo Demidoff сохранилось лишь еще одно краткое письмо к ней из Рима от 2 октября 1934 г. (шифр №193), где архимандрит сообщает о проведении панихиды по ее покойному супругу и о восстановлении полного литургического общения с нею и с флорентийской общиной (в конце 1920-х гг. Русская Церковь в эмиграции пережила раскол, в результате которого община во Флоренции вошла в подчинение митрополиту Евлогию, а община в Риме – Синоду Русской Православной Церкви за рубежом).

42

А. Татищев
(Париж)

A. TATISTCHEFF
3, Rue Edmond Gondinet,
PARIS – 13°

17 марта 1936

Глубокоуважаемая Княгиня Мария,

только недавно узнал грустную весть о кончине моей двоюродной сестры Софиньки Мещерской и о том, что Вам, по-видимому, известно место, где она в последнее время жила.

Решаюсь поэтому обратиться к Вам с просьбой сообщить мне, можно ли, по Вашему мнению, без особых опасений послать по тому же адресу небольшую посылку с продовольствием на имя Мани Карцевой, которая, насколько я понял, продолжала до конца жить с Софинькой.

Дело в том, что я довольно долго обменивался с Маней Карцевой редкими письмами по ее петербургскому адресу, но в прошлом году она просила приостановить письма, а затем была только короткая открытка, посланная, видимо, с пути, когда они вместе ехали в ссылку. Затем была еще открытка со штемпелем «Москва», но безо всякого указания, где и с кем она живет.

Поэтому, боясь ей невольно навредить, я и теперь не решаюсь ей писать, но очень хотелось бы сделать к Пасхе маленький подарок в виде посылки, чего не могу за неимением у меня ее настоящего адреса.

Графиня Елиз. Мих. Нирод мне говорила, что Вы, по Вашей доброте, им регулярно помогали. Оттого я и решился беспокоить Вас настоящими строками и просить Вас написать мне, можно ли без риска повредить делу послать и мне маленькую посылку на имя Мани Карцевой.

Прошу Вас, Княгиня, верить чувству глубокого моего уважения и искренней преданности,

Алексей Татищев

(младший из Татищевых, племянник дяди Сережи Мещерского)

от руки, шифр dea2119 (Fondo Demidoff, ASPF)

43

А. Мясоедов
(Рим)

Рим, 19 Сентября [? г.]
Via Lutetia, 11

Многоуважаемый
Федор Матвеевич,

Александр Александрович Валентинов⁷⁴ проездом отсюда за границу остановился на несколько дней во Флоренции. Он, автор известной противобольшевистской книги «Штурм небес», переведенной на многие языки, а в настоящее время составляет удивительный по подбору редких фотографий и документов Альбом советских контрастов – слова и обещания... и действительность.

Я подумал, что Княгине Марии Павловне, так ценящей все непримиримое с Советской властью и борющейся с нею, будет интересно ознакомиться с работами А.А. Валентинова и с его самыми дальними на этот счет предположениями; поэтому я и обращаюсь к Вам с просьбой представить его Княгине. В наше безобразное время заискиваний у большевиков и всяческого соглашательства нельзя особенно не ценить упорную и действительную работу с силами Зла и не помочь ей.

Примите мой искренний привет.
Преданный
А. Мясоедов

от руки, шифр 125 (Fondo Demidoff, ASPF)

⁷⁴ А.А. Валентинов, настоящая фамилия А.А. Ланге (1892–1957), участник Гражданской войны, в эмиграции (во Франции) — журналист.

43 bis

11.Via Lutetia
tel. 38-014
Октябрь 1929

Глубокоуважаемая
Княгиня Мария Павловна,

Только что был в Министерстве Иностранных Дел, где мне показали решение Суда 2-й инстанции (апелляция), присуждающее передачу Барийского Подворья большевикам, или, вернее, их подставным лицам – новому, ими образованному Палестинскому Обществу, имеющему другой устав и преследующему совсем другие цели, чем прежние.

Решение от 2-го августа, опубликованное в постановлениях Суда 30 сент., но, по-видимому, еще не обнародованное в официальной газете. Т.к. по итальянскому закону решение Суда 2-й инстанции приводится в исполнение немедленно, не выжидая результата кассационной жалобы, то Подворью грозит опасность быть переданным большевикам, как только последует объявление решения *в газетах*.

Мы стараемся поэтому 1) отсрочить это опубликование и 2) добиться тем временем того, чтобы Правительство *нашло способ* задержать передачу большевикам Подворья до исхода кассационной жалобы.

В этом нам помогают кое-какие власти, но удастся ли наше старание, сказать невозможно.

Во всяком случае, подача кассационной жалобы необходима, т.к., во-первых, есть надежда на ее благоприятный для нас исход, и, во всяком случае, дело затянется еще на год-два.

Все это хорошо при непременно, однако, условии, чтобы Подворье не было тем временем занято большевиками...

Одним из затруднений к ведению дела в Кассационном суде является полное отсутствие у Подворья средств, так как даже жильцы, нанимавшие квартиры, узнав, что дело проиграно, разбежались... и, значит, и наемная плата больше не поступает.

Покончив с изложением дела в Бари, хочу воспользоваться этим случаем, чтобы осведомить Вас об одном большом и хорошем русском деле.

Зная Вашу горячую отзывчивость ко всякому патриотическому противобольшевистскому начинанию, я не сомневаюсь, что Вам интересно будет услышать о нем.

С окончанием белой борьбы часть белых войск не разоружилась и не ушла за границу. Она осталась в России и, укрываясь по лесам и болотам, главным образом в Полесье, уже десятый год ведет партизанскую войну с большевиками. Сперва разрозненные отряды со временем связались между собой и образовали Братство Русской Правды. Оно разрослось в большое дело, распространилось по всей России, особенно по ее окраинам – Белоруссия, Малороссия, Кавказ, Сибирь и Дальний Восток. Везде каждодневно не на жизнь, а на смерть бьются ее отряды, убивая отдельных коммунистов, взрывая их мосты, дороги и казенные здания, устраивая покушения и широкой волной распространяя по всей России свою пропагандную [sic] литературу – летучие листки и газету «Русская правда», тысячи №№ которой с опасностью <для> жизни переносят через границу. Газета издается, конечно, за границей и призывает население свергать советскую власть. Управляется Братство «Верховным Кругом», имеющим местопребывание за границей. Имена членов Верховного Круга из конспиративности никому неизвестны. Они, как и простые братчики, вместо имени отмечены №№ – «Брат № такой-то».

Могу назвать Вам только имена двух членов Верховного Круга, так оба они уже покойники. Это – Генерал П.Н. Врангель и Герцог Г.Н. Лейхтенбергский⁷⁵. Их имена говорят <сами> за себя.

Братство не вербует бойцов в России из-за границы. Людей у них, желающих сражаться с большевиками, сколько угодно. Дело могло бы разрастись во всеобщее восстание, к чему братство и ведет дело, если бы не стеснение в средствах, не дающее развить деятельность во всю ширь.

⁷⁵ Герцог Георгий Николаевич Лейхтенбергский (СПб. 1871 – Бавария 1929), правнук Николая I.

Русские же люди за границей могут помогать братству, только вступая в ряды его заграничных отделов и собирая средства как на издание газеты и листовок, так и на приобретение лекарств и перевязочных средств для сражающихся в России. Там местами такая нехватка медикаментов, что раны перевязывались старыми газетами, рванными рубашками и т.д. Если бы Братство Русской Правды Вас заинтересовало, и Вы м.б. захотели бы вступить в его ряды, не откажите ответить *мне* на это *предложение, делаемое мною по поручению Верховного Круга*. Я найду способ довести о сем до сведения Братства, и оно само войдет в переписку с Вами. К сожалению, не могу прямо дать Вам их адрес, так как он тоже законспирирован. Эта тайна необходима для успеха борьбы.

Посылаю Вам при сем № газеты «Русская правда» (последний), их обращение к «русской женщине» и объяснение, что такое братство (по-английски).

Почтительно целую Вашу ручку и прошу принять уверение в моей искренней преданности

А. Мясоедов

от руки, шифр 64 (Fondo Demidoff, ASPF). Приложения к письму:

1) «Русская правда. Голос вольной русской национальной мысли», июль-август 1929 г.; 2) листовка «Русской изгнаннице», написанная и подписанная П. Красновым; 3) листовка «The Brotherhood of Russian Truth [Братство Русской Правды] (1929)».

Александр Александрович Мясоедов (1876 – Рим 1964) – камергер, статский советник, первый секретарь российского императорского посольства.

Организация «Братство Русской Правды» была учреждена летом 1922 г. в Берлине; его основателями стали герцог Г.Н. Лейхтенбергский, генерал П.Н. Краснов и литератор С.А. Соколов-Кречетов. В журнале «Русская Правда», выходившем в 1922-1933 гг. и в первые два года финансировавшемся Врангелем, руководство «Братства» пыталось представить стихийную активность белорусских национальных отрядов (т.н. «Дружин Зеленого Дуба») и не-

значительных остатков террористических организаций Савинкова и Булак-Балаховича, как направляемую из единого центра в Берлине. Когда же эта активность была подавлена ОГПУ, руководство, в лице С.А. Соколова-Кречетова, занялось прямой фальсификацией (см. *Будницкий О.* Братство Русской Правды – последний литературный проект С.А. Соколова-Кречетова // Новое Литературное Обозрение, № 64, 2003).

44

Игумен Алексий (Кириевский)
(Мурмелон)

2/15 января 1936
день памяти Пр<еподобного> Серафима

Ваше Сиятельство,

Много слышав о Вашем трогательном отношении (с чувством) к нуждам нашей Зарубежной Церкви, я беру смелость обратиться к Вашему Сиятельству с смиренной просьбой оказать посильную помощь нашему скромному Скиту, который переживает в данный момент очень тяжелое состояние.

Прилагаемый печатный листок укажет Вам цель основания Скита и его молитвенный обительский Устав.

Начало Скита положено мною на собранные деньги от 2-х зарубежных командоров (в Гамбурге) на Рождественские Святки и Св. Пасху. Путем продажи некоторых личных вещей и сбора <средств> среди парижской русской эмиграции, Господь мне помог купить землю (один гектар), поставить барак, устроить помпу (насос) (воды нет), устроить Церковь, снабдить утварью, иконами, приобрести необходимую мебель, посуду и проч.

С 2-мя учениками (рясофор<ными> иноками), образованными (офицеры), положено начало Скита.

Понемногу пошли жертвы, но никакого (fixe) определенно-го пособия мы до сего времени не получаем ни от кого. Соседи-французы относятся очень хорошо (ради военного кладбища)

и много помогают хозяйственными вещами. Русские люди рады, что в эмиграции возникает русская иноческая обитель.

Обстановка у нас самая примитивная: солдатские железные кровати, тюфяки, набитые сеном, мебель, приобретенная по дешевке.

Питаемся плодами своего огорода, так что теперь овощей покупать не приходится. Хотелось бы улучшить помещение (барак) для богомольцев.

Очень нужно бы иметь небольшой камион (camion [грузовик]) для поездки в город за провизией, в лес за дровами, к соседям за (*нрзб*).

Освещение у нас – керосиновые лампы; ни газа, ни электричества нет. Хорошо бы устроить плитку с газом.

Хотелось бы приступить к издательству, что возможно бы сделать, ибо мои ученики немного знакомы с типографским делом (работали у Арх. Виталия в типографии на Карпатах).

Если бы Вы, высокочтимая Княгиня, обратили свое просвещенное внимание и любвеобильное сердце на наш Скит, мы очень были бы Вам благодарны.

Сам я, дальний родственник известных славянофилов И.П. и Н.П.Кириевских, окончил курс Московского Университета на Историч. Филолог. факультете, 35 лет провел на Старом Афоне в Русском Пантелеймоновском монастыре, откуда был вызван В.П. [Высокопреосвященным] Евлогием для обслуживания русской эмиграции. Сейчас мне 65 лет. Кроме обслуживания кладбища, мы поддерживаем память всех Русских Святых, поминаем ежедневно празднуемых Русских Святых.

В чувстве глубокого уважения к Особе Вашей и любви о Господе своем смиренною иноческою всебратскою молитвою призываю на Вас благословение Господне

Игумен Скита
Алексий (Кириевский)

Адрес:
Négoumene Alexis Kiriewsky

Cimitière Russe, Mourmelon le Grand (Marne) Francia
от руки, шифр dea2081 (Fondo Demidoff, ASPF)

Архимандрит Алексей, в миру Владимир Леонидович Кириевский, иначе Киреевский (с. Анненское Ливенского уезда Орловской губ., 31.5.1870 – Франция 4.6.1945), в 1886 г. уехал на Афон и поступил в обитель Св. Пантелеимона, в 1887 г. принял монашество, перейдя на жительство в скит Фиваида, где деятельно участвовал в осуждении учения имяславцев. В начале 1920-х гг. эмигрировал во Францию. В 1925 г. по благословению митрополита Евлогия послан в Мурмелон, под Реймсом (в провинции Шампань), где в 1916–1918 гг. было погребено около тысячи русских солдат, павших в сражениях союзников-французов с немцами. В 1936–1937 гг. на территории скита Всех Святых по проекту архитектора А.А. Берна была возведена церковь-памятник Воскресения Христова.

45

М. Федоров
(Париж)

Председатель Комитета
по устройству памятника
русским войнам, павшим на
французском фронте.

79, Boul. St-Michel, Paris 5°.
Tél. Odéon 27-65.

20 апреля 1936 г.

Княгине М.П. Абамелек-Лазаревой

Глубокоуважаемая
Княгиня Мария Павловна,

Посылаю Вам воззвание Комитета по устройству храма-памятника русским войнам, павшим в Великую войну на французском фронте и погребенным на русском военном кладби-

ще в Сент-Илер-ле-Гран, председателем которого я состою. Из воззвания Вы ознакомитесь с историей возникновения Комитета и с задачей, им поставленной. В результате его деятельности не только получено разрешение французского правительства на устройство им церкви-памятника, но и собраны средства, которые позволяют установить уже фундамент храма-памятника, а 19 сего апреля и произвести закладку. Ныне продолжается работа по дальнейшему возведению стен, и в ближайшие два месяца мы рассчитываем, что вчерне постройка храма-памятника будет закончена и, таким образом, средствами обедневший русской эмиграции будет выполнено то, что осуществлено средствами самих правительств других союзных стран-участников войны для постановки однородных памятников павших в эту войну воинов каждой из этих стран.

Довести, однако, это дело до благополучного конца Комитет по устройству памятника сможет лишь при энергичном дальнейшем содействии ему всей русской эмиграции и по сбору средств, и при привлечении к участию в этом деле с ее помощью бывших участников войны других союзных стран.

В твердой уверенности, что Вы захотите нам всемерно помочь в этом большом русском национальном деле, я обращаюсь к Вам с усердной просьбой принять прилагаемые подписной лист, русское и французское воззвания, и не только внести личную на это дело лепту Комитету, но и использовать все Ваше влияние в русской и итальянской среде в Италии, чтобы собрать на это дело возможно значительные средства. За исполнение этой просьбы буду Вам искренне признателен.

Примите уверения в совершенном к Вам уважении и преданности.

Михаил Федоров

Приложение: подписной лист и воззвания.

машинопись, за исключением выделенного курсивом, шифр dea2159
(Fondo Demidoff, ASPF)

46

К.И. Кучум
(Рим)

Княгине Марии Павловне Абамелек-Лазаревой
Капитан кавалерии Константин Иванович Кучум

Прошение

Я, нижеподписавшийся, капитан Константин Иванович Кучум, обращаюсь со все покорнейшей просьбой к Вашему Сиятельству помочь мне на выезд в Китай, туда, где еще бьется русское сердце, где есть еще русская честь. Там высоко стоит русское имя и его можно защитить.

Ваше Сиятельство, благодаря некоторым типам, которые называют себя здесь русскими генералами, продавшим свою честь за шкурный вопрос и огрязнившим нас, офицеров, чтобы им самим получать различных пособий побольше, не сознавая того, загрязнено все русское имя.

Ваше Сиятельство, я – казачий офицер, 6 раз раненный в Германскую войну и 4 раза против большевиков, слезно прошу Вас – помогите мне, чем можете, дабы я мог выехать на Дальний Восток, т.е. в Китай.

Ваш покорный слуга
капитан К. Кучум

Via Borgo Pio, 41 – Roma
Sig. Costantino Koutchoumъ [sic]
5 febbraio 1934 – XII⁷⁶

от руки, шифр № 104 (Fondo Demidoff, ASPF)

⁷⁶ Т.е. двенадцатый год фашисткой эры – обязательная приписка к датам во времена Муссолини (адрес и дата написаны другой рукой, за исключением фамилии, которую сам отправитель написал латиницей, но с твердым знаком на конце).

47

В. Поклитарь
(Флоренция)

Ваше Сиятельство!

<...> Несмотря на мои сверхчеловеческие усилия, несмотря на вознаграждения, которые получаю с уроков русского и франц. языков, не имел никакой возможности скопить необходимую сумму в шестьсот пятьдесят лир, требуемую для записи в следующий учебный год и за таксы для работ в различных лабораториях и клиниках! В то же самое время политические события последних месяцев, выразившиеся в санкциях против страны мира, порядка и благоустройства, какова есть Италия⁷⁷, нанесли мне тяжелый удар, закрывши путь к получению какой-либо помощи со стороны моих родных, так что, выражаясь образно, нахожусь как соломинка в водном течении.

Ваше Сиятельство!

Я человек простой и довольствуюсь самым малым, веду очень скромный и простой образ жизни. Моя жизнь, в моей бедности, протекает бесцветно, безо всякой радости, без всякого удовольствия душевного и нравственного, одним словом, веду очень печальную жизнь и, когда я не слишком голоден, учу и читаю много, забывая о всех моих горестях, а когда голоден до невозможности, лежу в постели, думая и мечтая о лучшей участи или молю Господа, чтобы Он, по великой Своей милости, прекратил мои мучения, даруя мне смерть, конечно, телесную, избавительницу от всех дум, забот и мучений.

И все же, несмотря на эту мою Голгофу, борюсь, бьюсь, как рыба об лед, чтобы достичь конца этой науки – окончания медицинского факультета, войти в жизнь работником честным для общества и себе полезным, и не теряю надежды!!!

Имея ввиду вышеизложенное и без обиняков, по простоте моей души и моего характера, осмеливаюсь предложить Ваше-

⁷⁷ Речь идет о санкциях Лиги Наций после агрессии Италии против Эфиопии в октябре 1935 г.

му Сиятельству взамен помощи, которую Вы мне прислали бы, залог, выражающийся в трех квитанциях здешнего ломбарда. Но прежде всего земно молю Ваше Сиятельство не принять это в обиду или как оскорбление!!! Это есть моя гарантия, мое последнее богатство, и я готов пожертвовать всем моим малым достоянием, дабы достичь моей цели: окончания медицинских курсов. Одна из квитанций получена за микроскоп, который если бы его продать, всегда можно получить самое меньшее тысячу лир, он новый и последний технически; вторая – за подзорную трубу: подзорную трубу можно продать самое меньшее за сто лир, и третья – за часы марки «Омега», за них можно получить семьдесят лир. К этим трем квитанциям прилагаю еще одну в 50 лир, залог за электрическую энергию, уплаченный администрации дома, в котором проживаю. <...>

Надеюсь на Господа Бога, надеюсь и на Ваше милосердие, Ваше Сиятельство, что не откажете мне в помощи, заслужите вечную признательность глубокую, и Господь вознаградит Вас за это благодеяние, потому что Вы поможете человеку на полезное и благое дело.

Поздравляю Вас, Ваше Сиятельство, с праздником православным – Новым 1936-м Годом и Святого Василия Великого, коего имя ношу, да будет предстоятелем за Вас пред Всевышним, даруя Вам много лет счастья и полного здоровья без печали и всегда в радости, ибо Вы заслуживаете все это, как и благословение, признательность и глубокую благодарность со стороны всех облагодетельствованных Вашею щедростью, Великая Русская боярыня и Княгиня Светлейшая. Приветствую Вас с наилучшими пожеланиями, целуя почтительно Вашу руку.

Василий Поклитарь.

Firenze, 13 [I] – 31 [XII] – 1936. Via Giano della Bella, 12.

от руки, шифр dea2171 (Fondo Demidoff, ASPF)

48

Г. Иванов
(Флоренция)

[в «шапке» письма отпечатано]
Troupe Xenia <оборвано>
Canto – Danze – Quadri
Amministratore Georges Jvanoff

19 января <оборвано>
Флоренция [sic]

Ваше Сиятельство,

очень прошу меня извинить за то, что я осмеливаюсь Вас беспокоить моим письмом – я не в силах более продолжать то жалкое существование, в котором я сейчас нахожусь. Я, инвалид Великой войны и кончил ее уже с Добровольческой армией в 1920 г. Я, штабс-ротмистр с 1917 г. (до революции произведен приказом Его Императорского Величества). Я говорю на многих языках – перепробовал [большое] количество профессий (физическим трудом работать не в состоянии). Последняя моя идея быть импресарио труппы. Я ее создал и, объехав почти всю Италию, я все время работал только для артистов, так как все, что у меня оставалось, уходило на дорогу, чтобы их перевозить из города в город и чтобы мне заранее им делать контракты. Приехав из Бельгии ... <оборвано>.

Здесь у меня ничего нет, кроме долгов. Жена моя пела, но теперь потеряла совершенно голос, и сейчас я и жена примкнули к другой компании. Хозяйка этой компании – балерина Большого Императорского театра Мария Андреевна Есипова, но у нее, кроме умения танцевать и своих артистов, на которых она работает, ничего нет. Помочь мне она ничем не может.

У меня к Вам большая просьба. Я хотел бы уехать обратно в Бельгию. Я говорю великолепно по-французски и всегда в Бельгии зарабатывал себе кусок хлеба. По-итальянски я говорю, наоборот, очень плохо, так как не в силах менять произношение, к которому я привык, говоря в течение 9 лет только по-французски. Конечно, я смог бы усвоить и итальянский, но вижу, что

в Италии невозможно заработать ничего. Мне сказали, что Ваше Сиятельство очень хорошо относитесь к русским эмигрантам и всем сердцем Вашим стараетесь им помочь: смею Вас уверить, что мое положение безвыходное и тяжкое. У меня трепанация черепа (рана в голову 21 мая 1916 г.), контузия всей левой стороны (был парализован), ранения в позвоночный столб и в обе ноги. Сидел девять месяцев в тюрьме у большевиков в г. Ленкорани, был приговорен к смерти, находясь на о. Сара. Был спасен Белой армией, мой же брат был расстрелян на моих глазах.

Прилагаю Вам документы, удостоверяющие мое имя и то, что я был офицером и ранен.

Я к Вам приеду за ответом в воскресенье 21 января, так как завтра утром должен ехать за контрактом для компании. Надеюсь, Ваше Сиятельство, Вы меня поймете и поможете мне.

Прошу принять уверения в моем совершенном к Вам почтении и уважении.

Штабс-ротмистр Г<еоргий> Иванов.

от руки, шифр № 12 (Fondo Demidoff, ASPF), в правом верхнем углу – фотопортрет, вероятно, М.А. Есиповой.

49

Барон Дандес
(Рим)

Глубокоуважаемая княгиня Мария Павловна.

Почему я Вам пишу по-русски? Более 30 лет прошло с тех пор, что русский язык был мне близок, так как это родной язык моей матушки. С ее кончиной я понемногу отвык от этого богатого и чудного языка.

Мы с женой и ребенком (7 лет) живем в Риме с ноября 1931 года и однажды мы посетили могилу Malvida von Meysenburg⁷⁸,

⁷⁸ Мальвида фон Майсенбург (1816–1903), немецкая писательница, похороненная на римском некатолическом кладбище Тестаччо.

которая лежит возле (вблизи) сына W. Goethe⁷⁹. Случайно, подле памятника великому художнику Брюллову, пришли на могилу моих милых Флеровых, протоиерея Христофора Александровича и жены его Александры Александровны⁸⁰. Здесь я прочел Ваше имя и как почитатель покойного сказал Вам «спасибо», что Вы постарались сохранить память этого достойного пастыря.

Отсюда Вы поймете, княгиня, что мне пришла мысль просить Вас, если Вы будете в Риме, дать мне возможность услышать от Вас подробности о последних годах жизни Флеровых, а также просить Вас, если это Вас не затруднит, сообщить мне, жива ли их дочь Наталья Христофоровна и где она?

Не знаете ли Вы что-либо о судьбе архимандрита Филиппа, которого до назначения в Рим я знал как Сергея Гумилевского, ректора Троице-Сергиевской лавры⁸¹. Жив ли он? Последний раз мы виделись в Риме в апреле 1914 года.

Простите за беспокойство и удостойте, княгиня, принять уверения в глубоком моем уважении и преданности.

Вашего сиятельства
покорный слуга
барон Дандес

⁷⁹ Август фон Гете (1789–1830) — единственный сын писателя.

⁸⁰ На могиле протоиерея Христофора Флерова на кладбище Тестаччо — плита с надписью: «Сия плита сооружена княгиней Марией Павловной Абамелек-Лазаревой своему любимому духовнику». О Наталье Флеровой см. ее письмо (№ 16) в настоящем издании.

⁸¹ Архимандрит Филипп (в миру Сергей Гумилевский) служил в 1914–1916 гг. настоятелем посольской русской православной церкви в Риме; скончался в тюрьме г. Иваново в 1936 г.

50

Н. Посохов
(Турин)

Турин
23/10. 1945
presso G.B. Sita
via della Misericordia n. 1

Ваше Сиятельство,
Глубокоуважаемая княгиня!

Вчера я получил через коммерческий банк Вашу великодушную материальную поддержку в размере тысячи лир (1000 лир). Думаю, Вы можете понять и представить мое глубокое чувство благодарности, которое нельзя изобразить на бумаге словами, а лишь чувствовать. Спешу, однако, добавить, что цель моего письма была и остается всегда оказать Ваше авторитетное влияние, где следует, дабы мне увеличили месячное пособие, так как на пособие в 575 лир в месяц существовать невозможно. Я эту зиму целиком провел в так называемом Ospizio Convalescenti [приют для выздоравливающих], плачу ежемесячно за пансион тысячу пятьсот лир (1500). Правда, я зарабатываю, но моего заработка хватает только на пансион, и я не могу на эти деньги обуться и одеться, что стоит теперь очень дорого.

В Ospizio монашки итальянские очень добрые.

Я принял предложение переехать в Турин работать, чтобы не быть отправленным в Россию союзниками, которые хотели меня из Рима, из лагеря беженцев-иностранцев, который был в Cinecittà, отправить в Бари, в русский лагерь.

Я не имел выхода и принял предложение переехать в Турин работать по составлению русско-итальянского самоучителя для итальянцев, но издатель большой сквалыга и эксплуататор.

К моему несчастью, я лишился моих пишущих машинок и должен зависеть от других.

Еще раз выражаю мою благодарность и желаю Вам всяческих благ.

Признательный
есаул Посохов Николай

от руки, шифр dea2348 (Fondo Demidoff, ASPF)

Княгиня оказывала корреспонденту многолетнюю помощь: в Fondo Demidoff существует письмо от 4.9.1931 (шифр dea1260) от председателя «Русской колонии в Тоскане» В.И. Ярцева (1878 – Рим 1946), где обращается внимание на бедственное положение Ник. Посохова, проживавшего в инвалидном доме в Галлуццо, под Флоренцией.

Упомянутый в письме Н. Посохова лагерь для перемещенных лиц, т.н. Ди-Пи (от англ. «displaced persons»), был устроен в 1945 г. союзниками в помещениях римского киногородка (Cinecittà). Для эмигрантов находиться там было небезопасно, т.к. советские органы разведки (СМЕРШ) добивались, и зачастую успешно, выдачи в СССР «предателей родины».

51

князь П.Ф. Долгорукий
(Эдинбург)

[1947?]

Ваше Сиятельство Княгиня!

Узнал из журналов, что Вы находитесь в Италии, и сейчас же Вам пишу. Я, Петр Феодосьевич Долгорукий, скитаюсь уже 9-й год. Мой отец, Князь Феодосий Долгорукий, умер в 1931 году в г. Луцке, в Польше. Я тогда имел всего 15 лет и до 1937 года жил вместе с матерью моею, княжной Анастасией Федоровной Голицыной; в том же году она закончила свою жизнь, и я остался круглым сиротой. В 1939 году война выбросила меня за границу Польши в лагерь Сов. Союза, где [я] должен был изменить свою фамилию, там же перенес ужас и мучения, откуда с Божьей помощью вырвался и приплыл в Англию.

Прошу Вас, пришлите мне книгу «Род нашего княжества» и пишите ко мне даже ежедневно, потому что не имею больше никого на Божьем свете и с тоски умираю.

Ваш преданный и сейчас досмертный друг
Петр Феодосьевич Долгорукий

Мой адрес: Edinburg
Polish Forces 575
Tym Croes camp
Anglesey-Vales
England

от руки, шифр dea2447 (Fondo Demidoff, ASPF)

52

о. Владимир Любимов
(Ницца)

Ваше Сиятельство,
Глубокоуважаемая Княгиня
Мария Павловна!

Поздравляю Вас с наступающим Великим и Светлым Праздником Рождества Спасителя нашего, этою, как он называется в церковных книгах, зимнею Пасхою, и шлю Вам мои самые сердечные, молитвенные пожелания здоровья, благоденствия и помощи от Господа во всех благих делах и начинаниях Ваших.

С 24 ноября (7 дек.) до 31 дек. (18 дек. ст.ст.) мы были утешены приездом и пребыванием здесь нашего дорогого Владыки Митрополита⁸²; к сожалению, остаться здесь хотя бы в часть Праздника для него не было возможности, и Владыка, отслужив соборне с архимандритом Саввою⁸³ и нашим Ниццким причтом торжественный новогодний молебен, вечером 31-го декабря отбыл в Париж с архимандритом Саввою.

Я лично и многие из наших прихожан были очень огорчены неожиданной кончиною досточтимого Владыки Епископа Иоанна⁸⁴; смерть его – большая потеря не только для его флорен-

⁸² Митрополит Владимир (Тихоницкий).

⁸³ Архимандрит Савва (Шимкевич Сергей Александрович; Варшава 1899 – Париж 1961), участник Гражданской войны в рядах Добровольческой Армии на южном фронте, в эмиграции окончил парижский Св.-Сергиевский Богословский Институт (1932), с 1935 г. священник.

⁸⁴ О еп. Иоанне (Куракине) см. прим. 67.

тийской паствы, но и для всей нашей епархии, т.к. он стяжал общее уважение среди всех, знавших его и в мирском звании, и особенно как доброго пастыря.

Приходская наша жизнь протекает без особых перемен, хотя число прихожан порядочно уменьшилось вследствие кончины многих престарелых и даже некоторых нестарых лиц, а с другой стороны – отъезда людей молодых и среднего возраста в поисках работы и занятий, которых в Ницце не всегда легко найти. Все же посещаемость нашего Собора (и даже старой церкви⁸⁵) по воскресным и праздничным дням <неплохая>. <...>

Еще раз позвольте пожелать Вам доброго здоровья и всякого благополучия на Новый 1951-й год; будем надеяться, что, несмотря на события в Азии, в Европе, Господь благословит люди Своя миром и в наступившем году.

Искренне почитающий Вас, преданный и всегда признательный Вам за Ваше неустанное внимание ко мне, усердный Ваш богомолец –

Протоиерей Владимир Любимов

г. Ницца

20 декабря 1950 / 2 января 1951

вечер

от руки, шифр 227 (Fondo Demidoff, ASPF)

Протоиерей Владимир Любимов – настоятель собора г. Ниццы. В Fondo Demidoff хранятся еще три письма о. Владимира Любимова из Ниццы, обращенные к секретарю княгини Ф.М. Галке: 1) от 17 апреля 1929 г., где он уклоняется от приглашения княгини приехать на Пасху во Флоренцию из-за своих пастырских обязанностей во Франции и предлагает обратиться непосредственно к митрополиту Евлогию (в т.ч. передает привет Галке от протодиакона А.А. Победоносцева) (шифр dea358); 2) от 2 мая 1929 г., где выражает согласие на приезд в Рим в начале лета

⁸⁵ Имеется в виду церковь св. Николая Чудотворца, построенная в 1857–1859 гг.

и указывает на сложности в оформлении итальянских виз для русских эмигрантов, для которых необходимо специальное разрешение Министерства Иностранных Дел в Риме, а также на невозможность пересечения границы с золотой и серебряной церковной утварью (шифр dea407); 3) от 27 июня 1929 г., где благодарит за прекрасную организацию его визита в Рим и сообщает, что в списках старост Ниццкого прихода за 1868 г. (старосты избирались на один год) указан «князь С. Абамелек», и хотя князь Семен Давыдович Абамелек-Лазарев⁸⁶ был армяно-григорианского вероисповедания, старостой был именно он, т.к. другие Абамелеки с инициалом «С» не существовали (шифр dea439).

53

Юрий Дондуков-Изьединов
(Ней-Грюнвальд)

28 Июля 55 г.

18 Portenlänger Str.
Neu Grünwald bei München

Дорогая Анастасия Григорьевна [Галка],

Только что получил письмо из Парижа, где меня извещают о кончине Княгини Марии Павловны. Не могу Вам выразить, как я и Лиля глубоко потрясены. Светлая Память Княгини останется всегда в моей душе. Я все молился, чтобы Господь послал ей Свое благословение, и верю, что кончина ее была тихая и мирная. Много воспоминаний у меня связано с Княгиней и всегда с ее большой добротой и отзывчивостью, которые были помощью в горе и в тяжелую минуту. Знаю, какое это горе Вам, дорогая Анастасия Григорьевна, потому и пишу Вам, и верю, что и мне очень, очень горько на душе. Останусь здесь до конца августа и очень прошу Вас мне написать, когда у Вас будет время, ибо знаю, как Вы теперь заняты. Напишите мне,

⁸⁶ Князь С.Д. Абамелек (1815–1888), отец князя Семена Семеновича, генерал-майор в отставке, плодовитый художник-любитель и иконописец. С 1873 г. ему была присвоена также фамилия тестя Лазарев, последнего представителя дворянского рода Лазаревых по мужской линии.

как скончалась Княгиня и где ее похоронили? Очень, очень грущу, и Светлая ее Память умрет вместе со мной.

Верьте, что думаю о Вас.

Примите наш самый сердечный привет.

Глубоко уважающий Вас

Юрий Дондуков-Изъединов

Я здесь видел очень хорошего Профессора и мне уже много лучше.

от руки, шифр 435 (Fondo Demidoff, ASPF)

МЕМУАРЫ

о. Владимир Левицкий
«ГЛАВНЫЕ ЖЕРТВОВАТЕЛИ
ФЛОРЕНТИЙСКОГО ХРАМА»¹

Об авторе

Левицкий Владимир Иванович (1843, с. Сеяновичи, Гродненская губерния – 2.7.1923, Флоренция) – митрофорный протоиерей, из духовенства, сын сельского священника, был женат на дочери о. Иосифа Васильева, строителя и первого настоятеля Александроневского храма в Париже. Окончил Литовскую Духовную семинарию и С.-Петербургскую Духовную академию, магистр богословия и философии, священник в Ницце (1867-1878), настоятель Христо-Рождественского храма во Флоренции (1878–1922). Автор книги «Современные стремления папства» (СПб., 1908).

Приводим о нем воспоминание регента флорентийской церкви А.К. Харкевича (и его зятя):

«Настоятельством митрофорный протоиерей Владимир Иванович Левицкий, магистр С.-Петербургской Духовной Академии, прослуживший одиннадцать лет настоятелем ниццкой церкви, а с 1878 г. перешедший во Флоренцию. Чтобы дать представление об этом маститом священнослужителе, надо бы обладать даром Н.С. Лескова или составить целую монографию. Здесь приходится ограничиться общими чертами для обрисовки этого выдающегося представителя заграничного духовенства. Человек выдающихся дарований, высокообразованный, самостоятельный и властный, строгий и справедливый; замечательный писатель, изобразивший в своем труде “Современные стремления папства” политику Ватикана с исчерпывающим пониманием вопроса; вдохновенный и художественный

¹ Название для публикуемых отрывков дано нами.

оратор, удививший образностью своих проповедей такого “златоуста”, как знаменитый А.Ф. Кони; благоговейный совершитель богослужений, соединявший с простотой и спокойствием редкостное величие, которому способствовали патриархальное благообразие и необычайный по тембру и диапазону голос (бас) – вот черты и подробности впечатления, которое оставалось у знавших покойного пастыря флорентийского прихода. “По множеству болезней” своих и семейных горестей (из пяти чад осталась одна лишь дочь), о. Левицкий не мог проявить своих дарований в соответственном масштабе и остался навсегда во Флоренции, отказавшись от настойчиво предлагавшегося ему настоятельства в Париже. Удерживала его во Флоренции и заветная мечта построить православный храм в той именно Флоренции, где пятьсот лет назад был произведен соблазн так называемой Флорентийской Унией.

Публикуются отрывки из его «Журнала о сооружении русской православной церкви во Флоренции»², хранящегося в архиве этой церкви.

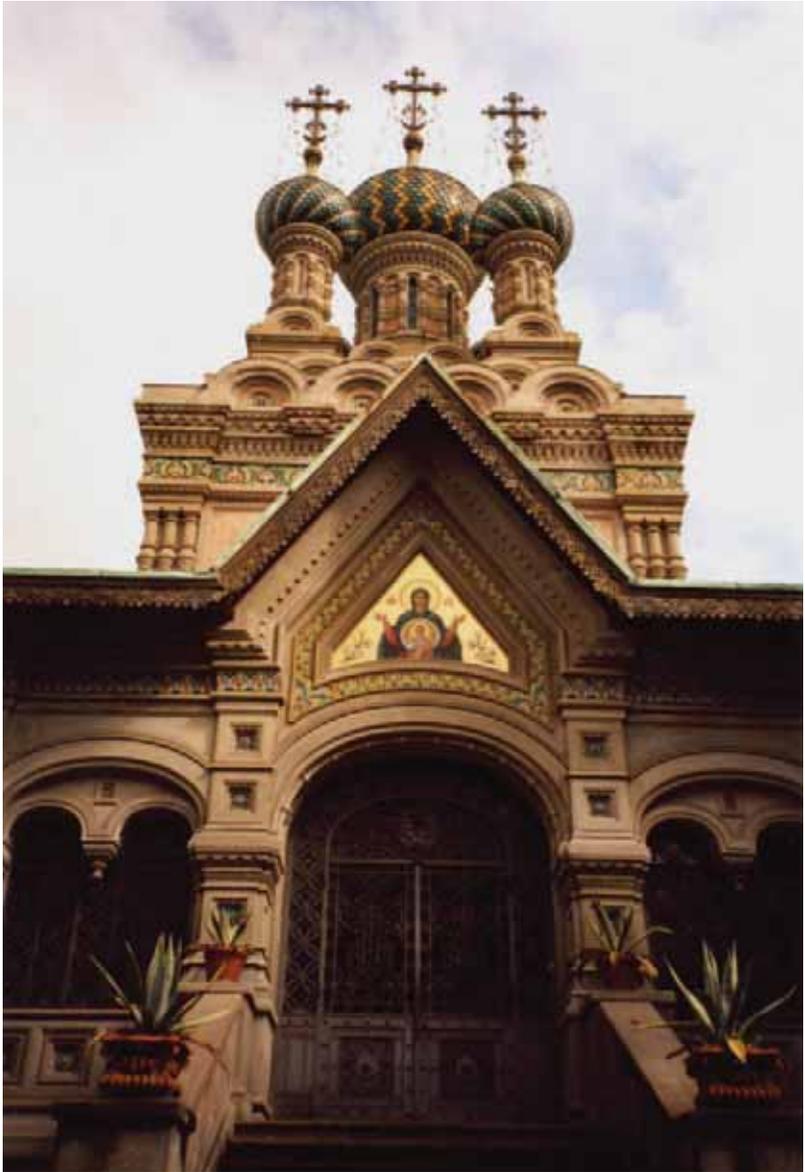
² См. перевод «Журнала...» о. Владимира Левицкого на итал. в сб. «La chiesa ortodossa russa di Firenze» (Livorno: Sillabe, 1998. P. 95–141); несколько отрывков опубликовано на русск.: Шедевр в «колыбели искусств». 100 лет русской церкви во Флоренции // Истина и жизнь. 2003, № 10. С. 32–37.

Настоятель православной русской церкви во Флоренции протоиерей Владимир Левицкий (1843–1923) с внучкой Ниной

Регент церковного хора Адриан Ксенофонович Харкевич (1877–1961)

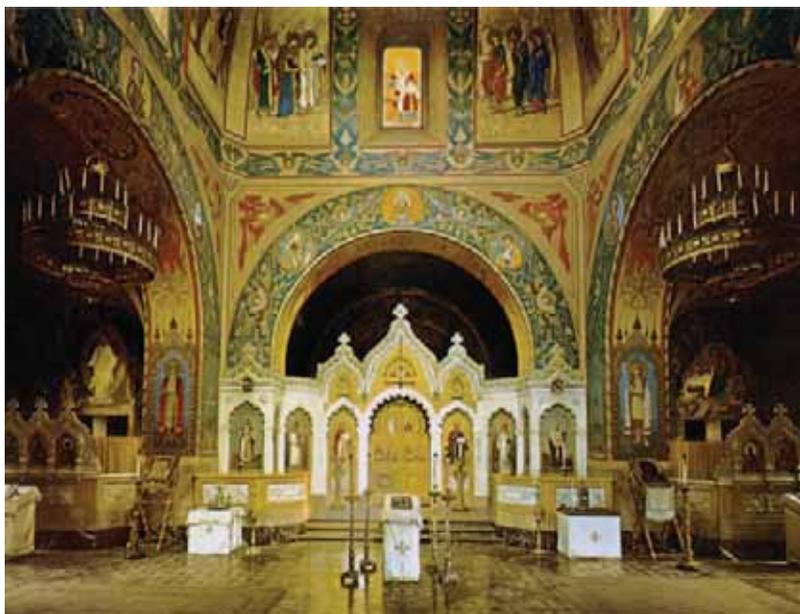

Флоренция. Православная русская церковь Рождества Христова и святителя Николая Чудотворца. Арх. М.Т. Преображенский.
Современная фотография

Деревянные двери работы итальянских резчиков Барбетти на главном входе флорентийской православной церкви с изображением сюжетов из Ветхого Завета. Прежде они украшали домовую церковь Демидовых в Сан-Дonato. Фотография 2000 г.

Здесь и далее (кроме последней страницы вклейки) иллюстрации из книги: «Православная Русская церковь Рождества Христова и святителя Николая Чудотворца во Флоренции», Флоренция, 2000 г.

Интерьер верхнего, Христорождественского, храма
флорентийской церкви с мраморным иконостасом
(резчик Дж. Нови; иконописцы А. Новоскольцев и М. Васильев).
Фотография 2000 г.

Царские врата верхнего, Христорожественского, храма
флорентийской церкви (М. Преображенский и М. Васильев).
Фотография 2000 г.

Иконостас нижней «демидовской» церкви во имя святителя Николая Чудотворца из домовй церкви Демидовых в Сан-Дonato.
Фотография 2000 г.

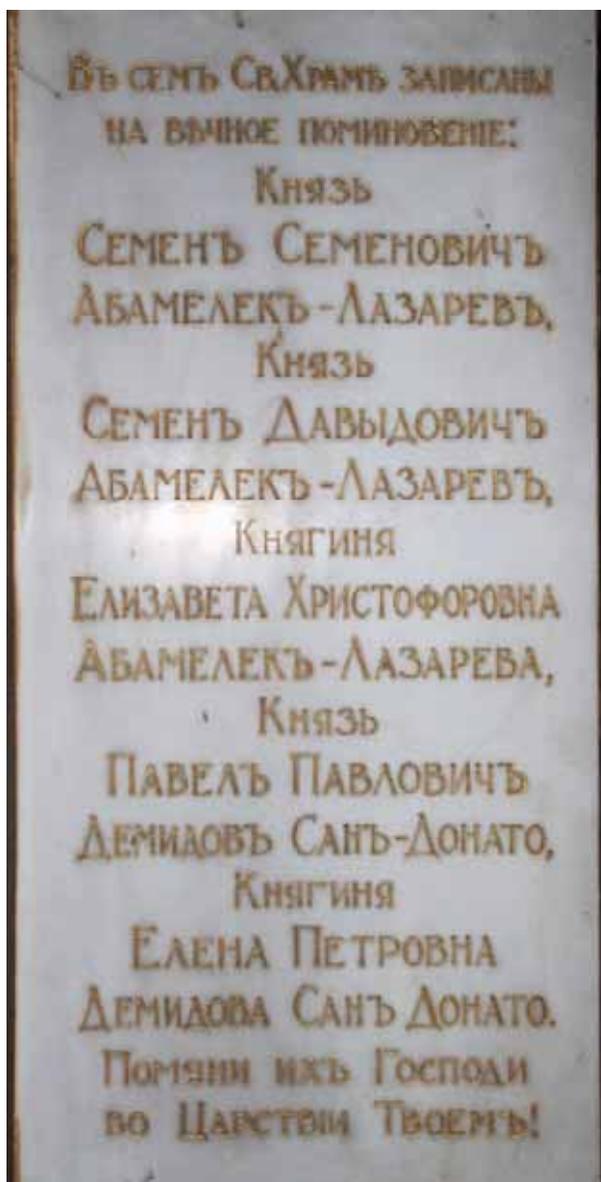
Мемориальная доска в нижнем, Никольском, храме флорентийской церкви в честь Павла Павловича и Елены Петровны Демидовых.
(имеется такая же доска на русском языке)

Текст на доске:

«ХРАМ СЕЙ СВОИМ БЛАГОЛЕПИЕМ ОБЯЗАН ЩЕДРЫМ
ЖЕРТВОВАТЕЛЯМ: ПАВЛУ ПАВЛОВИЧУ ДЕМИДОВУ КНЯЗЮ
САН-ДОНАТО, РОД. 9/21 ОКТЯБРЯ 1839 Г., УМ. 14/26 ЯНВАРЯ 1885 Г.,
И ЕГО СУПРУГЕ ЕЛЕНЕ ПЕТРОВНЕ ДЕМИДОВОЙ КНЯГИНЕ
САН-ДОНАТО, УРОЖДЕННОЙ КНЯЖНЕ ТРУБЕЦКОЙ,
РОД. 25 СЕНТЯБРЯ /7 ОКТЯБРЯ 1853 ГОДА, УМ. 28 ИЮЛЯ /10 АВГУСТА
1917 ГОДА»

Икона Святителя Николая Чудотворца
(художник А.Н. Новоскольцев)

Памятная доска о вечном поминовении в алтаре
верхнего, Христорождественского, храма
флорентийской церкви.

Фотография 2004 г.

№ 1

Декабрь 1897 г.

*Ход и положение дела построения православного храма
во Флоренции к концу 1897 г.*

*(Докладная записка настоятеля церкви
Императорскому послу в Риме А.И. Нелидову)*

Первая мысль о построении во Флоренции православного храма принадлежит в Бозе почившей Великой княгине Марии Николаевне в последние годы ее здесь пребывания (1873–74), о чем и сохранилось, вместе с рассказами лиц прикосновенных, несколько официальных документов³.

Действительное же начало делу положено было в 1879 г., когда Павел Павлович Демидов князь Сан-Дonato, пожертвовал здешней посольской церкви все принадлежности своей домовою церкви в Сан-Дonato ценностью до 300 тысяч лир⁴. На донесении о том настоятеля посольской церкви протоиерея Левицкого, в бозе почивший митрополит С.-Петербургский Исидор предложил ему осуществить по этому поводу давнюю мысль о построении во Флоренции храма взамен существовавшей дотоле походной церкви⁵, помещавшейся в наемном доме совместно со множеством частных всякого рода квартир.

Книга для сбора пожертвований выдана настоятелю в конце октября 1880 г.; во главе жертвователей значатся имена Их Вы-

³ Великая княгиня Мария Николаевна, жившая под Флоренцией на вилле Кварто, некогда принадлежавшей А.Н. Демидову, своим духовником имела о. Михаила Орлова, предшественника о. Владимира Левицкого; в беседах с о. Михаилом и родилась мысль о строительстве храма.

⁴ См. *Meloni Trkulja S. I Demidoff e la chiesa russa di Firenze // I Demidoff a Firenze e in Toscana, a cura di L. Tonini. Firenze: Olschki, 1996, p. 251–260; русс. перевод статьи «Демидовы и русская церковь во Флоренции», осуществленный В.И. Тарасенковой, см. в сб. «Петербургские чтения 98–99», СПб.: Петербургский институт печати, 1999.*

⁵ Походная церковь была отправлена во Флоренцию в 1815 г.; ее иконостас принадлежал походной церкви Александра I, сопровождавшей его во время наполеоновских войн.

сочеств Великих князей Сергея и Павла Александровичей (по тысяче лир), пребывавших в то время во Флоренции; затем Алексея Алексеевича Зубова – 4750 рублей Восточными облигациями; впоследствии, в 1885 г., вдова П.П. Демидова князя Сан-Донато, княгиня Елена Петровна, пожертвовала 75 тыс. лир. <...>

Одновременно с составлением проекта 1885 г. [М.Т. Преображенским] признано было нужным, по техническим соображениям, приобрести для храма новый участок земли на Via Lungo il Mugnone 29, тоже около 2 тыс. кв. метров, за 32 тыс. лир, то есть вчетверо дороже первого. Покупка эта, требовавшаяся настойчивым общим мнением прихожан⁶, облегчалась поступившим в это время значительным пожертвованием Е.П. Демидовой княгини Сан-Донато (75 тыс. лир), и на совершение оной, а равно на объявление к продаже прежнего участка, испрашено было разрешение посольства. <...>

№ 15

29 мая (11 июня) 1899 г.

Начало работ и молебствие

В субботу 29 мая (11 июня) начаты формальным и официальным образом строительные работы.

[Посол] Александр Иванович Нелидов, возвращавшийся из палестинского своего паломничества, утешил своим присутствием на скромном и столь давно ожидавшемся торжестве: он нарочно остановился для этого на один день во Флоренции на пути из Венеции в Рим вместе с младшим своим сыном Александром.

Предупреждены были об освящении начала работ все немногочисленные в это время во Флоренции соотечественники и единоверцы, но не все пожаловали; прискорбно было ничем не оправдываемое уклонение трех или четырех старожилок,

⁶ Как явствует из документов церковного архива, прихожане были недовольны названием улицы, где был первоначально куплен участок – виале ин Курва.

усердствовавших некогда в подписании адреса посольству о способах постройки церкви, о чем см. «Докладную записку». Собралось однако же на молебен душ 20-25, в том числе семейство Генерального консула А.А. Челебидаки, который сам находился в отпуске в России.

После молебна с водосвятием, совершенного в церкви (хор исполнил «К Богородице» Архангельского и «Святый Боже» Чайковского), вышли с пением «Спаси Господи люди Твоя» на место постройки, где с правой, северной, стороны будущего алтаря устроен был дощатый помост с холщовым обширным навесом для богомольцев на случай дождя: день был серенький.

Обхождение намеченного для церкви места начато, по уставу, с севера против солнца. Впереди шествовал о. Иоанн Левицкий, священник на должности псаломщика, с кадилом и образом Рождества Христова храмового праздника; за ним – настоятель с крестом и кропилом в сопровождении псаломщика Дмитрия Бережкова с великолепною водосвятною чашей из бывшей церкви Демидовых. <...>

№ 25

16(28) октября 1899 г.

«Чин основания церкви» или закладка

Невозможно передать всех бесчисленных хлопот, разъездов, поисков, переговоров, которые потребовали приготовления к торжеству. Они начались с 9 окт. н.ст., и тягость их увеличивалась печальным обстоятельством тяжелой болезни одного из членов семьи настоятеля, двухлетней внучки Надежды, возвратившейся из Петербурга в почти безнадежном состоянии.

Когда в четверг 14(26) октября прибыл из Рима г. посол с сыном, то лишь тогда сочтено было возможным разослать приглашения на церемонию закладки, на субботу 16(28) в 11 часов утра.

Большая часть приглашений была разослана с нарочным преимущественно местным властям, к коим предварительно сам настоятель с г. консулом являлись лично.

Лично же настоятелем переданы предварительные приглашения представителям различных инославных местных церквей, начиная с архиепископии Флорентийской. Там, за отсутствием архиепископа, не вступившего еще в должность, викарий его объяснил настоятелю, что по церковным римско-католическим правилам ни сам он, ни кто-либо другой из священников, ни даже из мирян католиков, не могут принять подобного приглашения, хотя и благодарят за внимание. Пасторы церквей не-католических приняли приглашение дружелюбно, и трое были приглашены и к завтраку<...>

Обряд «основание церкви» совершен по чину. К камню, в коем положена была медная доска с надписью, прикладывали известь: А.И. Нелидов, В.К. Саблер, г. консул <Челебидаки> и А.А. Зубов. Под хартией подписались и русские, и местные представители, кроме настоятеля, которому забота по подписям других и о предстоящем произнесении речи, помешала приложить свою подпись.

Завтрак пришлось устроить у «Doney» по неблагоприятию дома настоятеля. Тосты за завтраком: посол – за короля Гумберта; префект – за Царя; синдак⁷ – за русских вообще и Демидовых в особенности. <...>

№ 54

6(19) ноября 1900 г.

*Посещение работ их Императорскими Высочествами
В.К. Сергием Александровичем
и Великою княгинею Елисаветою Феодоровной*

Во время трехнедельного пребывания во Флоренции, их Высочества, присутствовавшие пять раз при богослужении в посольской церкви, а также посетившие пешком кладбище Degli Allori и на оном могилу А.Н. и А.В. Новицких (в воскресенье 5/18/ ноября в 3 часа пополудни), где совершена была

⁷ Итал. «*sindaco*», т.е. мэр.

причтом лития, удостоили также посетить и работы по сооружению храма, для коего Великим князем принесена была, в ноябре 1880 г., первая лепта.

Их Высочества прибыли к подъезду церкви в открытой коляске, в 3 часа пополудни, в сопровождении генерал-лейтенанта М.Н. Степанова и фрейлины княжны А.И. Лобановой-Ростовской. Встреченные настоятелем церкви и его помощником, священником Иоанном Левицким перед дверьми церковными, высокие посетители осмотрели, прежде всего, в притворе входную Демидовскую дверь резного ореха, предназначаемую для того же употребления в сооружаемом храме. Засим, отправившись в оный по временной деревянной лестнице, осмотрели внутреннее расположение храма и с похвалой отозвались обо всем, особенно о кладке сводов. Спрашивали, где и как будет помещена Демидовская церковь и как будет поставлен жалуемый Государем Императором иконостас. <...>

№ 61

*Заседания по делу храмоздания 11(24),
12(25), и 13(26) апреля 1901 г.*

<...> **4.** О способе употребления деревянных резных частей церкви Демидовых. За исключением входной резной двери Демидовых, переделываемой для главного входа верхней церкви, а равно двух киотов, также переделываемых для двух боковых внутренних дверей ее, все остальные принадлежности Демидовской церкви с их главнейшими иконами предназначаются к помещению в нижней церкви.

Подвергаются переделке и будут помещены: иконостас с клиросами, 10 киотов с иконами апостолов и части остальных 6-ти киотов по мере возможности (три киота будут служить дверьми в ризницы нижней церкви).

Алтарную же арку Демидовской церкви, конху абсиды и некоторые другие части, за невозможностью приспособить их к новому зданию, а также по причине значительного обветша-

ния, определено предать уничтожению законным порядком (сожжением в церковной печи). <...>

№ 76

*Пожертвование Елены Петровны Демидовой
княгини Сан-Дonato «на довершение храма»*

Когда стала очевидной невозможность закончить роспись церкви в надлежащей полноте на небольшие, оставшиеся на сей предмет средства, настоятель церкви предложил было обратиться с циркулярным воззванием о новых пожертвованиях ко всем ревнителям, а преимущественно к проживающим во Флоренции русским.

Воззвание, посланное на рассмотрение г. посла, составлено было следующим образом (январь 1890 г.):

«На сооружение русской церкви во Флоренции, по подписке, открытой, с надлежащего разрешения, в 1880 г., собрано доселе всего 162.264 лиры, считая в том числе и 75.000 лир, пожертвованных Е.П. Демидовой княгиней Сан-Дonato, а также 11.089 лир, пожертвованных А.А. Зубовым. <...>

Честь и достоинство русского имени, а еще более важность и святость дела храмоздания на чужбине не допускают мысли, чтобы светлое и возвышенное впечатление, на всех бесспорно производимое новосозданною первою в Италии русскою церковью, могло быть омрачено невозможностью выполнить ко дню ее торжественного освящения, 6(19) мая с.г., законченные и неизбежные обязательства по ее сооружению.

Во имя этих чувств и побуждений, долгом почитаю убедительнейше, именем Христовым, просить Вас, м<илостивый> г<осударь>, оказать посильную помощь достойному завершению богоугодного дела принесением добродетельного даяния на покрытие недостающей суммы.

Настоятель посольской церкви во Флоренции, протоиерей Владимир Левицкий».

Несмотря на убедительность аргументов воззвания и крайнюю надобность в деньгах для окончания расчетов, г. посол прямо и настоятельно заявил, что рассылка воззвания, особенно к русским, проживающим во Флоренции, для него, посла, крайне нежелательна, ибо «может возбудить много толков и нареканий и не принести существенной пользы». Такое мнение нельзя не признать основательным и дальновидным: с самого начала дела храмоздания так называемая флорентийская русская колония выражала свое внимание к этому делу не столько существенною ему помощью, сколько нареканиями, пререканиями и пересудами, о чем упомянуто (вкратце) в «Докладной записке»⁸. <...>

Направлено воззвание во Флоренцию: г. Смельскому, недавно обвенчанному в новой церкви, а, по его же указанию, к его матери в С.-Петербурге и к его дяде там же. Но никакого ответа от сих лиц не получено. Послано также воззвание к князю Петру Николаевичу Мещерскому в Ниццу, некогда (в 1888 г.) перенесшему во Флоренции жестокий тиф, вывезенный из Неаполя, а также послано было оно и к княгине Шаховской-Глебовой-Стрешневой, купившей Сан-Донато из 3-х домов за границей и дававшей в нем балы для международной

⁸ Вот как комментирует это А.К. Харкевич: «Двадцать пять лет, посвященных на усиленные старания по сбору средств на построение и на многолетнюю борьбу с бюрократическим саботажем построения со стороны наших дипломатов, закончились полной победой о. Левицкого, поддержанного, наконец, послом А.И. Нелидовым. Этот православный русский “болярин” сразу понял и оценил как самую идею построения, так и личность его инициаторов. Согласно намерению о. Левицкого и архитектора, академика Преображенского, решено было создать во Флоренции не столько приходской храм, сколько благолепный памятник Православия, хотя бы он и превышал потребности флорентийского прихода. Но прихожане из “вояжировавших” по заграницам бар находили и величие храма, и московский стиль ненужными и неподходящими для Флоренции. Решительная поддержка, оказанная о. Левицкому послом Нелидовым, опрокинула оппозицию разных “petits comités” [фр.: малых комитетов] местной колонии, и прекрасный храм во славу Православия красуется в одном из лучших районов Флоренции, привлекая многих туристов своим благолепием в невиданном ими стиле» (Дневник многих лет // архив Г.С. Дозмаровой-Харкевич, Флоренция).

публики; о нужде храмовоздания издавно ей докладываемо было словесно. Но и тут – не бысть ни гласа, ни послушания.

По совету некоей г-жи Станиславской, послано было воззвание в Одессу камергеру Г.Г. Маразли⁹ и Елене Петровне Демидовой княгине Сан-Дonato, а равно, по указаниям сей последней, пасынку ее Елиму Демидову, сыну Павла, которого крестил протоиерей Левицкий, и дочери – княгине Марии Абамелек. Последним 3-м персонам было писано особо, по выше-сказанному совету, когда еще сама княгиня Сан-Дonato на первую просьбу настоятеля хотя бы о заимообразном пособии отвечала решительным отказом. Повторительные просьбы к молодым Демидовым с приложением фотографий церкви остались без ответа.

Но невоцце слово Евангельское: толцйте и отверзется! Отверзлось по благодати Божией сердце Г.Г. Маразли, человека совсем незнакомого Флоренции, и он не только прислал немедленно тысячу рублей, но еще и трогательно благодарил настоятеля за дарованную ему возможность принять участие в добром деле.

Отверзлось тою же силою Божиею и сердце Елены Петровны: и она сначала, и депешей своего секретаря Торрини известила настоятеля, что жертвует десять тыс. лир на окончание храма, а потом через адвоката Леккини действительно внесла оные и тем избавила церковь, посла и настоятеля от очень затруднительного положения, от необходимости сделать род ипотеки или рассрочки платежей с уплатой процентов, на что согласились уже и мраморщик Нови, и каменщики Риччи и Камби – наибольшие кредиторы.

Не только посланы благодарственная депеша и письмо княгине, но и отслужен за нее молебен. Поминание ее чад и прежде было всегда на литургиях.

⁹ Григорий Григорьевич Маразли (1831–1907) – одесский купец и меценат, основатель городской публичной библиотеки; см. о нем *Папулидис К.К.* Греки в Одессе. Салоники: Изд. Братьев Кириакидис, 1999 (на греч. яз.).

№ 77

10(23) мая 1903 г.

Отсрочка освящения храма

*П*овно год времени протекло в безмолвии журнала. Много печального, но немало и утешительного пришлось за это время пережить. Казалось нередким, что не суждено было сбыться ожиданиям.

Первый предположительный срок освящения храма 6(19) мая, день рождения Государя Императора, невозможным оказалось осуществить по болезни А.И. Нелидова. По той же причине пришлось отказаться и от 14 мая, дня коронации. Предложение г. посла совершить торжество дня 21 мая (св.св. Константина и Елены), в тезоименитство главной жертвовательницы – Елены Петровны Демидовой, или же 25 мая, в день рождения Государыни Императрицы Александры Федоровны, оказалось неудобоприемлимым по тому главнейшему соображению, что в эту эпоху прихожан во Флоренции вовсе почти не было налицо, за разездом всех именитейших, и освящение пришлось бы совершать исключительно в присутствии иноверцев – местных властей и любопытных, праздно публички. Такое завершение многолетних трудов, скорбей и страданий казалось нежелательным, что охотно было принято во внимание г. послом, и, с его согласия и одобрения, торжество отложено было до осени 1903 г. <...>

№ 80

26 октября (8 ноября) 1903 г.

Освящение «верхнего храма»

*В*евзирая на несбывшиеся желания освятить храм архиерейским служением, торжество освящения не лишено было блеска и светлости, глубоко радостных и назидательных. <...>

Погода благоприятствовала. Крестный ход при выходе и при возвращении был сфотографирован многими фотографами, и снимки вскоре бойко пошли в продажу в разных лавчонках. Они были рассылаемы всем участникам торжества за счет церкви и всем прикосновенным к делу местным лицам и иногородним.

Но особый восторг и общее восхищение возбуждали кинематографические снимки крестного хода, в течение долгого времени привлекавшие целые толпы зрителей на площади Виктор-Эммануила. Предприниматель сделал немалое дельце и не раз возобновлял свои представления.

По окончанию освящения сказано было настоятелем слово на текст: «сеющие слезами радостью пожнут». Певчие пели превосходно!

А.К. Харкевич
«НЕПРЕСТАННАЯ ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА
НАШЕГО ХОРА»
(из «Дневника многих лет»)

Об авторе

Адриан Ксенофонович Харкевич прожил большую часть своей жизнь в Италии, во Флоренции, став одним из тех эмигрантов, про которых можно сказать, что не они оставили Россию, а Россия «оставила» их (заметим, что сам мемуарист эмигрантом себя не считал).

Харкевич родился в семье священника 13 (25) августа 1877 г. в селе Гольши Вольнской губернии, и принадлежность к духовному сословию определила и его выбор профессии, и жизненный путь. После учебы в духовной семинарии в Кременце, в 1902 г. он заканчивает С.-Петербургскую Духовную академию со степенью кандидата богословия и одновременно – Императорский Археологический институт. Талантливому выпускнику предложили место за границей, в Италии, и, получив его согласие, в сентябре 1902 г. назначили псаломщиком при посольской церкви в Риме, а ровно через год перевели в церковь во Флоренции, как выяснилось позже, – навсегда.

В городе на Арно он нашел сложившуюся русскую колонию, самыми яркими представителями которой были Демидовы князья Сан-Донато. Здесь же он обрел семью, женившись на Анне Левицкой, дочери настоятеля храма, маститого протоиерея о. Владимира. Свой талант Харкевич поставил на службу флорентийской церкви, а точнее – ее хора (имея все данные для духовной карьеры, он не принял священнический сан, ясно отдавая себе отчет – как рассказывала его дочь Нина Адриановна¹⁰ – в крупных недостатках своего

¹⁰ О Н.А. Харкевич см. *Талалай М.Г.* «Здесь родилась я, но родина там, далеко...» Поэзия Нины Харкевич // Русская мысль. № 4027, 28.04.1994. С. 14; *Он же.* Памяти Нины Адриановны Харкевич // Русская мысль. № 4281, 5.08.1999. С. 24; *Комолова Н.П.* Италия в русской культуре Серебряного века. М., 2005. С. 117–125.

характера, в первую очередь, в раздражительности и язвительности, что подтверждает и ряд пассажей из его Дневника).

Относительно спокойную жизнь общины перевернула революция: содержать псаломщиков стало роскошью, и в 1923 г. должность Харкевича (и его коллеги В.И. Ярцева) была упразднена (в 1925 г. его все-таки назначили «вольнорабочим регентом»). Начались поиски «хлеба насущного»: Харкевич использует как свои профессиональные навыки, занимаясь концертной деятельностью, так и всевозможными приработками – вместе со своей семьей он устроил, например, русскую чайную. О возвращении в Россию, где начались гонения на Церковь, конечно, не могло быть и речи. Горечь тех лет, осознание нереализованности талантов, напряженность отношений среди обездоленных беженцев выплеснулись и на страницы Дневника.

Страстный патриот, Харкевич – один из активнейших членов русского землячества. Он помогает деятельности новой организации «Русская колония в Тоскане»¹¹, выступает с речами и докладами¹², публикует статьи в местной итальянской прессе, переписывается с видными деятелями эмиграции. Главнейшим его занятием остается духовная музыка, и не только ее исполнение, но и сочинение: его произведения, числом около трех десятков, исполняют во многих зарубежных храмах – наиболее известными стали «Херувимская № 3» и «Отче Наш» (последнее написано в память сына). Пробовал Харкевич силы и в светской музыке, сочинив несколько романсов на стихи Лермонтова, Пушкина, Шевченко и «малороссийских песен».

17 декабря 1961 г. Адриан Ксенофонович скончался и был погребен на флорентийском некатолическом кладбище Аллори рядом с супругой Анной Владимировной на семейном участке Левицких.

¹¹ См. о «Русской колонии в Тоскане»: *Талалай М.Г.* Организации русских эмигрантов во Флоренции // Россия и Италия. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX в. М.: Наука. 2003. С. 32–39.

¹² Основная часть доклада, прочитанного на собрании «Русской колонии» в Британском институте в 1937 г. к 100-летней годовщине со дня смерти поэта, опубликована; см.: *Харкевич А.К.* Пушкинская речь // Христианская культура. Пушкинская эпоха. № 14, 1997. С. 46–50.

На его могильной плите — надпись: «Псаломщик и регент хора при русской православной церкви с 1904г. по 1991 г.»¹³.

Для настоящего издания из Дневников А.К. Харкевича, хранящихся в архиве Г.С. Дозмаровой-Харкевич (Флоренция), выбраны отрывки (титул дан нами), где упоминается княгиня Мария Павловна — одна из тех (немногих) русских флорентийцев, которых мемуарист глубоко почитал.

¹³ См. *Ильина Т.* Памяти Адриана Ксенофонтовича Харкевича // Новое Русское слово, 4.1.1962, с. 4; *Она же.* Россия // Новое Русское слово, 30.4.1963. С. 5.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

*П*ишущему эти строки суждено было поступить на церковно-общественное (общественное по званию причта и члена приходского совета) служение со студенческой скамьи и оставаться в нем почти до конца дней своих. И если с 1903 по 1922 г. на его долю выпало редкое преимущество служить под руководством приснопамятного протоиерея Владимира Левицкого и в сотрудничестве с таким ценным во всех отношениях и достойным благодарной памяти, как его, ныне уже покойный, коллега по С.-Петербургской Духовной Академии, Василий Ильич Ярцев¹⁴, то с 1922 г. ему же пришлось служить в условиях диаметрально противоположных.

Среди нахлынувших беженцев, явившихся сюда в роли не столько прихожан, сколько «прохожан» («сегодня здесь, а завтра там»), создались настроения предвзятого недоверия к прежним порядкам, пошли бесхозяйственность, самоуправство, интриги. <...>

Тут уже не могло быть и речи об умолчаниях, прощениях, подставлениях другой щеки потому, что дело шло не о личном, а об общем, – надо было отстаивать от случайных вершителей судеб прихода, незнакомых с обстановкой и традициями, нередко подверженных капризным настроениям (сколько среди них было бар из мужиков и мужиков из бар!); надо было отстаивать и хозяйство, и благолепие, и достоинство, и – увы! – даже просто приличие. <...>

¹⁴ О своем близком друге В.И. Ярцеве (1878–1946) Харкевич написал обширный неизданный некролог.

«Дневник» – не точное заглавие хроники описываемых событий; он составлен из разновременных заметок и не может претендовать ни на строго хронологическую последовательность, ни на прагматическую связь; когда эти заметки приводились в порядок, ко многим отмеченным в них случаям поневоле пришлось прибавить такие же, случившиеся гораздо позже; многие факты, упомянутые без подробностей, потом описываются полнее, отсюда повторения; наконец, часто приходится говорить о вещах, лично касающихся автора этого дневника, но это неизбежно потому, что с ним, как с причетником и регентом хора, было связано многое, относящееся к благолепию богослужения и к столь важным для интересов прихода и беженцев концертам. <...>

ГОДЫ 1903–1922

После одного года службы при римской посольской церкви, пишущий эти строки был переведен «для пользы благолепия» к церкви флорентийской. Вероятно, этот мотив к переводу надо понимать в том смысле, что переводили его во Флоренцию для изучения благолепия, а не для того, чтобы он сам способствовал еще большему благолепию флорентийской церковной службы: тут нечего было усиливать или добавлять, т.к. местное благолепие находилось на уровне самого высокого достижения. <...>

Благолепию храма соответствовало вполне благолепие службы при пении гармоничного хора, налаженного стараниями настоятеля [о. Владимира Левицкого] и его дочери [Анны]. Основание хора тоже не обошлось без противодействия. Словом, каждое разумное начинание о. Левицкого подвергалось пересудам, критике со стороны скучавшего барства, перед которым он держал себя без угодничества и лести. Он шел по раз избранному пути, не считаясь с «особами», в деле церковном малосведущими, а то и совершенно к нему равнодушными. Конечно, ему этого не прощали, и сплетни о его самовластии, неужив-

чивости, «заинтересованности» в построении храма и т.п. распространялись «надменными потомками известной подлостью прославленных отцов» (по словам Лермонтова, хорошо знавшего эту публику).

Зато полное доверие оказывала о. Левицкому Е.П. Демидова [княгиня Сан-Дonato, урожд. княжна Трубецкая], которая, по примеру своего безвременно скончавшегося мужа [князя Павла Павловича], щедро помогала построению храма и передала его создателю в разное время около 80 тысяч лир (8 миллионов по курсу 1947 г.).

Примеру своих родителей следовала и дочь их, княгиня М.П. Абамялек-Лазарева, всегда внимательно относившаяся к его ходатайствам. Правда, что ходатайствовал он лишь в случаях, не вызывавших никакого сомнения. И не только тогда, когда речь шла о нуждах храма. Суровый и замкнутый по виду, о. Левицкий обладал отзывчивым сердцем, всякое горе и страдание находило в его душе христианский отклик и, когда его личная помощь не могла покрыть нужды просителя, он писал [княгине] в Пратолино: не было случая, чтобы на его призыв не ответили щедрым пожертвованием. <...>

При печальных обстоятельствах «хищения и неправды» и церковно-богослуженческого бесчинства протекали последние дни прикованного к смертному одру прот. Владимира Левицкого, создавшего здесь храм и благолепие православной службы. Настоятель [Михаил Стельмашенко]¹⁵ не удостоил его, после расправы с зятем¹⁶, ни единым посещением. Мало того, была прекращена выдача ему из церковной библиотеки месячных миней, которыми больной утешался и которых имеется двойной комплект. Зато они очень легко и просто были проданы ренегату

¹⁵ Протоиерей Михаил Стельмашенко († ноябрь 1925, Париж) эмигрировал через Константинополь в Чехословакию, где стал настоятелем церквей в Праге, Карлсбаде, Мариенбаде и Францбаде, с 1922 г. — благочинный приходов в Италии, настоятель церквей во Флоренции, Мериано, Сан-Ремо.

¹⁶ В 1922 г. А.К. Харкевич был уволен из причта церкви по распоряжению о. Михаила Стельмашенко.

Денисову¹⁷, и спасло их лишь вмешательство княгини Абамелек-Лазаревой, потребовавшей, чтобы иконы и книги, принесенные в дар ее родителями, не поступали в продажу. Ей было отвечено, что этот дар остался в храме, но в то же время командировали псаломщика Тростянского в контору Gondrand, где дар был изъят из упакованных уже ящиков. <...>

[ПОСЛЕ 1922 ГОДА]

Дореволюционное положение и соответственные условия для служивших в то время при флорентийской церкви, на основании штатов 1876 г., оставались в силе до сентября 1921 г., когда Российское посольство в Риме было вынуждено прекратить свою деятельность. Причт остался в прежнем штатном составе, Высочайше утвержденном в 1876 г. Содержание же его подвержено было неизбежным сокращениям. Штатными псаломщиками состояли кандидаты С.-Петербургской Имп. Дух. Академии: Харкевич, с 1903 г., и Ярцев, с 1907 г., – тенор и бас, как это требовалось установленным обычаем и элементарным музыкальным смыслом; оба с музыкально-вокальным и регентским стажем, оба награжденные орденами за службу во Флоренции¹⁸, оба послужившие концертами как русским военнопленным во время войны (30.000 тогдашних лир), так и русским беженцам и приходу в годы разрухи (15.734 лиры только за 1920-1921 гг.); обоим им хор был обязан высоким музыкальным уровнем, благодаря которому хор получал щедрые пожертвования на его поддержку: <...> – с 1919 г. 3.600 лир ежегодных от княгини М.П. Абамелек-Лазаревой. С 1932 г. ее пожертвование стало

¹⁷ Илья Васильевич Денисов (С.-Петербург 22.1.1893 – Чикаго 7.9.1971) – католический священник мелькитского обряда, историк, философ и богослов; автор книг «Русская Церковь лицом к лицу с томистом» и «Максим Грек и Запад», изданных по-французски, а также книги о Декарте, изданной по-английски; в 1923 г. приобрел у флорентийской общины иконостас из упраздненной домового церкви А.Н. Новицкой, а также некоторую утварь и богослужебные книги.

¹⁸ Мемуарист был награжден орденом Св. Анны 3-й степени в 1910 г.

расходоваться приходским советом на общецерковные нужды, которые и поныне питаются из этого добытого хором источника (до 1942 г. от княгини поступило таким путем 79.200 лир).

Старостой состоял избранный, по рекомендации кн. Абамелек-Лазаревой, Ф.М. Галка, взявшийся с присущей ему энергией и опытностью в делах за исполнение своих обязанностей. Исполнять, впрочем, было нечего: настоятель [о. Иоанн Лелюхин]¹⁹ служить не мог [по болезни], переданные кн. Друцким от прежней администрации счета лежали неоплаченными, т.к. денег для оплаты передано не было, причту содержание не выдавалось по той же причине. Так что все функции старосты ограничивались пока уплатой жалованья (восстановленного в прежнем размере) сторожу. Наконец, настоятель восстал с одра болезни и прослужил первую обедню. <...>

Несмотря, однако, на повышенную плату певчим, польза от хора продолжала иметь решающее значение для церковного бюджета с постоянным перевесом доходов над расходами благодаря концертам, давшим за 1925, 26, 27 и 28 гг. чистой прибыли свыше двадцати тысяч (20.124) лир. На такое состояние церковного хозяйства обратила внимание епархиальная власть, и в 1929 г. протоиерей Лелюхин был награжден «за отличную усердную службу» палицей, а церковный староста Галка удостоился фотографии [митрополита Евлогия (Георгиевского)] с милостивым отзывом. Но не прошло и года, как сей г-н Галка «удивил мир своей неблагодарностью»: в начале февраля 1930 г. приходской совет был уведомлен г-ном Галкой, что он не может далее исполнять обязанности церковного старосты при православной флорентийской церкви, т.к. перешел в католичество²⁰. <...>

¹⁹ Об о. Иоанне Лелюхине см. его Письмо, № 38.

²⁰ Ф.М. Галка расценивал свой шаг как *возвращение* в католичество, так как его родители, украинцы, изначально принадлежали ко Греко-католической (т.н. Униатской) Церкви.

ДОПОЛНЕНИЕ К «ДНЕВНИКУ»

Много лет прошло, «много воды утекло» с того дня, когда я закончил мой, так называемый, дневник. Из тех лиц, которые тогда творили многое и не всегда доброе в нашем приходе, почти никого не осталось; по-видимому, я один. Недаром о. Андрей Насальский²¹ (ныне, как и его предшественник [о. Иоанн Куракин], покойный) говорил: «тут настоятели меняются, но на клиросе все тот же несменяемый Харкевич пятьдесят лет воспеваает славу Божию; кажется, к нему можно применить, перефразируя, изречение Ломоносова: можно храм отставить от Харкевича, но Харкевича от нашего храма едва ли». <...>

В настоятельство о. Насальского было совершено поистине великое дело: постройка на пожертвования княгини Абамелек-Лазаревой и графини Родоканаки домика для настоятеля и причетника в церковном саду. Домик одноэтажный и потому с осушкой его было трудно. Электрическое отопление для этой цели недостаточно. Поэтому бывало и сыровато, и холодновато, пользоваться общепринятой здесь грелкой-скальдино²² о. Андрей не пожелал; но все-таки его здоровье в южном климате улучшилось. Быть может, это обстоятельство способствовало менее осторожному обращению немощного батюшки с теми меню, которые ему подносились как прихожанами, так и друзьями-туристами. Быть может... трудно утверждать. Вдруг в конце августа 1952 г. о. Андрей себя почувствовал очень трудно. Лечиться он не любил, перешел на голодный режим, продолжал служить, страдая много, но не желал прерывать служб ввиду приближавшегося дня ангела княгини Марии Павловны. Крепился много, удалось уговорить его пить прекрасную минеральную воду «Уливетто», которую ему доставляли неутомимые в помощи Дзерини²³. Выдержал и одолел свой недуг. <...>

²¹ Протоиерей Насальский Андрей (23.5.1899, Холм, Привислинская губерния — 10.4.1955, Флоренция) — участник Гражданской войны, эмигрировал во Францию, рукоположен в 1935 г., с 1950 г. до кончины настоятель церкви во Флоренции.

²² *Scaldino* — грелка.

²³ Наемный сторож (*custode*) церкви и его супруга.

По дороге в Святую Землю заехал во Флоренцию [в 1955 г.] настоятель прихода в Льеже о. Роменский²⁴. Это, как говорится, настоящий прелат, благочинный в своем районе, член епархиального совета на Рю Дарю²⁵ и пр. и пр. Почти архиерей, по собственному его замечанию, динамический евлогиевец²⁶. Отслужил у нас весьма благолепно. Отслужил всем приходом и молебствие о здравии уже прикованной к одру смерти нашей попечительницы [княгини М.П. Абамелек-Лазаревой]. Вызывали многолетнего духовника болящей – о. Симеона²⁷. Состоялось знакомство между двумя юрисдикциями²⁸. О. Симеон очень понравился о. Роменскому, «но», заметил он, «там у них такой только он один»... Однако ему совершенно не понравились наезды о. Симеона в Пратолино, да, и вообще, во Флоренцию. Поэтому, ввиду близившейся кончины попечительницы (врачи не давали больше четырех дней жизни, так оно и случилось), о. Роменский энергично настаивал на приглашении [из Милана] о. Аполлона [Сморжевского]²⁹ – на что у прихода средств не было – а относительно

²⁴ Роменский Валент Георгиевич (16.2.1900, с. Курямп, Харьковская губерния – 11.6.1978, Сен-Клу, Франция) – протопресвитер. В Гражданскую войну участвовал в рядах Добровольческой армии в чине прапорщика, эвакуировался через Константинополь в Болгарию, переехал в Париж и окончил Парижский Св.-Сергиевский Богословский Институт, благочинный приходов русского Экзархата на юге Франции и в Италии (1963–1970).

²⁵ Адрес кафедрального собора св. Александра Невского в Париже и резиденции Архиепископии русских православных церквей в Западной Европе под омофором Константинопольского Патриархата.

²⁶ Так автор называет приверженцев Церкви, основанной митрополитом Евлогием (Георгиевским) – Архиепископии русских православных церквей (в составе Константинопольского Патриархата) с центром в Париже.

²⁷ Об архимандрите Симеоне (Нарбекове) см. Письмо № 41.

²⁸ Священники принадлежали к разным Церквям: Архиепископии русских православных церквей и Русской Православной Церкви за границей.

²⁹ Сморжевский Аполлон († 14.3.1962, Милан) – митрофорный протоиерей. Из духовенства; окончил духовную семинарию и С.-Петербургскую Духовную академию, эмигрировал во Францию, священник с 1935 г., настоятель Св.-Николаевской церкви в Милане (1935–1962), благочинный приходов Русского Экзархата Константинопольской Патриархии в Италии (1950–1962).

погребения решительно потребовал вызова епископа из Парижа; всеми усилиями старался устранить «антониевца»³⁰.

Я докладывал ему с доступным спокойствием, что мы все глубокие почитатели о. Симеона и попечительница не менее вас, что все эти абсурдные расколы нас не касаются, что всякие церковные «перегородки», по выражению митрополита московского Филарета, до небес не доходят, что мы здесь молимся о соединении Церквей, а также юрисдикций, и не можем идти по пути углубления бестолковых разделений. Что же касается приглашения епископа, то на это у нас нет и, пока болящая в житии, не может быть полномочий. Не понравилось. Была послана в Париж тревожная телеграмма, и к погребению попечительницы прибыл епископ Сильвестр³¹ в экстренном порядке. Погребение отличалось торжественностью, сослужили о. Симеон и о. Аполлон. Хор был собран тоже в экстренном порядке и подкреплен вызванным из Рима В.Н. Дюкиным. Общие и повторные одобрения и похвалы были вознаграждением хору. Слава Богу, что удалось проводить нашу попечительницу в место упокоения под хорошо исполненными напевами православного погребения: она была непрестанной покровительницей нашего хора и неустанной его помощницей.

³⁰ Те. принадлежавшего к Русской Православной Церкви за границей, к церковной юрисдикции митрополита Антония (Храповицкого).

³¹ Сильвестр (Харунс Иван Антонович) (19.10.1914, Рижская губерния - 18.5.2000, Равдон, близ Монреаля, Канада) — архиепископ. По национальности латыш, в 1938 окончил Парижский Св.-Сергиевский Богословский Институт и пострижен в монашество; видный деятель церковной жизни во Франции, с 1952г. — епископ Мессинский, викарий юга Франции и Италии с местопребыванием в Париже; в 1956 г. поселился в Ницце, настоятель храма Христа-Спасителя в Сан-Ремо (1957–1962), в 1963 г. уехал в Канаду.

ПЕРЕЧЕНЬ ПОМИНОВЕНИЙ,
совершавшихся ежегодно,
согласно воле покойной попечительницы
и многолетней (1900–1955)
благотворительницы храма и прихода,
княгини М.П. Абамелек-Лазаревой,
дочери наиболее потрудившихся
и оказавших существенную помощь в создании храма
Павла Павловича и Елены Петровны Демидовых
князей Сан-Дonato
(*составлен А.К. Харкевичем*)

- Января 26³² — кончина Павла Павловича Демидова князя Сан-Дonato.
Февраля 4 — день рождения княгини Марии Павловны
Абамелек-Лазаревой.
Февраля 16 — тезоименитство князя Семена Семеновича
Абамелек-Лазарева.
Марта 29 — кончина Елима Павловича Демидова князя Сан-Дonato.
Мая 8 — кончина князя Семена Давидовича Абамелек-Лазарева.
Июля 12 — тезоименитство Павла Павловича Демидова князя
Сан-Дonato.
Августа 10 — кончина Елены Петровны Демидовой княгини
Сан-Дonato.
Октября 2 — кончина князя Семена Семеновича Абамелек-Лазарева.
Октября 7 — день рождения Елены Петровны Демидовой княгини
Сан-Дonato.
Октября 21 — день рождения Павла Павловича Демидова князя
Сан-Дonato.
Ноября 9 — поминавание Николая Никитича и Елизаветы
Демидовых, а также князя Анатолия, Павла, графини
Авроры и всех и сродников почивших.
Ноября 10 — кончина графини Елизаветы Семеновны Олсуфьевой,
рожденной княгини Абамелек-Лазаревой.
Ноября 21 — кончина Елизаветы Христофоровны
Абамелек-Лазаревой.
Ноября 25 — день рождения князя Семена Семеновича
Абамелек-Лазарева.

³² Даты по новому стилю.

ГЕНЕАЛОГИЯ КНЯГИНИ М.П. АБАМЕЛЕК-ЛАЗАРЕВОЙ *

Отец:

Павел Павлович Демидов (9 октября 1839 – 14 января 1885, Флоренция). Первая жена (с 7 июня 1867) княжна Мария Елимовна Мещерская (16 февраля 1844 – 26 июля 1868). Второй князь Сан-Дonato. Титул унаследован от дяди, Анатолия Николаевича, и получил официальное признание в России по Высочайшему указу от 12 июня 1872 г.

Мать:

княжна Елена Петровна Трубецкая (25 сентября 1853 – 28 июля 1917), вторая жена (с 21 мая 1871) П.П. Демидова.

Братья и сестры:

Елим Павлович Демидов (25 июля 1868 – 29 марта 1943, Афины); от брака с М.Е. Мещерской. Жена (с 18 апреля 1893) графиня Софья Илларионовна Воронцова-Дашкова (9 августа 1870 – 16 апреля 1953). Без потомства.

Никита Павлович Демидов (17 марта 1872 – 23 марта 1874); от брака с Е.П. Трубецкой.

Аврора Павловна Демидова (3 ноября 1873, Киев – 2 июня 1904, Буссолино-Торинезе, Италия); от брака с Е.П. Трубецкой. Первый муж (с 19 апреля 1892 г.; развод в 1896 г.) Светлейший князь Арсений Карагеоргиевич, принц Югославский

* Генеалогия княгини дается с учетом новой родословной росписи Демидовых, опубликованной в книге Е.И. Красновой «Такие разные Демидовы», СПб., 2007.

(4 апреля 1859 – 19 октября 1938), брат сербского короля Петра. Второй муж (с 10 ноября 1897 г.) пфальцграф Никола-Джованни-Мария Ногера (15 июня 1875, Эболи – апрель 1944, Тревизо).

Анатолий Павлович Демидов (31 октября 1874 – 27 октября 1941, Марсель); от брака с Е.П. Трубецкой. Жена (с 20 января 1900) Евгения Клементьевна Подменер (30 ноября 1871 – 1958).

Павел Павлович Демидов (23 января 1879 – 17 апреля 1909); от брака с Е.П. Трубецкой. Без потомства.

Елена Павловна Демидова (29 мая 1884 – 4 апреля (28 марта?) 1959); от брака с Е.П. Трубецкой. Первый муж (с 26 января 1903; развод в июне 1907 г.) граф Александр Павлович Шувалов (7 сентября 1881 – 13 августа 1935). Второй муж (с июня 1907) Николай Алексеевич Павлов (9 мая 1866 – 31 января 1931 или 1934?). Без потомства.

Муж:

князь Семен Семенович Абамелек-Лазарев (12 ноября 1857, Санкт-Петербург – 19 сентября 1916, Кисловодск). Брак заключен 20 апреля 1897 г. в Гельсингфорсе (Хельсинки).

Племянники:

Павел Арсеньевич Карагеоргиевич, князь, принц-регент Югославский (1893 – 1976); от брака Авроры Павловны Демидовой с А. Карагеоргиевичем. Жена: Ольга, принцесса Греческая (11 июня 1903 – 1997). После смерти матери стал приемным сыном Марии Павловны Демидовой.

Николай Арсеньевич Карагеоргиевич, князь (1895–1933); от брака Авроры Павловны Демидовой с А. Карагеоргиевичем.

Елена-Аврора Ногера, пфальцграфиня (22 мая 1898 – 12 октября 1967); от брака Авроры Павловны Демидовой с Н.-Дж.-М. Ногерой. Муж: Гастон Тиссо (12 декабря 1891 – 21 июня 1945).

Елена Анатольевна Демидова (15 августа 1901 – 26 июня 1970), от брака Анатолия Павловича Демидова с Е.К. Подменер. Муж (с 29 июля 1926) Поль Жоффруа (2 мая 1903-27 октября 1991). Без потомства.

Евгения Анатольевна Демидова (12 сентября 1902 – 1995), от брака Анатолия Павловича Демидова с Е.К. Подменер. Муж (с 1927 г.) Жан Жербер (1905 – 1981).

Аврора Анатольевна Демидова (28 ноября 1909 – 17 марта 1944), от брака Анатолия Павловича Демидова с Е.К. Подменер. Муж (с 29 июля 1933) Жан Жиро (26 октября 1912 – 5 февраля 1962).

Павел Александрович Шувалов, граф (1903 – 1960); от брака Елены Павловны Демидовой с А.П. Шуваловым. Жена: Анна Ивановна Раевская (1903 – 1991).

Елена Александровна Шувалова, графиня (1904 – 1992); от брака Елены Павловны Демидовой с А.П. Шуваловым. Первый муж: светлейший князь Павел Александрович фон Ливен (1887 – 1943). Второй муж: Уильфред-Ноэль Стаббс (р. в 1911 г.).

Полную поколенную родословную роспись Демидовых князей Сан-Дonato см.: *Талалай М.Г., Павловский Н.Г.* Демидовы, князья Сан-Дonato. Иностранная библиография. Екатеринбург: Демидовский институт, 2005. С. 112–116.

ИЗ ПОСЛУЖНОГО СПИСКА КН. С.С. АБАМЕЛЕК-ЛАЗАРЕВА

Князь Семен Семенович Абамелек-Лазарев, шталмейстер Высочайшего Двора (6 мая 1905 г.), почетный попечитель Лазаревского института восточных языков (Москва), почетный опекун Горного Совета (29 декабря 1915 г.), член (с 1897 г.) и председатель Горного Совета, почетный мировой судья Крапивенского уезда Тульской губернии.

Родился 12 ноября (иногда ошибочно указывается 7 ноября) 1857 г. в Петербурге, Невский пр., дд. 40-42 (дома армянской церкви Св. Екатерины). Скончался от паралича сердца 19 сентября 1916 г. в Кисловодске. Перевезен в Петербург, похоронен 30 сентября 1916 г. в Воскресенской церкви-усыпальнице на Смоленском армянском кладбище.

Вероисповедание: армяно-григорианское.

Род Абамелеков (первоначально – Абамеликов) утвержден грамотами грузинского царя Ираклия II 29 марта 1788 г. и 1 марта 1794 г. внесен в 5-ю часть Родословной книги Тифлисской губернии. Определением Правительствующего Сената от 16 сентября 1854 г. князь Семен Давыдович Абамелек утвержден в княжеском достоинстве и внесен в 5-ю часть Родословной книги Московской губернии. Определением Государственного Совета отставному генерал-майору Семену Давыдовичу Абамелеку дозволено принять фамилию его покойного тестя Христофора Екимовича Лазарева и потомственно именоваться князем Абамелек-Лазаревым. Высочайше утверждено 16 января 1873 г. Определением Сената от 7 декабря 1887 г. князь Семен Семенович

Абамелек-Лазарев утвержден в княжеском достоинстве и внесен в 5-ю часть родословной книги Тульского дворянства. 18 мая 1894 г. Высочайше утвержден родовой герб князей Абамелек-Лазаревых и внесен в XV часть «Общего гербовника» (160, XV, 4).

Имена:

Родовые земли:

- а) в Тульской губернии, в Крапивинском уезде – 2300 десятин;
- б) в Каменец-Подольской губернии, в Балтском уезде – 3200 десятин;
- г) дома в Петербурге;
- е) в Пермской губернии, в Пермском, Оханском, Соликамском и Чардынском уездах, в Вятской губернии, в Слободском уезде – два чугуноплавильных железоделательных завода и два соляных промысла.

Благоприобретенное:

- а) земли в Пермской губернии – 2026 десятин;
- б) в Соликамском уезде – 677 десятин;
- в) в Пермском уезде – 698 десятин;
- г) в Оханском уезде – 650 десятин;
- д) дома в Петербурге, Нижнем Новгороде, Москве и Перми;
- е) Вилла в Италии.

О службе:

Окончил полный курс наук в Императорском С.-Петербургском университете по историко-филологическому факультету со степенью кандидата в 1881 г. (диссертация «Феррейские тираны»). Отправился в путешествие по странам Востока в 1882 г. с художником В.Д. Поленовым и профессором Академии Художеств А.В. Праховым. Раскопал Пальмирский таможенный тариф 137 года. За это научное открытие Французская Академия наук признала его своим адъюнктом. 2 февраля 1884 г. французское правительство наградило его знаком отличия «Officier de l'Instruction Publique». Высочайше дозволено носить этот знак 1 мая 1884 г. Опубликовал книгу «Пальмира»

(СПб., 1884). Оплатил доставку камня в Россию, в Эрмитаж, в 1901 г. По отбытии воинской повинности определен на службу в Министерство народного просвещения с причислением к оному 28 февраля 1884 г.

Коллежский секретарь со старшинством – 2 февраля 1884 г.

Камер-юнкер двора Его Императорского Величества – 13 апреля 1886 г.

Титулярный советник – 12 сентября 1887 г.

Заместитель представителя Горнозаводской промышленности Министерства путей сообщения – 25 января 1888 г.; 20 декабря 1890 г.; 16 декабря 1891 г.

Почетный попечитель Лазаревского института восточных языков – 16 июля 1888 г.

Командирован с ученой целью за границу на 4 месяца – 27 августа 1889 г.

Коллежский советник с сохранением звания камер-юнкера – 1 апреля 1890 г.

Назначен в должности италмейстера двора Его Императорского Величества – 30 августа 1893 г.

Член Горного Совета – 18 января 1895 г.

Путешествие в страны Востока: Египет, Палестина, Сирия. Издание книги «Джераш. Археологическое исследование кн. С.С. Абамелек – Лазарева» (СПб., 1897).

Командирован на Кавказ для исследования добычи серы в Дагестанской области и положения медеплавильного дела в Закавказье – 18 апреля 1895 г.

Назначен в финансовую комиссию министерства финансов для обсуждения «Положения о Государственном промысловом налоге» – 3 ноября 1895 г.

Представитель в Комиссии народного просвещения о школьном обучении малолетних рабочих – 4 мая 1896 г.

Командирован на Сицилию на 2 месяца с целью изучения вопроса о добыче серы – 7 октября 1896 г.

Член комиссии Горного Департамента о нормировании рабочего времени на горных промыслах – 13 февраля 1897 г.

Действительный статский советник – 5 апреля 1898 г.

Член совещания IX Съезда Уральских горнопромышленников – 12 марта 1901 г.

Орден Св. Владимира II ст. – 14 апреля 1902 г.

Орден Св. Станислава I ст. – 17 апреля 1905 г.

Орден Св. Анны I ст. – 29 мая 1909 г.

Член Межведомственной комиссии для разработки вопроса о праве на недра с дроблением земельной собственности – 11 марта 1909 г.

Орден Сербский Св. Саввы I ст. – 29 ноября 1910 г.

Орден Св. Владимира II ст. – 25 марта 1912 г.

Право ношения на груди медали в Память 300-летия Дома Романовых – 21 февраля 1913 г.

Орден Белого Орла «300-летие Дома Романовых» – 26 мая 1913 г.

Почетный опекун Опекунского совета учреждений императрицы Марии – 29 декабря 1915 г.

Высочайшая благодарность – 1915 г.

Орден Св. Александра Невского – 10 июля 1916 г.

Грамота «За труды по устройству беженцев Юго-Западного фронта» – 1916 г.

Женат первым браком 1897 апреля 20 (Гельсингфорс) на княжне Марии Павловне, дочери действительного статского советника, киевского городского головы, уральского заводо-владельца князя Павла Павловича Демидова и княжны Елены Петровны Трубецкой, православного исповедания. Родилась 1877 г. 22 января, крещена 30 января, воспитанник император Александр II и княгиня Елена Павловна Кочубей.

Архивные источники находятся в Российском Государственном Историческом архиве, С.-Петербург (Фонд 880, «Абамелек-Лазаревы» (приношу благодарность за помощь Елене Гдальевне Поповой). Подробную биографию кн. С.С. Абамелек-Лазарева см. *Ипполитова Г., Гасперович В.* Владельцы «Виллы Абамелек». СПб.: Нестор-История, 2005. 82 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ипполитова Г., Гасперович В.* Владельцы «Виллы Абамелек». СПб.: Нестор-История, 2005.
- Краснова Е.* Петербург и Демидовы // Альманах Международного Демидовского Фонда. Вып.3. М., 2003. С. 7–23.
- Нивьер А.* Православные священослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995. М.: Русский путь, 2007.
- Ризалити Р.* Переписка М.П. Демидовой с русской эмиграцией в Европе // Культурное наследие эмиграции 1917–1940 гг. М., 1994. Кн. 2. С. 422–426.
- Ризалити Р.* Княгиня М.П. Демидова в судьбах русской эмиграции // Россия и Италия. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX в. М.: Наука. 2003. С. 39–45.
- Талалай М.Г.* Генеалогия Демидовых князей Сан-Донато (по зарубежным источникам) // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 3. М., 2003. С. 115–119.
- Талалай М.Г., Павловский Н.Г.* Демидовы, князья Сан-Донато. Иностранная библиография. Екатеринбург: Демидовский институт, 2005.
- Adamiscina O.* Villa Abamelek. Rome: Finmeccanica, 1992.
- Balfour N., Mackay S.* Paul of Yugoslavia, Britain's Maligned Friend. London: Hamish Hamilton, 1980.
- Vočarov I., Glušakova Ju.* Una villa sulla via Vecchia bolognese // Realta sovietica, 1973, № 2, p. 51–59.
- Benocci C.* Villa Abamelek. Milano: Marzotta, 2001.
- Demidoff sconosciuta. Alla ricerca di una Pratoлина dimenticata (a cura di G. Valdré). Firenze, Provincia di Firenze: Alinea, 1990.
- Carocci G.* I dintorni di Firenze. Firenze, 1906. Переизд.: Roma, 1968.

- Catalogo di quanto e contenuto nella Villa Demidoff a Pratolino, presso Firenze venduto per ordine di S.A.R. il Principe Paolo di Jugoslavia. London: Sotheby's of London, 1969.
- Dami L.* Il giardino italiano. Milano: Bestetti e Tumminelli, 1924.
- Chelazzi G., jr.* Il Principato fiorentino dei Demidoff. Firenze: Giampietro Pagnini Editore, 1998.
- Ferrand J.* Les familles princières de l'Ancien Empire de Russie. Paris, 1997.
- Foresi M.* Il principato fiorentino dei Demidoff // La Lettura, XX, 1925, p. 693-697.
- Gonçales-Palacios A.* La vendita Demidoff // Arte Illustrata II/17-18, 5-6.1969), p. 116-123.
- Heikamp D.* Les merveilles de Pratolino // L'Oeil CLXXI (March 1969), p. 16-27.
- I Demidoff a Firenze e in Toscana (a cura di *L. Tonini*). Firenze: Olschki, 1996.
- Ikonnikov N.* La Noblesse de Russie. Paris, 1951.
- Il giardino d'Europa. Pratolino come modello nella cultura europea. Milano: Mazzotta, 1986.
- Il giardino romantico (a cura di *A. Vezzosi*). Firenze: Alinea, 1986.
- La chiesa ortodossa russa di Firenze (a cura di *V. Vaccaro*). Livorno, 1998.
- L'archivio della principessa Demidova. Lettere e documenti (a cura di *S. Merendoni*). Firenze, 2000.
- La Coste-Messeliure, de M.G.* La Villa Demidoff // L'Oeil CLXXI, № 41 (March 1969), p. 41-47.
- La Firenze dei Russi (a cura di *L. Tonini e M. Talalay*). Firenze, 2000.
- Pratolino. Villa Demidoff. Arte, storia, natura (a cura di *Z. Ciuffoletti*). Firenze: Alinari, 1990
- Zangheri L.* Pratolino. Il giardino delle meraviglie. Firenze: Luigi Gonnelli & Figli, 1979.
- Talalay M.* La chiesa ortodossa russa della Natività di Cristo e di San Nicola Taumaturgo in Firenze. Firenze, 2000.

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ САН-ДОНАТО
Княгиня Абамелек-Лазарева,
урожденная Демидова

Руководитель проекта *В.С. Мелентьев*

Макет *Н.Г. Демидова, М.Г. Талалай*

Техническое редактирование *Н.Г. Демидова*

Художественное оформление *В.Л. Дорохов*

Компьютерная верстка *А.Б. Сидоренко*

Издательский центр «Концепт-Медиа»

Подписано в печать 11.11.2009

Формат 60×90 ¹/₁₆. Гарнитура «Petersburg»

Бумага офсетная и мелованная. Тираж 500 экз.